АРХИВ ПУСТОТЫ

Игорь ВЕРЕСНЕВ
Юлиана ЛЕБЕДИНСКАЯ

НАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Двадцать четвертый век…

Казалось, череда технологических прорывов, совершенных в прошлом, привела человечество к Золотому веку. Квантовые компьютеры, дешевая энергия, материалы с невиданными свойствами, синтетическая пища. Но стремительный прогресс истощил природу. Экологическая катастрофа поставила планету на грань гибели. Чтобы найти выход, лучшие умы Земли собрались в Крыму, в закрытом защитным куполом Наукограде. В нем живут только ученые, которым нет дела до остального населения мира, так называемых «обдолбов». Пусть «обдолбы» безудержно потребляют легальные симуляторы, предаются низменным развлечениям и бездельничают – элита Наукограда работает не ради них, а ради будущего. Но будущее непредсказуемо, и над Наукоградом нависает угроза уничтожения…

- Игорь Вереснев, Юлиана Лебединская
  - Пролог
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Эпилог

Игорь Вереснев, Юлиана Лебединская
Архив пустоты

Пролог

Снежинки таяли на чёрных кудрях. Их сёстры кружили в воздухе, опускались на асфальт, покрывая его прозрачным белым ковром, который тут же украшался цепочкой следов. Девушке в оранжевой жилетке дворника не было дела ни до снеговых ковров, ни до следов – и то и другое нещадно сметалось проворной метлой. Вечерние прохожие, спешившие в метро, оборачивались, засматривались на молодую красивую дворничиху. Осанка гордая, глаза большие и синие, волосы длинные, густые, фигура… фигура скрыта под бесформенным пуховиком и жилеткой, но почему-то не оставалось сомнений, что с этим у девушки тоже всё отлично. Ей бы на подиуме дефилировать, а не улицы подметать. Зелёный юнец попытался с ней флиртовать, солидный мужчина в кожаном пальто предложил подработать в другом месте – более уютном и тёплом, две тётки, проходя мимо, фыркнули.

И лишь один парень наблюдал за дворничихой молча, на расстоянии – с автобусной остановки. Прошло четверть часа, прежде чем он решился подойти к незнакомке. Он не знал, что ей скажет, да и скажет ли что-нибудь. Но стоило приблизиться к красавице с метлой, как слова вырвались сами:

– Девушка, вам помочь?

Она внимательно на него посмотрела, и парень стушевался под пристальным, оценивающим взглядом. Он уже собрался извиниться и ретироваться, когда девушка улыбнулась. И медленно ответила:

– Пожалуй, да. Помоги.

Глава 1
Наукоград Калиеры

День выдался тяжким – а каким он ещё может быть у старшего ловца? Затылок ломило от усталости и напряжения, но Огней Корсан знал прекрасно: если сейчас лечь спать, сон всё равно не придёт. Единственное спасение – выйти во двор, постоять в тишине и темноте, ни о чём не думая, посмотреть на звёзды, подышать свежим воздухом Калиеры. Мало кто из жителей Наукограда способен оценить, какая это привилегия – тишина, темнота, чистый воздух. Привыкли. В мегаполисах внешнемирцев и звёзд не разглядишь, какая уж темнота! Назойливая реклама лезет в глаза и уши, вместо воздуха – смрад от заводских труб и мусорных свалок, щедро сдобренный «ароматизаторами» и «освежителями». А за стенами мегаполисов… Впрочем, там жизни нет.

Марину Корсан увидел издали – та шла по ярко освещённой дорожке между коттеджами. Спешила, бежала почти. Домой торопилась с прогулки – вот уж кого внешним миром не напугаешь. Самого Огнея девушка видеть не могла – дикий миндаль, растущий вдоль забора, прятал его двор в тени. Да и не смотрела она по сторонам. Испугается, если окликнуть? А если молча открыть калитку и выйти навстречу? С удивлённым видом: «Ба, какие люди!»

Ни первого, ни второго он сделать не успел.

– Марина?! Ты где была? – Профессор Ирвинг Гамильтон шагнул из бокового проулка наперерез дочери. – Дозвониться до тебя не могу!

– Я только что вернулась.

– Снаружи?! А время видела? Ты же опоздать могла! Что это? – Гамильтон вырвал из рук дочери пластиковый пакет. – Ты это ела?!

Марина фыркнула. Отец принялся изучать отобранный пакет. Огней вытянул шею, но с такого расстояния не разглядеть ничего.

– Фу. Фу-у-у! Мать честная, фу! Марина Гамильтон, ты больше не выйдешь за пределы Наукограда!

– Папа, я не ела этого. Просто принесла образец. Пригодится для наших диетологов.

– Что за чушь? У нас полно этих образцов!

– Это я попросил.

Спорщики вздрогнули. А Огней Корсан вышел из темноты.

– Мне в «Быстрожрать» ход заказан. А там, кажется, начали

продавать синт-бургеры, которые можно есть без таблеток для восстановления печени. Прямо-таки прогресс в пищевой технологии обдолбов. А, нет. Вот он – восстановитель. Но всё равно спасибо, Марина.

Марина благодарно сверкнула глазами и зашагала к дому. Сумасбродная девчонка. Заступник искренне понадеялся, что леди Гамильтон и правда этого не ела.

– Ты использовал мою дочь? Огней Корсан, в глаза смотри!

– Она всё равно ходит в «Быстрожрать». А наших камер там нет.

– Чтобы это последний раз было, – выдохнул профессор и пошёл за дочерью.

Огней Корсан посмотрел им вслед. Поднял с травы миндальный орешек, попробовал раздавить. Нет, крепкий. Вообще-то Ирвинг прав. Не стоит молодой девушке так часто таскаться во внешний мир. Эх, Марина, Марина. Повезло тебе, что ты дочь ведущего учёного Наукограда. Иначе стали бы терпеть твои чудачества? Впрочем… Для всего мира Наукоград – бельмо на глазу. Для них же бельмо – Марина, возлюбившая внешний мир. Вернее, его часть. Весьма отвратительную…

Тропинка ложилась под ноги причудливой спиралью, неожиданно расходилась развилками или вовсе обрывалась тупиками. Человека постороннего она легко запутает, особенно ночью, но Марина знала её с детства. Справа – фонтан, слева – ступеньки, а за следующим поворотом – вековой дуб, он рос здесь задолго до строительства Наукограда. И вот уже дом старшего Корсана. Можно вздохнуть с облегчением. Она пришла к другу.

Марина Гамильтон застучала в окно.

– Николай! Никола-а-ай, ты мне нужен!

За стеклом зашуршало, скрипнуло, включился свет, снова заскрипело, на этот раз отчётливей. Николай, как всегда, долго возился, оно и понятно – пока выберешься из кровати, усядешься в коляску. Собственно, и залезала она каждый раз через окно, чтобы другу не приходилось катиться до самых дверей. Николай наконец открыл окно и впустил гостью.

– Я едва ускользнула от отца, – затараторила Марина, оказавшись в комнате. – Полчаса читал мне нотации. Николай, я только тебе могу довериться. О! Прости, я тебя потревожила.

– Ничего. Продолжай.

– Дин хочет, чтобы я переселилась во внешний мир. Нет, не так. Он настаивает на этом. Говорит, что устал от встреч урывками, устал бояться потерять меня. И он даже слышать не хочет о том, чтобы переехать в Наукоград! Я бы могла поговорить

с отцом, умолить его забрать Дина к нам, но Дин…

– А чем я могу помочь?

– Как мне его убедить? Ты же мужчина, и Дин – тоже…

Николай хмыкнул – не то обиженно, не то презрительно.

– …А мужчина скорее подберёт весомые аргументы для другого мужчины.

Николай зажмурился. Сдерживая зевок, спросил:

– Почему он не хочет переезжать?

– Говорит, Наукоград для него чужой и он к нему никогда не привыкнет.

– В чём-то он прав.

– Да. – Марина опустила голову. – Я недавно хотела его привести к отцу. Но сначала попросила помыть голову. И надеть что-то приличнее старой нестираной футболки. Знаешь, что он сказал? Что футболка эта куплена в магазине «Понты раздутые» и носить её почётно, а кто не носит – тот ухлоп полный. А потом как разозлился! Начал кричать: «Ты что, меня стесняешься? Не любишь таким, какой я есть!»

Николай дёрнулся, словно от удара. И посмотрел вдруг с такой злостью, что Марина испугалась и отодвинулась от окна. Пока её туда не вышвырнули. Или – что ещё хуже – не начали уговаривать забыть Дина и обратить внимание на Огнея. Она ведь опять не сможет ответить ничего путного. Как втолковать человеку, что его родной брат, идеальный прекрасный Огней весь в грязи? Как самой себе это объяснить?

Впрочем, ничего такого говорить и делать Николай не стал. Вздохнул, на секунду прикрыл глаза, а когда открыл их, перед Мариной снова был друг – спокойный, добрый и понимающий. Он спросил:

– А ты любишь и не стесняешься?

– Люблю! А стесняюсь ли… Знаешь, я иногда сама себе полной обдолбанкой кажусь, но… Я верю, что Дин может измениться. Он не такой, как другие внешнемировцы. Он читает! Они там уже забыли, что такое книги, а Дин – нет. Он знает стихи Цветаевой. Наизусть! И он очень несчастен. Если бы его воспитали в Наукограде… Ему просто нужен кто-то, кто поможет измениться, выбраться из болота.

– Измениться, говоришь? – Кажется, Николай начинал дремать. – А он просил его менять?

– Он хочет быть со мной.

– Это разные вещи.

– Если я буду рядом, Дин изменится, я уверена!

– А ты не думаешь, что он захочет изменить тебя? Ладно. Давай вот что попробуем. Предложи ему эксперимент – пусть

поживёт в Наукограде месяц. Не понравится – уйдёт, и ты не станешь его удерживать. Не-ста-нешь, ясно? А вдруг проникнется и останется?

Марина благодарно обняла друга.

Ирвинг полночи мерил шагами комнату. Неспокойно было на душе, и причины на то имелись. Во-первых, Мартин Брут последнее время стал хмур, зол и скрытен. А это плохой знак. Без Мартина ничего бы не состоялось, Мартин – не только старший куратор Наукограда, он – связующее звено между городом учёных и Правительством. И вот сейчас Мартин ходит мрачнее тучи.

Плохой знак.

А во-вторых, не меньше Мартина беспокоила Ирвинга Марина. Что и когда он сделал не так? Почему дочь готова жизнь отдать за жалкого оборвыша из внешнего мира и абсолютно равнодушна к делу всей его, Ирвинга, жизни? В лабораторию каждый раз приходит с таким видом, будто не себе карьеру, а ему одолжение великое делает. Обидно. Разве не ради неё он боролся за процветание Наукограда? А Елена? Разве не ради единственного ребёнка рвалась она в город под куполом?

Елена, Елена. Как она боялась за дочь. Как не хотела воспитывать её во внешнем мире. Переживала, что Наукоград не достроят к тому времени, как девочка начнёт взрослеть. Или – о ужас! – совсем не достроят. Или достроят, но их семья по какой-то нелепой причине останется за бортом. В этом ужасном мерзком мире.

– Я-то её воспитаю, как смогу, объясню, что хорошо, что плохо, но она выйдет на улицу, а там – сплошные обдолбы! – плакала Елена в плечо мужу. – Сделай что-нибудь!

Ирвинг Гамильтон сделал. Одним из первых получил приглашение в Наукоград, возглавил лабораторию. А затем стал правой рукой самого Мартина Брута.

– Смотри, родная, у нас новый дом, – сказал он жене в день переезда. – Здесь ты воспитаешь нашу дочь, как хочешь.

– Да… Ирви, помнишь старую книгу моего отца? «Гадкие лебеди». Там герои воспитали детей и предотвратили кошмарное будущее.

– Помню. – Ирвинг обнял её. – У нас будет так же.

– Но нас так мало. Пять тысяч против почти пяти миллиардов!

– Ничего. Будет больше. И у нас перед жителями дождливого города есть огромное преимущество. Им, чтобы изменить будущее, пришлось стереть самих себя. Нам никого не придётся стирать!

Елена закивала. Обняла мужа.

– Ты позаботишься о Маринке? Ты ведь знаешь, мне осталось лет десять, не больше.

– Успокойся, любимая. Не надо.

Да, Ирвинг знал… Первый из «цветных» вирусов был зарегистрирован в 70-е годы прошлого, двадцать третьего, века. «Пурпурный», «зелёный», «алый» – они различались симптоматикой. Но итог всегда был один – стопроцентный летальный исход. Чуть более пятидесяти лет прошло, а пандемия успела сократить население планеты почти вдвое. Никто не понимал, откуда они взялись. Официальная версия: утечка мутировавших боевых вирусов из старых саркофагов с биологическим оружием. Неофициальная: утечка была далеко не случайной, Правительство пыталось регулировать численность населения планеты и, как всегда, потеряло контроль над ситуацией. Недобитые «зелёные» выдвинули свою теорию – загрязнение окружающей среды достигло апогея, и теперь люди пожинают плоды собственного свинства.

Вакцину, защищающую от вирусов, микробиологи Наукограда в конце концов нашли – эмпирическим путём. Вот только действует она лишь на тех, кто родился и вырос под куполом. В чём причина: экология, питание, и то и другое вместе или вообще что-то иное, – разобраться пока не получалось. А значит, учёные по-прежнему не могли помочь сотням миллионов больных, ожидающих смерти во внешнем мире. Да что там! Они и своих спасти не могли. Виктор Корсан, талантливый врач-диетолог, умер от зелёного вируса спустя шесть лет после переселения в Наукоград. Его сын Николай в тот же день впервые почувствовал онемение в ногах – видимо, стресс ускорил болезнь. К счастью, младшего из Корсанов, Огнея, эта дрянь миновала.

Огней. Он и двадцать лет назад был смелым, отчаянным и симпатичным мальчишкой, а уж сейчас – мужчина хоть куда. С кем бы с радостью породнился Ирвинг, так это с младшим Корсаном. Достойный наукоградец, здоров, воспитан. Красавец, наконец! Так нет же! Для Марины недостаточно хорош. Говорит – грязь вокруг него. Совсем из ума выжила? Обдолб, неспособный помыться, стало быть, чистый. Впрочем, все эти мысли Ирвинг предпочёл оставить при себе. Не мог он управлять дочерью, хоть стреляйся, не мог. С коллегами и подчинёнными был твёрже камня, а с собственным ребёнком превращался в лапшу мягкосортную.

Где он ошибся?

Пока Елена была жива, Марина не то что выйти из Наукограда не могла – даже к воротам приблизиться. Умирая,

жена заставила Ирвинга поклясться, что и он не выпустит дочь за пределы купола. Ирвинг поклялся. Хотя, признаться, в ту минуту учёного в очередной раз озаботил вопрос: «Почему при всех своих возможностях они так и не изобрели лекарство от болезни его любимой женщины?» Если нельзя уничтожить вирус полностью, то хотя бы задержать! Чтобы с момента проявления оставалось не десять-пятнадцать лет, а больше. Хоть немного больше.

Занятый тяжкими мыслями, он вскоре позабыл о клятве.

Вот и ошибка.

Марина начала свой роман с внешним миром. А Ирвинг, когда опомнился, понял, что влиять на дочь больше не может. Он даже не всегда знает, ночевала Марина дома или бродила всю ночь с ненаглядным Дином.

Каблучки цокали по асфальту. Раз за разом приходилось переступать через окурки, разбитые бутылки, грязные трусы, упаковки из-под «коктейлей обдолбов» и ночной наркоты, прочий мусор. Уборка улиц однозначно не стояла у автоматов в списке главных дел. За всё время, которое она провела во внешнем мире, только одного железного убиральщика и видела. Хотя… Вон, кажется, и второй. Но что это? Стальной бот медленно полз по асфальту, шевеля забавными щетинистыми щупальцами, а за ним шёл высокий худой мужчина. И в руках у него был… Неужели пульт? С каких пор люди управляют ботами? Глупости. Обдолб бредёт за убиральщиком, а со стороны выглядит… Нет, он всё-таки им управляет. Переобдолбался, что ли?

Мужчина поднял голову и посмотрел на Марину взглядом уставшим, но вполне осмысленным и любопытным. Она вздрогнула. Она видела этого человека раньше. В Наукограде. И там… там он тоже убирал мусор! Только грязи вокруг него не было. А пялился на неё точно так же. Тогда она подумала, что это – новый наукоградец, которому всё в диковинку, потому и таращится по сторонам, но сейчас… Почему он уставился? Это другой уборщик, не может, чтобы тот самый. Всего лишь похож. Такой же долговязый. А смотрит на неё, потому что не каждый день во внешнем мире увидишь девушку в нормальном платье.

Хотя какое дело обдолбу до платья?

Странно. Надо Дину пожаловаться! Да, непременно. А покажется этот красавец ещё раз в Наукограде – рассказать отцу.

Марина бросила на убиральщика гневный взгляд и ускорила шаг, свернула за угол унылого здания и оказалась на городской площади, края которой были утыканы треугольными столбиками. Её ждали. Дин стоял под плакатом, рекламирующим мужское достоинство. Марина снисходительно улыбнулась. Пока в

Наукограде ищут спасение от цветных вирусов, внешнемировцы нашли своё решение. Живи сколько сможешь и не думай о будущем! Забавные они.

А Дин уже шёл навстречу, быстро и слегка прихрамывая, торопился обнять любимую и… про душ он опять забыл. Впрочем, ладно. Да, воняет, зато грязи вокруг него нет.

– Ты чем-то расстроена?

– За углом какой-то тип. Он следит за мной. Мне показалось…

– Разбить ему морду?

– Э… – Марина прижалась к любимому. Разбираться с таинственным убиральщиком вдруг перехотелось. – Нет, просто будь рядом.

– Хорошо, куда пойдём?

– Куда хочешь. Хоть в «Быстрожрать».

– Ты же его не любишь?

– Зато ты любишь!

Дин довольно крякнул и расправил плечи. «Вдобавок твоё «Быстрожрать» такая дыра, что ни один убиральщик туда и носа не сунет», – подумала Марина.

– А я рассказывал, что именно здесь, на этой площади, встретил Сапа Бурого?

«Вообще-то рассказывал».

– Лидера по кликам в Интернете.

«И не раз».

– Он подарил мне свою флягу с элитной алой смесью. Вкури на минутку – личную флягу!

«Но ведь этот рассказ каждый раз доставляет тебе такое удовольствие…»

– Сказал, что я достоин её хранить! – Дин засмеялся. – Вот она, та самая фляга! Только смесь уже другая.

Марина сдержанно улыбнулась.

– Расскажи лучше, прочитал ли ты книги, которые подарила я?

Дин перестал смеяться, задумался.

– Осилил пока «Машеньку». Клёвая вещь, хоть и старьё. О том, что не всем мечтам стоит сбываться, а всякую романтику юности лучше там, в юности, и откинуть. Чтобы не опошлить в дупло. Ой, извини. Просто – чтобы не опошлить.

Лицо Дина стало мечтательным и одухотворённым, Марина радостно выдохнула. В такие минуты она чувствовала, что права, что Дин – не обдолб, а человек, которому не повезло, угораздило жить в этом ужасном мире. Марина всегда это знала, с самой первой их встречи…

О, первая встреча. Как она тогда влипла… Год назад.

…Как же она влипла. Впервые выбралась из Наукограда без проводника и тут же умудрилась заблудиться. В мегаполисе со смешным названием Кок она бывала раз десять, но кто там запоминал дорогу? Огней рядом, выведет. Вернее, тогда ей казалось, что всё легко и понятно, но стоило очутиться здесь одной… Дома – грязно-жёлтые бетонные коробки – так друг на друга похожи, и никаких отличительных знаков. То ли дело у них в Наукограде: возле одного дома сирень цветёт, около другого – жасмин. У Мартина Брута перед апартаментами – озерцо с фонтанчиком, у Николая – ковёр из клевера. Даже если забудешь адрес, всё равно любого найдёшь. А здесь… Ни одного дерева, ни одного кустика. Да и адреса-то ни одного… Таблички с номерами домов и названиями улиц погибли смертью храбрых ещё в прошлом веке. В какой стороне Наукоград? Где хотя бы станция? Одному мирозданию известно. Нет, возможно, внешнемировцы могли бы подсказать дорогу, но никто из них не снизошёл до разговора. Лишь опасливо косились на Марину и обходили стороной, прежде чем она успевала открыть рот. Пару раз Марина всё же попыталась заговорить – с двумя мужчинами и тремя старушками. Мужчины отпустили в её адрес пошлую шуточку, старушки недобро зыркнули, прошамкав непонятное, а стоявший рядом бот-наблюдатель сообщил, что шлюхам до темноты на улицах делать нечего.

Тогда-то и поняла Марина, что нарядилась она для внешнего мира слишком необычно. Шёлковая персиковая блузка с глубоким декольте, обтягивающие белые брюки из хлопка, босоножки на каблучке… В Наукограде она бы не выделялась из толпы. Но здесь… Все внешнемировцы были одеты либо в нечто серое и бесформенное, либо затянуты в латекс, переливающийся ядовито-яркими цветами. Люди в балахонах похожи на потерпевших кораблекрушение из старых фильмов, в латексе – на магазинные манекены оттуда же.

И ни те ни другие общаться не желали.

Теперь она поняла, зачем Огней каждый раз заставлял напяливать уродский серый плащ! Однако сегодня младшего Корсана рядом нет, а между тем…

Ворота Наукограда запираются в одиннадцать вечера.

Связи с домом нет – наукоградские визифоны здесь не действуют, как и внешнемирские – в Наукограде.

Дико хочется есть!

Впрочем, последнюю проблему решить проще всего – в конце серой улицы маячил продуктовый магазин, а внешнемирской

расчётной карточкой отец её снабдил. Правда, и он, и Огней не раз предупреждали, чтобы не притрагивалась к местной еде, но что делать, если прихваченный из дому овощной бутерброд она уплела ещё до обеда, а сейчас почти вечер?

Магазинные полки были забиты разноцветными пластиковыми пакетами с лаконичными надписями: «завтрак 1», «завтрак 2», «обед 5», «обед 8», «ужин 13», «закуска»… Марина растерялась. Осмотрелась. Других людей в магазине не было. Зато от стены отделился бот-продавец – металлический цилиндр на колёсиках. Подъехал к девушке. Выдвинул из корпуса миниатюрную клавиатуру. И неожиданно приятным мужским голосом изрёк:

– Сделайте свой заказ.

– Э-э-э… Поесть бы чего-нибудь.

– Сделайте свой заказ.

– Проклятье. – Она скользнула взглядом по полкам. – Ничего не понимаю. Что такое, например… например, закуска номер два?

– Нажмите кнопку «два» и букву Z.

Марина вздохнула и нажала.

– Закуски номер два нет в наличии.

– Что это вообще такое? Ты можешь объяснить? Ты меня понимаешь?

– Состав закуски номер два: паста стандартная, коктейль бодрящий, белок гидролизированный, коктейль опохмеляющий, таблетка «хи-хи», препараты для восстановления ЖКТ. Химический состав…

– Довольно. А обыкновенная еда здесь есть? Или что-нибудь на неё похожее?

– Вопрос непонятен.

– От тебя никакого толку.

– Вызвать наладчика электронного продавца?

– А он человек?!

– Да.

– Вызывай!!!

Минут через пятнадцать в зал вошла полусонная тётка в грязно-красном комбинезоне, посмотрела на Марину мутным взглядом.

– У вас проблемы с ботом?

– Я бы хотела купить что-нибудь… съедобное.

Наладчица пожала плечами.

– И что? Он не продаёт?

– Нет… То есть я ничего не понимаю. А он ничего не объясняет. Вы не могли бы что-то посоветовать? Я хочу есть, но

здесь вообще ничего не понятно.

Раздражённо-снисходительный вздох в ответ.

– Скоро вечер. Значит, надо покупать ужин. Ты собираешься сегодня обдолбаться?

– Что? Нет, конечно!

– Худеешь?

– Н-нет. При чём здесь…

– Печень отвалилась? Или почки?

– С утра были на месте. – Марина покосилась на дверь.

– Тогда тебе нужен стандартный ужин номер двадцать. Есть ли в наличии? – её пальцы вяло заползали по клавиатуре. – Есть. Странно. Семнадцать долларов. Оплати заказ у бота.

– Оплатите ваш заказ!

Марина приложила к глазку сканера карточку и наконец получила свой ужин. Заглянула в бледно-сиреневый пакет. Внутри оказалось три тюбика с мутно-бежевой пастой, два батончика, отдалённо напоминающие шоколадные, три зелёные продолговатые капсулы и несколько коричневых таблеток.

Звякнул колокольчик – в магазин вошли трое вялых подростков в бесформенных балахонах. Бот тут же покатил к ним.

– Сделайте ваш заказ!

– Номер тринадцать.

– Каждому.

– О, кто-то двадцатку купил. – Один скользнул по Марине взглядом и облизнулся.

– В дупло двадцатку, – резюмировал второй.

– Покатили! – скомандовал третий, и Марина вздохнула с облегчением.

– Вкури, я вчера трахнулся, – сообщила удаляющаяся спина в балахоне.

– Обдолб!

– Точно.

Двери за подростками закрылись, наладчица тоже медленно, но уверенно двигалась к выходу. Марина бросилась за ней.

– Извините. Этот ваш пакет…

– Чего-то не хватает?

– Нет. То есть я не знаю. Объясните, как вообще этим пользоваться? Что это за таблетки, например?

– Для поддержания печени.

– Я же сказала, с ней всё в порядке.

– Это ненадолго.

– Я вас не понимаю!

Тётка брезгливо скривилась.

– Что вы вообще под своим куполом понимаете?

– Вы знаете, что я из Наукограда?!

– А ты посмотри на себя, немочь подкупольная.

– А вы знаете, как пройти к станции? Я заблудилась. Подскажите мне…

– Ничего не знаю! Иди куда шла!

Марина проводила взглядом наладчицу, обернулась к боту.

– Ты, конечно, тоже не знаешь, где станция?

– Вопрос непонятен. Сделайте ваш заказ.

Смеркалось.

Свернув в пустой дворик, Марина достала из пакета один тюбик, выдавила бежевую пасту на язык. Безвкусно. Совсем. Но голод стал утихать. Откусила «шоколадный» батончик. На вкус он напоминал пластмассу.

Дегустировать капсулы и таблетки Марина не решилась.

А тем временем на улицах начали появляться люди. Всё больше – «латексные». Выглядели они поживее граждан в балахонах, и у заблудшей души вспыхнула надежда.

– Извините, вы не подскажете…

– Обдолб!!! – Выпученные глаза, безумный взгляд.

– Простите, мне нужна помощь. Кто-нибудь знает дорогу к Наукограду? Я потерялась. Я заплачу! Эй, вы слышите? У меня деньги есть!

– Покати-и-или! – Шарообразный парень, затянутый в смоляной латекс, посмотрел на неё вполне осмысленно и схватил за руку. – Клуб «Кактус в сраке» там.

– Нет, вы не поняли.

– До двенадцати – бесплатные шлю-у-ухи! – Незнакомец упрямо тащил её к неизвестному клубу.

– Да стойте вы! – Она наконец вырвалась. Незнакомец по инерции помчался дальше. И не оглянулся.

Марина обессиленно села на грязную скамейку.

Окончательно стемнело, и латексные фигуры превратились в скользящие, иногда спотыкающиеся разноцветные тени.

Сначала они пугали. В каждом вынырнувшем из мглы силуэте мерещился разбойник из старых книг. Но потом Марина поняла, что никто не собирается её ни насиловать, ни грабить, ни как-либо задевать.

Всем просто наплевать на неё, как, впрочем, и на всё остальное.

Даже обидно стало.

…У «Быстрожрать» по традиции воняло дешёвой синтетической едой и испражнениями. Марина, погрузившись в

воспоминания, не заметила, что они уже подошли к любимой Диновой забегаловке. Дин отправился выяснять, есть ли свободные места, а она…

– Эй, ты задрыхла, немочь? Смотри, куда прёшь! – проорал ей в ухо рыжий хромой обдолб и поковылял дальше. Кажется, она ему на ногу наступила.

– Этот ухлоп тебя обидел? – Дин вырос из-за спины. – В морду дать?

– Не надо. Нашёл место?

– Да. Идём.

Марина обняла любимого за талию. Перед глазами мелькали разноцветные тени.

– А я недавно с ещё одним наукоградцем общался, – сказал Дин, когда они уселись за длинный стол на каменных ножках. – Мой бывший сосед, можно сказать – друг семьи. Под куполом живёт почти с самого его создания, но старых друзей не забывает. Встретились в элитном клубе «Мегакрут».

– Как его зовут?

– А тебе зачем? Будешь справки обо мне наводить?

Марина пожала плечами.

– Не хочешь – не говори.

– Давид Борн.

– Да. Знаю такого.

«Помощник Огнея! Если он заинтересовался Дином, то у меня есть шанс».

– Он, между прочим, меня похвалил. Все вокруг были обдолбанные, а я – почти трезвый. Как-то мне пить не хотелось в тот день совсем. А ещё мы с ним о Набокове пощёлкали. Давид сказал, что я выше всей этой толпы.

– И он прав. Кстати, насчёт Наукограда. Я бы хотела…

– Манька! И ты здесь. Уку-у-ур! Ну будь здрава! – Шпак, Гвоздь и Кошмар плюхнулись за их столик.

Марина скривилась: во-первых, только Диновых дружков тут не хватало. А во-вторых, она ненавидела уменьшительные формы своего имени. Максимум – соглашалась на Маринку.

– Срань, как я вчера обдолбался! – Шпак развалился на стуле, утопая в безразмерном балахоне.

– Ты-то что? Вот я! – взвыл Гвоздь.

– А у меня вообще был мегаобдолб! – припечатал Кошмар.

– Ребята, я рада, что вы все обдолбались, но нам с Дином надо поговорить.

– Стойте! А меня почему с вами не было?

– Дин! Что ты мне сейчас говорил?

Дин озадаченно моргнул. Марина вздохнула. Проклятье!

Пока эти обдолбы рядом, его из болота не вытащить. Прав, прав Николай. Следует заманить Дина в Наукоград хотя бы на месяц. Этого хватит, чтобы он привык к нормальной жизни, избавился от влияния всяких… Она покосилась на дружков. Те, судя по всему, обосновались за их столиком надолго.

– Дорогой. – Она наклонилась к Дину. – Пожалуйста! У меня к тебе разговор.

– Ну-у-у, дай хоть глоточек с ребятами сделать. Никуда не сбежит твой разговор за пять минут.

Он достал флягу, смерил её долгим взглядом. Повернулся к друзьям.

– О! Вы же ещё не знаете этой истории! Эту флягу мне подарил сам Сап Бурый. Лидер…

– Да знают они!

– …по кликам в Инете. Откуда знают? Ты рассказала?

– Ты сам рассказал! Сто двадцать пять раз!

К ним подъехал бот-официант, притащил пять стаканов с мутно-зелёной дрянью.

– Мы на всех заказали! – гордо сообщил Шпак и самодовольно улыбнулся.

– Я не буду это пить!

– Новинка! Мегакоктейль!

– Манька нас презирает!

– Укур. Тогда я выпью.

– Потрахаться ей надо! Дин, срань такая, недорабатывает, может, мне… – Шпак уткнулся носом в декольте Марины, она брезгливо его оттолкнула. Кошмар с Гвоздём заржали.

– За «недорабатывает» я тебе щас трахальник оторву, – беззлобно огрызнулся Дин.

– А что у неё там за укур? – Гвоздь заглянул через плечо товарища. – Вдруг «жучков» натыкано?

– Слушай, ухлопище…

– А что? Поди их проссы, чем они в своём Наукограде занимаются. – Он подошёл к отбившейся от Шпака Марине. – Неизвестно же ничего. Закупорились в укур и молчите. У нас видеокамер понатыкали, а что за вашими стенами творится? Типа спасти всех хотите, а может, вы передавить всех в укур, как навозных клопов, решили. А? Потому и молчите. Вот ты скажи, что у вас там происходит?

Марина промолчала.

– Скажи хоть, почему вы у нас видеокамеры ставите, а мы у вас – нет? Ты небось тоже шпионка? Косишь в укур под друга, а сама ссышь рассказать, чем вы там занимаетесь?

– Хорошо. Недавно мы вырастили слонёнка. Из генетического

материала. А ещё зубра и…

– Уку-у-ур! Эти твари посдыхали сто лет назад.

– Именно.

– И с какого недотраха вы их возрождаете?

– А из-за чего, по-твоему, они вымерли?

– Не смогли приспособиться к новым условиям. Законы эволюции.

– Это не те законы… Ай. Вы всё равно не поймёте.

– Слонов они в говно воскрешают, – встрял в разговор Шпак. – А люди дохнут от вирусов. Для людей что сделано? Срань подкупольная.

– Эй, Дин. Ты сегодня кому-то в морду хотел дать? Меня оскорбляют, ты не слышишь?

– Солнышко, это же мои друзья.

– У них в Наукограде таких слов в укур и не слышали.

– А вы только в укур всё и слышите. И в обдолб.

– Зато мы, дерьмо твоё в дупло, не пачкаем рук о свинскую работу.

– Труд облагораживает!

– Труд – не для людей, а для машин. Разумное существо не должно тратить себя на… на такое. – Шпак ткнул пальцем в бота, вытирающего соседний стол. – И на прочую подобную срань. Разумное существо должно жить и расслабляться. А вы в своём Наукограде в дупло одичали. Над вами весь мир ржёт! Бабы жрать готовят, мужики тяжести волокут. И жрачка растёт на земле или ногами бегает. Буэ! А вы ещё и гордитесь собой. Вас самих от себя тошнить должно.

– Что вам ещё о нас по ТиВи рассказали?

– Что вы – допотопье! А считаете себя центром мира. Срань вы! Немочь подкупольная.

– Дин. Я ухожу. А ты как хочешь.

Марина пошла к выходу. Краем глаза заметила, как растерянно заморгал Дин, переводя взгляд то на друзей, то на неё, как выпятили грудь Шпак с Гвоздём, а Кошмар, кажется, вообще заснул. Прочь отсюда, прочь. Она выскочила из «Быстрожрать», промчалась между рядами биотуалетов, у которых, как обычно, толклась очередь – судя по всему, быстро тут не только жрут, но и сожранное переваривают. Пробежала ещё несколько метров и остановилась. Проклиная себя за слабость, обернулась. Нет, Дин не шёл следом.

Ох, Дин, Дин. Почему? Ты ведь можешь быть другим, я видела. Я не могла ошибиться. Когда мы познакомились, год назад…

…Раньше в Наукограде было чёткое правило – возвращаться под купол до одиннадцати часов вечера. Нарушителей ждало наказание – от штрафов до выселения из города. А потому пропускать заветное время было нельзя ни в коем случае.

Никто и не пропускал. Пока однажды какой-то умник из Совета кураторов не решил перестраховаться и не разослал письма, в которых на всякий случай горячо убеждал сограждан «не опаздывать к закрытию!».

Граждане озадачились.

А потом начали один за другим куковать перед воротами до утра.

После чего умник-перестраховщик услышал в свой адрес столько новых слов, что ему позавидовал бы любой обдолб, и был понижен в должности, а в ближайшей к станции гостинице начали бронировать номера для замешкавшихся наукоградских гуляк.

Не ночевать же им, право, в чистом поле? Или того хуже – на улице, среди обдолбов.

Знать бы, где эта гостиница???

Марина прислонилась к высокому забору, огораживающему какие-то склады. Ноги подкашивались, голова кружилась…

– Вам помочь?

Мечтательно-детский взгляд карих глаз. Таких непохожих на полубезумные или вяло-равнодушные глаза других внешнемировцев. Марина даже подумала, что этот парень тоже из-под купола – бесформенная футболка и засаленные джинсы могли быть элементом маскировки, – но запах пота и немытые волосы разрушили надежду. Впрочем, плевать. Главное, у него взгляд человеческий.

– Я заблудилась. Я из Наукограда.

– То, что из Наукограда – вижу. – Казалось, он с трудом подбирал слова без ругательств. – Идёмте, я знаю, где станция. Вам ведь до одиннадцати надо успеть?

Марина кивнула.

И новый знакомый повёл её. Дворами, подворотнями, тёмными узкими переулками, похожими на ущелья в толще бетонных скал. Шли быстро – насколько мог проводник, он слегка хромал, – и молча. Иногда мелькала мысль: вдруг он маньяк? Но Марина тут же её отметала. В конце концов, выбор невелик: шататься одной по незнакомому городу или довериться юноше с детскими глазами. За очередным поворотом оказалась заброшенная стройка, и скорость пришлось сбавить, постоянно перешагивая через кирпичи, трубы, мусор, обходя недостроенные стены и ржавые механизмы.

– Есть и другой путь, со стороны гостиницы, – извиняющимся тоном сказал юноша. – Но так быстрее.

Разруха закончилась неожиданно, а за ней раскинулся пустырь, разделенный надвое веткой монорельса. Рельсы были увенчаны небольшой станцией – платформа с двумя лавочками под навесом. А вон там, за пустырём, и гостиница светится. К счастью, сегодня она не понадобится.

Марина взбежала на платформу. Быстро просмотрела расписание. Ага, вагончик из Наукограда будет через семь минут – долго ждать не придётся. Вздохнула облегчённо. И только тогда заметила, что её проводник всё ещё стоит на земле, печально переминаясь с ноги на ногу. Проклятье.

Она спустилась к юноше.

– Спасибо тебе! Сама бы я никогда не нашла дорогу. Ты единственный, кто согласился помочь. От меня все шарахались, как от чумной. А тут ещё ночь, темно…

Юноша улыбнулся и вдруг продекламировал:

– В огромном городе моем – ночь.
Из дома сонного иду – прочь,
И люди думают: жена, дочь, —
А я запомнила одно: ночь.

– Цветаева, – пробормотала девушка. – А говорят, у вас тут книг не читают.

Её спаситель неопределённо пожал плечами. Марина улыбнулась.

– Я её тоже люблю. Мне больше всего, конечно же, это нравится:

Кто создан из камня, кто создан из глины, —
А я серебрюсь и сверкаю!
Мне дело – измена, мне имя – Марина,
Я – бренная пена морская.

– Марина, значит.

– Да. А вот ещё. Слушай:

Пляшущим шагом прошла по земле! – Неба дочь!
С полным передником роз! – Ни ростка не наруша!
Знаю, умру на заре! – Ястребиную ночь
Бог не пошлёт по мою лебединую душу.

Юноша молчал и смотрел словно сквозь неё, мечтательно и задумчиво.

Рельсы тихо зазвенели, завибрировали, извещая о приближении вагона.

– Мне пора, – сказала Марина.

– Успеваешь?

– Вполне! Последний рейс – как раз к закрытию ворот.

– Тогда – счастливо. Нет, постой. Ты ещё вернёшься?

– Думаю, да.

– Я буду наведываться к станции.

– Хорошо. Подожди. Тебя-то как зовут?

– Динарий. Можно – Дин.

А дома её встретили взволнованный отец и взбешённый Огней. Её бывший проводник, от услуг которого она отказалась, рвал и метал, но при этом выглядел вполне довольным. Ещё бы. Утвердился в своей правоте: «Нельзя было тебя одну отпускать!» Отец после всё твердил:

– Видишь, как парень за тебя переживает!

А она видела лишь одно – чёрное пятно, расползшееся у ног «встревоженного» Огнея. И тогда она вдруг поняла, насколько её привлекает Дин и чем именно…

…Дин всё же догнал её. Молча и чуть пошатываясь зашагал рядом. Порой силился что-то сказать, но язык заплетался настолько, что понять его было решительно невозможно. И когда успел нализаться? За те пять минут, на которые она оставила его с дружками? Впрочем, пока дошли до гостиницы, Дин слегка протрезвел и попытался за приятелей извиниться. Марина вяло отмахнулась. Вечер безнадёжно испорчен, разговор с Дином о переселении в Наукоград пришлось перенести, от самого Дина несёт перегаром, как никогда раньше, хочется быстрее в вагон и домой. Вот уже и станция. О нет!

На платформе, на той лавочке, что ближе к лестнице, сидел высокий худой мужчина и смотрел на Марину уставшим взглядом. Марина остановилась. Неужели в Наукоград собрался? Вдвоём с ним в вагоне ехать придётся?! Она схватила Дина за руку.

– Солн… ик… Солнце, что?

– Это он. Мужчина, который за мной следит.

– Щас! Щас я ему в мор-р-рду! – Дин рванул вперёд, пошатнулся, упал на пятую точку и замотал головой.

Марина вздохнула, не зная, смеяться или плакать. Или, пока не поздно, бежать в гостиницу? А там – что? Может, спросить у наблюдателя прямо, что ему надо? Но худой мужчина поднялся,

кивнул ей, спустился с платформы и пошёл прочь.

Глава 2
Враг

– Профессор, вы должны что-то сделать! Вы же понимаете, добром это не закончится.

Николай смотрел в упор. И во взгляде его было столько решимости, ожесточения даже. Взгляд требовал действий, конкретных, немедленных. Ещё бы знать каких.

Ирвинг отвернулся.

– Я понимаю, ты беспокоишься о брате.

– Я волнуюсь о Марине – в первую очередь! Огней… да, за него я тоже переживаю. Он любит Марину, любит по-настоящему. И заслуживает взаимности. Во всяком случае, куда больше, чем этот обдолб! Я понимаю, вы не можете диктовать дочери, с кем связать судьбу, не в дикие времена живём. Но вы ведь отец! И должны поговорить с ней, в конце концов, воззвать к её разуму!

Ирвин грустно улыбнулся.

– Не знаю, Николай, поверишь ли ты мне, но три дня назад именно это я говорил дочери. Почти такими же словами.

– И что она вам ответила? Привела хоть какие-то разумные аргументы в защиту своего Дина?

– Привела.

Ирвинг запнулся, усомнившись, стоит ли повторять услышанное от дочери. Всё же решился:

– Она сказала, что её Дин внутренне чист. А Огней на каждом шагу оставляет неприятный след. Грязный – она сказала.

– Что?!

Николай вцепился в подлокотники коляски так, что костяшки пальцев побелели. Вскочил бы, если бы мог. Не может. Эх, не нужно было ему о грязи говорить! Мало ли что Марина нафантазирует. Сам Ирвинг ей ведь не поверил. Кажется.

– Значит, мой брат совершает грязные поступки… Интересно какие? Конечно, это мы тут чистенькие, создали рафинированный мирок интеллектуальных снобов и сидим в нём, тешимся, что мы надежда человечества. Ковыряемся в своей науке, делаем открытия… А кому нужны наши открытия? Мы даже цветные вирусы победить не смогли. – Николай зло ударил по своим бесчувственным коленям. – Куда там победить – не разобрались, откуда они возникли, что послужило причиной, толчком для мутаций. И когда начнётся новая волна, не знаем.

Ирвинг попытался возразить, но калека не собирался его слушать:

– Наука ради науки – вот что мы такое! А Огней – он занят конкретным делом. Да, «грязная» работа – находить во внешнем мире тех, кто ещё на что-то годится. Кто ещё способен поработать мозгами. У кого они ещё есть, эти мозги!

Коляска резко развернулась, покатила к двери. Через плечо Николай бросил:

– Я понял: вы ничего не собираетесь предпринимать. Поза страуса такая удобная! Так знайте, у Марины кроме отца есть ещё друг.

И укатил. Дверь кабинета с лёгким шорохом закрылась. Возражать поздно. Да и что Ирвинг мог возразить? Марина упрямая, всё равно сделает по-своему. Наверное, она слишком похожа на отца. Ирвинг пытался отыскать в ней черты Елены, и не получалось – ни во внешности, ни в характере. А он так мечтал об этом, когда осознал, что жена обречена, что пурпурный вирус съест её рано или поздно.

Ирвинг вздохнул, повернулся, подошёл к окну. Большому, во всю стену, и такому прозрачному, что стекла будто нет. Там, за окном, поднимался горный кряж – настоящий и миниатюрный одновременно, как всё здесь, на полуострове. Сначала подъём шёл полого, потом вздымался коричнево-серыми скалами, чем-то похожими на зубы дракона, заснувшего вечным сном. А ещё дальше и выше, над скалами, лежало небольшое плато. Ирвингу пришлось сощуриться, чтобы разглядеть белые шары и ажурные башенки. Раньше это была вотчина военных – станция космической связи и слежения. Когда построили Наукоград, её хотели демонтировать, но Ирвинг упросил старшего куратора не делать этого. Чувствовал: уникальная техника пригодится. И не ошибся. Теперь станция принадлежала Гамильтону. Вернее, лаборатории квантовой физики, которой он руководил. Разумеется, её антенны не ловят больше сигналы орбитальных дредноутов и гипотетические «летающие тарелки» не выискивают. Теперь они заняты сканированием физического вакуума, того бесконечного, безбрежного океана, в котором плавают песчинки вещества.

Морщины на лбу Ирвинга разгладились, улыбка тронула губы. Мысли о работе всегда успокаивали, прогоняли дурное настроение. Нет, не прав Николай, трижды не прав, заявляя, что они здесь занимаются наукой ради науки. Наукой ради людей! Пусть нынешнее поколение погрязло в сомнительных развлечениях и потому потеряно. Но их дети, или внуки, или правнуки будут иными, обязательно! И вот ради них…

Сравнивать человеческий мозг и квантовый компьютер учёные начали давно, чуть ли не с рубежа тысячелетий. Но

доказать, что наше сознание использует параллельные алгоритмы, а не последовательные, суперпозиции состояний, а не причинно-следственные связи, не удавалось ни тогда, ни столетием позже, когда эти самые квантовые компьютеры – квантеры, как их назвали, – стали повседневной реальностью. К концу двадцать третьего века за гипотезой окончательно утвердилась репутация недоказуемой.

Ирвинг никогда не занимался проблемами когнитивистики. Его сфера интересов лежала далеко от особенностей человеческого мозга. Но именно он неожиданно – в том числе для себя самого – сделал крупнейшее открытие в этой науке, когда попробовал интерпретировать физический вакуум как массив квантовых регистров. Получалось, что некоторые ячейки сцеплены с логическими блоками ещё одного массива и каждый блок – человеческий разум. Виртуальные частицы, непрерывно рождающиеся в вакууме, тут же проецируются на человеческое сознание. Интуиция, озарение, предвидение – суть квантовые процессы, доступные каждому. Однако осознать их результат, загнать в жёсткую канву причинно-следственных связей умеют лишь единицы. Великие учёные, писатели, политики… Или просто – великие. Ноосфера отныне перестала быть абстрактным философским понятием. Реально действующий квантовый компьютер, логические блоки которого – все населяющие планету люди и сцепленные с их разумом ячейки вакуума. Какую задачу он решал, страшно даже представить…

Гамильтон не надеялся, что его открытием заинтересуются. Что его хотя бы заметят! Научные журналы больше не издавались, Академия наук превратилась в синекуру для отставных политиков и погрязших в маразме старцев. Ячейки вакуума, квантовые процессы сознания, ноосфера – полноте, кому это нужно в эпоху всеобщего удовлетворения потребностей? В Золотую эпоху Обдолба!

Но он оказался неправ. Заметили. Дали ресурсы, о которых он и мечтать не смел. Теперь Гамильтон не только знал о «Великом Ноо», он мог видеть его на экранах визуализаторов – пригодились-таки наработки военных. Ажурная паутина закрученных в спирали нитей и узелков, постоянно изменяющаяся, пульсирующая, несущая миллиарды кубитов информации.

Визуализатор стал любимой игрушкой Ирвинга. И он же сумел завести своего создателя в тупик. Гамильтон из любопытства ввёл цветовую градуировку узлов по частоте обмена информацией. И вдруг паутина разделилась на две! То, что выпадало из поля зрения, пока было представлено столбцами

чисел, сделалось очевидным. Зелёные и синие паутинки пронизывали друг друга, но никогда не смешивались. Каждая несла кубиты к собственным узелкам-человечкам. Значит, «Великий Ноо» не одинок? Их два? Но как делятся люди по принадлежности к ноосферам? И почему, собственно, делятся?

Синих узелков было больше, но в основном мелкие, тусклые. Зелёная сеть реже на шесть порядков, но вместе с тем ярче. Гении и обычные люди? Непохоже. Хотя бы потому, что и среди синих встречались не уступающие зелёным в яркости. В одном месте они образовывали плотный конгломерат, сияющий, словно голубая звезда-сверхгигант. Локализовать проекцию этой аномалии на трёхмерное пространство труда не составило – Наукоград. Зелёные располагались более равномерно.

Ещё одно различие: число синих за год наблюдений уменьшилось почти на три процента. Одни вспыхивали, другие гасли – люди рождаются и умирают. И умирают чаще, чем рождаются – по вине цветных вирусов. У зелёных погасли считаные единицы. Зато количество их увеличилось на семь с половиной процентов. Загадки, загадки, загадки…

Ответов у Ирвинга не было. Но как интересно будет их получить! А потом – задействовать мегаквантер для решения задач человечества. Например, найти панацею от цветных вирусов – раз и навсегда, чтобы не случалось рецидивов в будущем. Нет, не прав Николай. Они занимаются наукой не ради науки. Ради людей!

Дурное настроение ушло окончательно. Ирвинг повернулся к окну спиной, шагнул к столу. Ещё нужно успеть просмотреть отчёты секторов и набросать примерный график экспериментов на следующий месяц. И Мартин сегодня возвращается из столицы, надо поговорить с ним о выделении дополнительных энергомощностей для лаборатории. А для разговора нужны аргументы. Много, много работы…

Ирвинг потянулся к интеркому, пристроившемуся на углу стола. Зелёный глазок светил ярко и ровно… Как узел в паутинке «Великого Ноо»…

Догадка была такой же яркой. С минуту Ирвинг стоял неподвижно, ворочал её в голове из стороны в сторону, выискивал изъяны. И не находил. Разумеется, это вовсе не означало, что предположение истинно, что он разгадал одну из тайн мироздания. Пока что это гипотеза. А её следует подтвердить экспериментом. Или опровергнуть.

Ирвинг решительно ткнул пальцем в кнопку интеркома.

– Рой, готовьте пятый квантер к останову.

Старший инженер лаборатории растерянно уставился на него

с экрана. Моргнул раз, другой. Переспросил:

– К останову? Надолго?

– Да, отключение от энергосети до полной заморозки логических блоков.

– Но как же… Восстановление займёт не меньше суток. На пятый завязаны системы внешнего периметра и…

– Я знаю! Под мою ответственность. Текущие задачи перераспределить на другие компьютеры по возможности. И обеспечьте регистрацию дополнительных скан-срезов – в пределах нашей локали. Это очень важно! Через десять минут я буду в лаборатории.

Пилот поднял флаер вровень с гребнем хребта, и впереди засверкало в лучах послеполуденного солнца море. Сегодня оно тихое, спокойное. И ослепительно-золотое. Если глядеть издали.

Чуть ближе, чем море, в седловине между горными кряжами лежал город. С высоты птичьего полёта отлично просматривались утонувшие в зелёной пене садов жилые коттеджи, прямоугольные бруски и полусферы лабораторно-производственных корпусов, раструбы воздухоочистителей, кристаллическая призма Управления, оранжереи, фермы, поля. В дальней части поселения – законсервированные древние строения – биостанция предков, превращённая в музей, надёжно укрытый от ядовитых испарений моря. Ещё три столетия назад название моря казалось поэтической гиперболой. Теперь оно и в самом деле стало чёрным. Мёртвое, вонючее, покрытое толстой радужной плёнкой. Искупаться в нём решился бы только изощрённый самоубийца-мазохист. Впрочем, это море не было исключением.

Картинка, открывшаяся под днищем флаера, выглядела чёткой, объёмной. И в то же время едва заметно дрожала, словно накрытая куполом знойного воздуха. Глаза не обманывали, купол и правда существовал. Но прикрывал город не раскалённый воздух, а силовой энергетический щит. И ещё одна невидимая мембрана отсекала его от неконтролируемой, ненужной информации извне. Город жил по своим правилам, устанавливал собственные законы. Нитка монорельса, убегающая на северо-восток, – единственный жгутик, что связывал поселение с внешним миром.

Флаер перевалил через хребет и начал снижаться. Мартин Брут возвращался домой. Да, Наукоград давно стал его домом, а столица – чужим городом. Ещё вернее – вражеским. Нынешняя поездка подтвердила это окончательно и бесповоротно.

Началось всё много лет назад, когда принималось решение расформировать военное ведомство, а ставшего в одночасье

ненужным министра отправить в почётную отставку – «пасти яйцеголовых». Кому именно из членов Правительства пришла идея строить на берегу Чёрного моря, на месте старинного биозаповедника «заповедник для мозгов», Брут не знал. Но отказываться от предложенного он не стал. Если нет возможности защитить всю планету, нужно создать хотя бы оплот, неприступную цитадель. Собрать лучших солдат, вооружить их самым эффективным оружием и готовиться к последней битве. Солдатами в этой войне были учёные, оружием – знания. А вчера… точнее, сегодня ночью, он узнал, что битва вот-вот начнётся.

В юности Мартину случилось посмотреть старый фильм. Название он давно забыл – неважно! Главное – сюжет. Два брата, один учёный, другой политик, решили спасти Землю от экологической катастрофы. Придумали, как это сделать. Статистика ведь хитрая наука, интерпретацией фактов можно жонглировать как угодно. Братья убедили Правительство, что причина экологических катаклизмов не в роковом стечении обстоятельств, не в головотяпстве отдельных чиновников, не в преступной халатности даже. Это планомерная акция враждебного разума. Доклад был подготовлен мастерски, в Правительстве поверили, начали действовать. Но потом всё развалилось как карточный домик из-за досадного и совершенно невероятного случая. И братья озадачились – а может, всё так и есть? Может, сами того не подозревая, они открыли страшную тайну?

Фильм был чистой воды фантастикой. Но Мартина он заставил задуматься: вдруг это режиссёр, сам того не подозревая, открыл страшную тайну? Сто лет назад обрушившаяся на планету экологическая катастрофа казалась главной опасностью. Во времена Брута она стала делом привычным, обыденным, а значит, не таким и ужасным. Оказалось, что жить можно и в уничтоженной экосистеме, да ещё и радоваться. Весь вопрос – кто эти счастливые обитатели планетарной свалки? Вслед за разрушением окружающей среды началось разрушение человека. Или предпосылки этого появились гораздо раньше?

Единого мнения, можно ли трактовать научные открытия двадцать первого – двадцать второго веков как технологическую сингулярность, нет до сих пор. Но то, что открытия эти изменили мир, несомненно. Технический прогресс шёл бок о бок с социальным.

Первой в ряду великих революций стала информационная – квантовые компьютеры пришли на смену классическим. Эпоха

«индивидуализма» в информатике, эпоха персональных вычислительных устройств закончилась – квантер плюс сеть терминалов оказывались на порядок эффективней для решения любой задачи, будь то управление ракетными пусковыми установками или онлайн-игра. И вместе с тем закончилась эпоха неконтролируемого распространения информации. Идея, что всем миром можно управлять – править! – как единым целым, больше не казалась утопией. Глобализация перешла на новый уровень. Словосочетание «Мировое Правительство» было у всех на слуху.

Решение уравнений квантовой хромодинамики на рубеже двадцать первого и двадцать второго веков стало предпосылкой энергетической революции. Человечество получило неисчерпаемый источник дешёвой энергии. И перестало зависеть от природных энергоресурсов и тех, кто ими владел. Править планетой стало ещё легче.

Первая половина двадцать второго века, пищевая революция. Синтез белков, жиров, углеводов. Угроза голода осталась в прошлом. А вместе с ней – животноводство, земледелие, рыболовство, необходимость рекультивировать почву и заботиться об экобалансе. Высвободившиеся из сельхозоборота территории превращались в пустыри или свалки. И что не менее важно – теперь принадлежащие богатым пищефабрики могли легко прокормить всех бедных. Голод оказался оружием куда более действенным, чем ракеты и бомбы. Неугодные режимы рушились один за другим. Мир становился единым целым.

Вторая половина двадцать второго века: разработка полимеров и сплавов с любыми заданными свойствами, прорыв в бионике и робототехнике – микробионическая революция. Один квантер управляет тысячей ботов-эффекторов, и каждый бот способен заменить десяток, а то и сотню работников. Человек наконец-то освобождён от физического труда. А Правительство – «мировым» его больше не называли, оно стало единственным – от необходимости считаться с профсоюзами, оппозицией, «левыми» партиями. Впрочем, об этом никто не жалел. Сытое, умиротворённое, праздное человечество вступало в Золотой век.

Однако реальность внесла свои коррективы. Освобождённые от забот о хлебе насущном люди отчего-то не поспешили к духовному самосовершенствованию и интеллектуальному развитию. Оказалось, что большинство не способно ни на что иное, кроме как вкалывать ради сытого брюха либо убивать себе подобных. Миллиардные толпы бездельников отныне требовалось не только кормить, но и развлекать, чем-то заполнять их неимоверно разросшийся досуг.

А между тем Золотой век обернулся веком Кошмаров: глобальная экологическая катастрофа, пандемия цветных вирусов – лишь самые страшные из них. Решать проблемы было слишком долго и дорого. Гораздо дешевле приспособиться к ним. Вернее, научиться не замечать. Счастливый, тупеющий на глазах мир Всеобщего обдолба. Ещё несколько поколений – и человек разумный окончательно превратится в человека жрущего и гадящего. Вернее, в жрущее и гадящее существо, обречённое на вымирание.

Так кто же на самом деле правит планетой?!

Брут единственный осмелился вслух заговорить об угрозе «всеобщего благоденствия». Именно с его подачи военное ведомство запустило программу сканирования околоземного пространства во всех мыслимых и немыслимых диапазонах. Если чужое вмешательство существует, они должны его зафиксировать! А в том, что оно существует, Мартин не сомневался. Просто враг ударил первым.

На закрытом заседании Правительства вице-премьер по вопросам безопасности весьма и весьма язвительно прокомментировал инициативы военных: «Наши бравые вояки совсем заскучали. Не с кем бодаться, так они игры себе придумывают. Не слишком ли дорого обходятся эти игрушки государству? Для научных изысканий у нас есть профессора и академики. Зачем же их дублировать? Может, пора задуматься об экономии? Наши ресурсы не безграничны». В чём-то он был прав, «бодаться» и правда стало не с кем – с последним неподконтрольным Правительству анклавом покончил ещё предшественник Брута. А если внешнего врага нет, зачем кормить армию? И тем более военного министра? После того заседания Мартин Брут и уехал строить Наукоград. Идея была недурна – собрать лучшие мозги в одном месте, уберечь от деградации. Сохранить научную элиту для будущих поколений. К тому же и место казалось удачным – не так много уцелело уголков, не изгаженных окончательно, да ещё в самом сердце цивилизованного мира.

Бывшего министра, а отныне старшего куратора «Проекта Калиеры» на заседания Правительства больше не приглашали. Даже аудиенций у премьера он удостаивался крайне редко. Разве что министр по науке снисходил до пространных бесед. Но этот человечек ничего не решал, а потому был Бруту неинтересен.

Зато весьма интересной оказалась Карла Ленова, занимающая внешне незаметную, но ответственную должность в аппарате вице-премьера по безопасности. В прошлом майор Ленова

возглавляла пресс-службу военного министерства. Возглавляла недолго, Брут уволил её за некорректные высказывания о космических инициативах. Тот давний инцидент немало поспособствовал карьере чиновницы: в аппарате вице-премьера прекрасно знали, что Ленова и Брут никогда не были дружны. Они и не дружили – поддерживали сугубо деловые, прагматичные отношения. Иногда сдабриваемые постелью. Физическая близость ведь не мешает деловому общению, в отличие от эмоций, привязанностей и прочих «эмпиреев».

Сегодня ночью, когда уставший и разомлевший Мартин готовился окунуться в дрёму, Ленова неожиданно придвинулась к нему:

– Брут, тебе не нужно возвращаться в Наукоград.

– Почему? – лениво поинтересовался он.

– Я сомневалась, стоит ли говорить… Учти, я рискую, передавая тебе эту информацию. Не только должностью, но и, вероятно, жизнью.

Дрёмы как не бывало. Мартин приподнялся, опираясь на локоть.

– Что случилось?

– Мы готовим проект постановления о закрытии Наукограда.

– Что?! Не может быть. Я сегодня встречался с министром, и он…

– Министр науки не входит в число посвящённых.

Мартин сел на кровати, отбросил одеяло. В свете ночной люминесценции лицо Карлы казалось неестественно бледным, мёртвым.

– Ерунда какая-то… Такое нельзя провести кулуарно, требуется веское обоснование. В Наукограде собраны лучшие учёные Земли. Нельзя просто объявить, что исследования, которым они посвятили полжизни, прекращаются без объяснения причины. Нельзя выгнать их с насиженного места, в конце концов. Они не подчинятся!

Ленова вздохнула.

– На это проект и рассчитан. В случае малейшего сопротивления будет объявлено о попытке путча. План «Б» включает приказ о силовом решении.

– Как…

Мартин прикусил губу. Кое о чём он знал лучше Леновы. Например, о технологиях двойного назначения. Энергостанция Наукограда в один миг превратится в фугас, мощности которого с лихвой хватит, чтобы поднять в стратосферу весь город. Силовой экран защищает снаружи, но никак не изнутри.

Ленова оценила его молчание по-своему. Тоже села, взяла за

руку.

– Брут, тебе незачем участвовать во всём этом. Опереди их. Завтра же подай прошение об отставке. У тебя законное право на почётную пенсию. Уезжай в какую-нибудь глушь, затаись. Подожди, пока о тебе забудут.

Помедлив, добавила:

– Если хочешь, поедем вместе.

Мартин не отвечал, был слишком потрясён услышанным. Значит, противник уже замахнулся для последнего, решающего удара. А он так и не сумел разглядеть его лицо, понять, от кого защищает человечество. Он делал ставку на отлаженную веками военную машину – и проиграл. Потом на сумасшедшего гения Гамильтона, придумавшего сказку о «Великом Ноо», – и вновь проиграл. Не исключено, что вся возня с Наукоградом для этого и затеяна – одним ударом обезглавить человечество. А место в самом деле «удобное». Седловина удержит ударную волну, близлежащие мегаполисы не пострадают. А если и пострадают – кто станет считаться? Все жертвы спишут на «путчистов». Так что, отступить, трусливо сбежать, забиться в щель, словно крыса?

Мартин покачал головой.

– Я не оставлю людей, за которых взял на себя ответственность. И я так легко не сдамся.

Ленова внимательно посмотрела на него.

– Брут, неужели ты становишься сентиментальным? Я думала, ты умнее. Что ж, как знаешь. На этом наше сотрудничество закончено.

Она снова легла, отвернулась к стене. Бросила, не поворачивая головы:

– Надеюсь, мне не придётся пожалеть о болтливости.

Столица провожала Брута холодной, пропитанной смогом сыростью, а на полуострове продолжалось лето. Трава на склонах Калиеры пожухла, выгорела, но зелень садов, окружающих Наукоград, ещё не разбавили желтизна и багрянец. Мартин внезапно сообразил, что воспоминания о поездке выбили его из реальности довольно-таки надолго. Флаер давно должен стоять на посадочной платформе Управления. Тем не менее они по-прежнему кружили над городком.

Брут быстро включил связь с пилотской кабиной.

– Что происходит? Почему не идём на посадку?

Пилот замялся. Пришлось прикрикнуть:

– Ну?!

– Диспетчер не отвечает. С городом нет связи. И автопилот не отрабатывает сигнал «свой-чужой».

Несколько секунд Мартину понадобилось, чтобы переварить услышанное. Наконец он спросил:

– Нас что, не пускают?!

– Скорее, сбой в системе.

Мартин плотно сжал губы. Сбой, значит. Или противник опять опередил? Каким-то образом сумел взять под контроль его цитадель.

– Садиться на внешний аэродром? – неуверенно предложил пилот.

– Да, – ответил Брут. А что оставалось делать?

На полуострове действительно было лето. Мартин ощутил это на собственной шкуре за те полчаса, пока шёл по раскалённому бетону лётного поля, а затем стоял у ворот на станции монорельса рядом с двумя дюжинами таких же потных, измученных жарой посетителей. Большей частью это были жители внешнего мира, получившие статус соискателей и приехавшие в назначенное время для собеседования. Они безропотно ждали своей очереди, которая почему-то остановилась ещё час назад, и теперь с изумлением и опаской поглядывали на коренастого краснолицего толстяка, устроившего настоящую бурю.

Когда охрана периметра в конце концов вручную открыла ворота в защитном куполе, Мартин успел дойти до соответствующей кондиции. На приветствие парней в куртках с эмблемами Наукограда и короткоствольными автоматами через плечо отвечать не стал, сразу направился на пост контроля.

Дежурный офицер, молодая девчонка, побелела лицом, едва поняла, кого мариновала на проходной.

– Лейтенант, вы можете объяснить, что за безобразие творится в городе?! Почему не работает связь? Что с защитным экраном? Вы вообще для чего здесь сидите? Юбку протирать?!

Судя по нашивкам, девушка была старшим лейтенантом. Ничего, пусть попереживает, теряясь в догадках: для краткости куратор упустил «старшего» или в самом деле понизит в звании.

Девушка облизнула пересохшие губы:

– Внешняя связь и автоматика периметра отключены…

– Я и сам вижу, что отключены! Почему в городе не введено чрезвычайное положение? Почему не удосужились выйти наружу и связаться со мной?

– Господин старший куратор, но у нас нет чрезвычайного поло…

– Нет?! Лейтенант, ты что, дура? Может, тебе лучше вернуться к обдолбам? Там тебе с твоими мозгами самое место.

Губы девушки начали мелко дрожать, в глазах показались

слезинки. И это ещё малая плата за пот старшего куратора. А главное, за его страх, что никак не хотел отступать.

– Распоряжение господина Гамильтона… – Наконец офицер сумела вставить слово в яростный монолог начальника.

– Что – Гамильтона?

– Он распорядился отключить внешнюю связь и автоматику периметра. Проводит какой-то сверхважный эксперимент. Он ведь подчиняется только вам.

Страх отпустил Мартина. Ничего не произошло в его отсутствие. Всего лишь очередная проделка сумасшедшего гения. Вполне безобидная – на этот раз Ирвинг даже не взорвал распределительную подстанцию.

– Распоряжение Гамильтона? Почему же сразу не доложили? Почему я должен вытаскивать из вас объяснение клещами?

– Но…

Она ничего не посмела возразить. Да Мартин и не собирался выслушивать оправдания девчонки, попавшей в Наукоград благодаря доброте дядюшки-генетика.

Опять выходить на улицу, ждать, пока подадут электромобиль, не хотелось. Тем более что к лабораторным корпусам вёл крытый путепровод. Брут развернулся и поспешил туда, на ходу включая коммуникатор.

Как обычно, Ирвинг не ответил ни на первый, ни на второй звонок. Мартин вновь нажал кнопку повтора. И едва не столкнулся с худым, высоким человеком, шагнувшим из бокового коридора.

– Брысь из-под ног, – буркнул.

Человек послушно отступил в сторону, склонил голову. Под мышкой он держал поблёскивающую металлом узкую трубу с пучком длинных стержней на торце. Уборщик, что ли? На зрительную память Мартин не жаловался, знал всех постоянных жителей Наукограда. Этот был незнаком. Значит, и в самом деле уборщик, кто-то из недообдолбов, вывезенный из внешнего мира по программе селекции. Но лицо… У внешнемирцев таких лиц не бывает. Злоба, зависть, лживое подобострастие, тупое самодовольство – вот что привык видеть Мартин, покидая Наукоград. Даже у тех, кого отбирали, в глазах долго ещё таился страх и недоверие – вдруг кураторы передумают, вышвырнут вон из-под купола? Незнакомец взглянул на него с сожалением. Со снисхождением даже.

Брут хотел оглянуться, окликнуть странного уборщика. Но не успел. Ирвинг наконец соизволил ответить на вызов, и старший куратор мгновенно забыл о встрече.

– Мартин, ты уже в городе? Отлично! Приходи ко мне в

просмотровый, увидишь кое-что интересное.

– Ты можешь объяснить, что за безобразие устроил?

– Какое безобразие? А, ты о защитном экране. Это ерунда, Виен скоро наладит. Зато теперь я всё понял!

– Что понял? Ты можешь изъясняться по-человечески?

– Нет, только показать. – Ирвинг хихикнул. – Приходи скорее!

Если бы не высокий статус руководителя Наукограда, Мартин побежал бы бегом. Пусть за десять лет гражданской службы он подрастерял былую выправку, но силы и выносливости хватало. Тем более климат-контроль в тоннеле путепровода работал превосходно.

Гамильтон встречать не вышел, даже из кресла не приподнялся, когда старший куратор ввалился в смотровой зал. Зато парочка ассистентов мигом порскнула прочь.

– Мартин, нас здесь двое!

Брут открыл рот, собираясь саркастически объяснить, что на зрение не жалуется. И вдруг понял – учёный имел в виду не себя и его, а нечто, происходящее на огромных, во всю стену, экранах. «Великий Ноо» мерцал, закручивая сине-зелёные спирали. Мартин видел эту картину раз десять за последний год. И готов был поклясться, что ничего в ней не изменилось.

– Ты рассказывал, – кивнул он. – «Ноо-зелёный» и «Ноо-синий», правильно?

– Верно, да не совсем. – Ирвинг снова захихикал. – Мы, люди, это Ноо-синий. Ноо-зелёный – это они.

У Мартина внутри ёкнуло. Они?! Значит, ещё ничего не потеряно? Ставка в игре оказалась верной: сумасшедший физик сумел-таки вычислить врага.

Боясь вспугнуть удачу, он переспросил:

– Кто – они?

Ирвинг погладил кожух терминала:

– Они, я же говорю! Квантеры. Сегодня я сумел доказать это. Мы вывели из эксплуатации один компьютер – умертвили фактически, – и тотчас погас зелёный узелок в локали Наукограда.

– Разумные компьютеры?

Ирвинг засмеялся.

– Что ты! Каждый по отдельности не более разумен, чем калькулятор. Но все вместе, со сцепленными ячейками вакуума… «Ноо-зелёный» столь же разумен, как наш «Ноо-синий». Представляешь, Мартин, если бы люди могли увидеть эту картинку, скажем, лет триста назад, зелёных спиралей на ней бы не было. Хотя как бы они увидели? Визуализатор невозможно создать без квантеров. А как только появились квантеры, у

планеты появилась и альтернативная ноосфера. Такой вот замкнутый круг.

Мартин вновь посмотрел на экран. Густая, запутанная и блёклая синяя паутина. И пронизывающая её чёткая, уверенная – зелёная. И – поверил. Беспрекословно.

Всё становилось на места. Именно с созданием первых квантовых компьютеров связана информационная революция. Она же послужила толчком к эпохе обдолба. Сколько прекрасных открытий квантеры подарили людям! Ради того, чтобы их уничтожить. Чтобы очистить планету от своих создателей.

Теперь ясно, в чём ошибка Брута. Он искал пришельцев извне, прочёсывал ближний космос. А враг зародился здесь, на Земле. И это несоизмеримо хуже. Такого врага не прогонишь прочь, не заставишь убраться восвояси. Его можно только уничтожить. Потому что двоим «Ноо» на одной планете – тесно!

Мартин и сам не заметил, что говорит всё это вслух. Запнулся, представив, как, должно быть, выглядит со стороны. Свихнувшийся солдафон, не иначе.

Однако Ирвинг ничего выходящего за рамки здравого смысла в его речи не заметил. Ещё бы, он ведь и сам сумасшедший.

– Но почему ты думаешь, что «Ноо-зелёный» хочет нас уничтожить? Люди сами опустились до скотского состояния. Они просто не желают напрягать мозги.

И тогда Мартин добил его:

– Цветные вирусы тоже люди придумали? «Утечки из военных лабораторий! Мутация боевых вирусов!» – это всего лишь утка, запущенная в СМИ, чтобы окончательно скомпрометировать военных и избавиться от них. Уж от меня-то секретов не было. Да, работы с геномом человека велись. Но это должно было стать лекарством, а не оружием! Никто не мог объяснить, почему экспериментальные образцы превратились в цветные вирусы, как вышли за пределы лаборатории и начали распространяться по планете. Никто, кроме квантеров… Они давно контролируют Правительство. А теперь готовятся уничтожить Наукоград – поняли, что ты их вычислил. Так что механизм запущен. Подорвут энергостанцию, от нас даже пыли не останется.

Лицо Ирвинга побелело, на лбу выступили капельки пота. Мартин знал, чем припугнуть. Старый учёный наверняка уже видит, как его любимая дочь превращается в пепел.

– Мартин, ты же этого не допустишь? – просипел Гамильтон.

– Не допущу. Если ты мне поможешь. Его, – Брут ткнул пальцем в зелёную паутину на экране, – нужно убить, пока он не убил нас. Ты сможешь это сделать?

Ирвинг неуверенно пожал плечами.

– Можно попробовать отключить все квантовые компьютеры…

– Не пойдёт. – Мартин покачал головой. – Никто не позволит нам этого сделать. В первую очередь твой «Ноо-зелёный» не позволит. Нужно придумать способ, как прихлопнуть их всех разом.

Гамильтон задумался. Страх в его глазах исчез. Он снова решал интересную научную задачу.

– Тогда надо воздействовать не на логические блоки компьютеров, а на вакуум. Я проводил подобные эксперименты. Конечно, с отдельными ячейками, а не со всем массивом. Но принципиальной разницы не вижу. Только потребуется время, чтобы подготовиться.

– Сколько?

– Может быть, месяц…

– Слишком долго! Максимум – две недели. Что мы получим в итоге? Квантеры выйдут из строя?

– Нет, с чего бы? «Ноо-зелёный» исчезнет, а сами компьютеры будут работать по-прежнему. Хотя… Трудно предсказать заранее, надо экспериментировать.

– Действуй, – кивнул Мартин. – Все ресурсы Наукограда в твоём распоряжении. Но цель эксперимента не должна выйти за пределы твоей лаборатории. И ты уверен, что сами по себе квантеры неразумны? Те, которые ты используешь, не догадаются? На сто процентов уверен?

Ирвинг улыбнулся.

– На сто пятьдесят. Я же тебе говорил, калькуляторы…

– Хорошо-хорошо! – Мартин вскинул руки. – Убедил.

Он не пошёл по закрытой галерее, ведущей к Управлению. На сегодня работа закончена. Мартин вышел в сквер, тянущийся вдоль лабораторных корпусов, неторопливо зашагал в сторону коттеджей. Солнце успело опуститься ниже западных кряжей, с гор потянуло прохладой. Какой хороший день выдался! Пусть противник замахивается, готовясь нанести сокрушительный удар. Мартин теперь видит не только его лицо, но и уязвимую, нежную плоть в сочленениях панциря. Быстрый выпад, точный укол – прямо в сердце. И зелёный монстр исчезнет навсегда. Деградация прекратится, хомо останется сапиенсом.

Глава 3
Две зари

Сосредоточиться на деле было трудно. Вот-вот с лёгкой руки Корсана-старшего родится новое чудо техники. Он назвал его «хамелеон Теслы» – в честь учёного, открывшего, что автомобиль способен работать на энергии магнитного поля Земли. Но разработка Николая – не просто автомобиль, а уникальный трансформ из композиционного полиметалла, и на означенной энергии он будет не только ездить, а ещё и летать, плавать, прыгать, нырять – в общем, делать всё, что хозяину угодно. И не загрязнять при этом атмосферу.

Особенно Николаю нравилась модель, которая из небольшой подлодки трансформируется в яхту, а затем – в огромную чайку. Не в самолёт, а именно в квазиживую птицу. Он представлял, как взлетит на ней в небо, как промчится над землёй, забыв о бесчувственных ногах. Кому нужны ноги, когда есть крылья? Пусть и металлические.

Но главное даже не это. Корсан-старший предвкушал, как изменится отношение к Наукограду, когда они подарят внешнему миру экологичное и удобное средство передвижения.

Николай вдруг сплюнул.

Долгие месяцы он жил и дышал своими трансформами. А сейчас, когда расчёты и стендовые испытания подходят к концу и он сможет увидеть – пощупать! опробовать в деле! – первых «хамелеонов», задумался: «А кому достанутся мои машины? Моя гордость, композитные красавцы? Ничтожным динам? Вроде им не всё равно – уникальный механизм или дымящий паровоз. Только ослепшая от любви Марина может считать обдолба особенным».

Марина. Умная женщина и всё-таки полная дура! Съездил бы ей Дин пару раз по лицу, тогда бы прозрела. А ведь съездит! Если у неё хватит ума отказаться от Наукограда и переселиться к нему. И поделом дуре!

Стукнула дверь – в лабораторию вошёл Огней. Похоже, со смены ловец вернулся с добычей – рядом с братом семенил кто-то закутанный в длинный плащ.

– Торговала тяжёлой наркотой в подпольном киоске. Тебе секретарь случайно не нужен?

Николай едва не выронил зеркальный водомер.

– Прости, не понял?

Огней сорвал плащ. «Добычей» оказалась хрупкая

перепуганная девушка. На Марину похожа. Такие же большие, слегка удивлённые глаза, такие же высокие скулы. Только, в отличие от леди Гамильтон, спутница Огнея была светловолосой и сероглазой.

– Познакомься, это Сэла. Она филолог, закончила столичный Лицей, факультет древней культуры. Однако во внешнем мире сейчас такое образование не кормит. Несовместима, видишь ли, древняя культура с законами оптимизации поисковых систем. Ни в один интернет-портал её не берут, говорят, больно творческая натура, не умеет прогибаться под целевую аудиторию. Пришлось подрабатывать, чем придётся.

И помолчав, добавил:

– Так что, нужна секретарша? Будет за тобой идеи конспектировать. Ты же постоянно жалуешься, что записываешь умные мысли где попало, а потом теряешь. Я её прямо на платформе подобрал – дежурный охранник меня вызвал разобраться. Из Кока приехала без приглашения, а что делать дальше, не знает. Стоит, смотрит на ворота и трясётся вся. Говорит, ночью копы накрыли их киоск. Владельцы свою задницу откупили, а ей сказали – выкручивайся, как знаешь. Один коп поставил Сэле условие: либо в тюрьму на три года, либо с ним в зону свободной любви в «Мегакруте» на всю ночь.

– Любви? Обычно у них говорят «траха».

– Это элитный клуб. Не суть важно. Выбор, скажу тебе, братик, ещё тот. В общем, она копу чего-то наобещала и рванула к Наукограду. Готова у нас полы с туалетами мыть, но я думаю, ей получше применение найдётся.

– Может, в газету её?.. – Николай осёкся.

Не возьмут её в газету, какой бы талантливой и творческой ни была. Внешнемировцы, если они не входят в список, составленный Советом кураторов, могут рассчитывать лишь на самую примитивную работу: уборщиками, официантами, в лучшем случае секретарями. Со временем, конечно, могут дорасти и до чего-то большего, но не сразу. По-хорошему, эту девочку и в лабораторию не пустят, но для Николая, как для калеки, должны сделать исключение. Знания по древней культуре опять же могут пригодиться. Наверное. И потом… Как Огней на неё смотрит! Неужели приглянулась девчонка? А почему бы и нет? Она хорошенькая, выглядит вполне приличной и аккуратной. Только запугана до смерти, но это пройдёт. И даст бог, выбросит брат неблагодарную Марину из головы.

– Хорошо, братик. Возьму я себе секретаршу.

Сэла радостно всхлипнула. Казавшаяся всё это время безразличной к своей судьбе, она оживилась, встрепенулась.

– Вот и договорились.

Огней стремительно вышел из лаборатории. Сэла посеменила за ним, периодически останавливаясь и… А что она делает? Девушка то ли норовила украдкой вытереть ноги – в Николаевой лаборатории! – то ли, наоборот, старалась что-то стереть с пола. Сотрёт, просеменит два шага и снова… Никак полы мыть учится? Ей что, в Лицее не объяснили, чем должности секретаря и уборщицы различаются? Хотя чему удивляться? Во внешнем мире и тем и другим боты давно занимаются. А о наших порядках обдолбы столько баек насочиняли…

Николай вытянул шею, присмотрелся. Пол был чистый. Туфли Сэлы вроде бы тоже. Странная девушка. Впрочем, Огнею такие нравятся. Даст бог, даст бог…

Огней вышагивал по фойе Управления. Требовалось оформить девчонке комнату в общежитии, присвоить статус наукоградца. Вернее, сначала статус, а потом уже комната. Куратор внутренней службы столкнулся с ним в дверях и сообщил, что уходит в двухдневный отпуск. Мол, ищите Журавского, он на замене.

– Шеф прошлый раз полдня за воротами простоял, когда Ирвинг неожиданно отрубил автоматику, – объяснила секретарша. – Сейчас решил съездить во внешний мир до того, как наш гений начал новый эксперимент.

Да уж. Гений сумасшедший. Неудивительно, что дочка от него готова к обдолбам сбежать. При мысли о Марине Огней улыбнулся, однако тут же вновь помрачнел. Леди Гамильтон, как всегда, где угодно, но не с ним. Зато рядом толчётся Сэла, которую надо пристроить. Обычно оформлением занимались его подчинённые, и под купол новеньких брали только после ряда собеседований. Но старший ловец может сделать для своих протеже исключение. А эта замухрышка была его подопечной с самого начала. Он её заметил, лично за ней наблюдал около года. Что там наблюдал – они общались довольно часто, хоть девчонка не знала наверняка, кто он. Другие претенденты смотрели на него с надеждой, заискиванием, ожиданием и порой даже требовательно. А эта – с каким-то спокойным восхищением. Потому и не передал её никому. Не то чтобы Огней страдал сентиментальностью, просто… Просто не только леди Гамильтон умеет покровительствовать убогим!

Наконец появился заместитель Журавский. В наброшенном на плечи кителе с полковничьими нашивками, заспанный, как всегда. Из бывших вояк, которых привёл с собой Брут. «Порядок в городе обеспечивать». Огней терпеть не мог этих дармоедов. За

двадцать лет в Наукограде не то что ограбления, драки серьёзной не было. А от обдолбов силовой купол защищал надёжнее любой охраны.

Постоянно зевая, Журавский выписал Сэле временные документы и попытался снова удрать из кабинета. Но тут на пороге возник Давид Борн – тоже с группой соискателей.

– О, начальник! И ты здесь.

– Да. Везу новую наукоградицу на поселение.

– Хочешь, я сейчас своих оформлю и твою захвачу?

– Да уж будь добр.

Он развернулся, готовый уйти, и на секунду встретился взглядом с серыми глазами девушки. В них было… Уходить вдруг перехотелось.

– Нет, я сам. У меня ещё дело есть в общежитии.

Жильё Сэле понравилось. Огнею эти комнаты всегда казались слишком маленькими и тесными, но девчонка так восхитилась открывшимся из окна видом – миниатюрным водопадом в зелёной листве, – что казалось, остальное её не интересовало. Не меньше минуты любовалась, а потом повернулась к своему спасителю.

– Спасибо вам.

Огней пожал плечами.

– Это моя работа.

– Я ещё не пришла в себя… Не верится… Вы можете подумать, что я неблагодарная – молчу всё время. Но я, когда шла сегодня утром к станции, даже не надеялась, что вечером стану жителем Наукограда. Если бы пришлось возвращаться, я бы… Спасибо, вы – мой спаситель.

Огней попытался изобразить улыбку. Вежливая девочка. Познакомить её с Мариной, что ли? Пусть поучится леди Гамильтон манерам.

– Мне показалось, что ты хочешь о чём-то поговорить? В Управлении ты так посмотрела! Или я ошибся?

– Не ошиблись. Вы… Я вами всегда восхищалась. С первого дня знакомства. Но я и мечтать не могла, что однажды окажусь с вами под куполом. Вы не представляете, какая я счастливая. И как я вам благодарна. Спасибо, Огней.

Сэла вдруг оказалась очень близко, попыталась прильнуть. Огней отшатнулся невольно.

– Эй, ты чего удумала? Я тебе не коп из «Мегакрута»!

Краска бросилась в лицо девушки. Она попятилась, замотала головой.

– Простите, ради бога! Понимаю, я вас недостойна, я

противна вам. Не знаю, что на меня нашло. Просто…

Потупившись, она прошептала:

– Я вас люблю…

Огней хмыкнул. Вот так-так! А чему удивляться, у них, обдолбов, это запросто. Интересно, Динарий так же к Марине подъезжал? Мол, «люблю и пошли в койку»? Мерзкий тип. А Давид ещё предлагал его в качестве кандидата в наукоградцы. Сговорились они, что ли?

Впрочем, Сэлу ставить в один ряд с обдолбами неверно. Рафинированная, выросшая в столице девочка, умненькая, вполне чистенькая. И если леди Гамильтон позволяет себя «благодарить» таким образом, то уж ему, ловцу, как говорится, и бог велел.

Огней поманил девушку пальцем.

– Иди сюда. Где ты набралась этих глупостей – «противна, недостойна»?

Сэла нерешительно приблизилась.

– Я…

Огней не дал договорить, обнял за плечи. Кожа оказалась неожиданно приятной на ощупь, и волосы шелковистые. А пахло от девушки чем-то неизвестным. Не чистые цветочные и травяные тона Наукограда, но и не приторная слащавость внешнемирской элиты, что-то иное. Странное и манящее.

Огней с удивлением понял, что хочет эту девушку, и немедленно. Ну а в её желаниях сомневаться не приходилось.

Всё же он не смог пересилить давнюю брезгливость ко всему внешнемирскому, когда губы Сэлы коснулись его губ. Отстранился.

– Погоди… Тебе нужно помыться с дороги. Ступай в душ, я подожду. Только не долго!

Она управилась за десять минут. Выпорхнула из ванной комнаты, закутанная в длинное махровое полотенце. И облегчённо вздохнула, увидев, что он сидит на койке – не обманул, дождался.

– Иди сюда, – позвал Огней. – Если ещё не передумала.

Ответом ему стала светлая улыбка. Девушка подошла и, когда он потянул за край полотенца, не стала придерживать, позволила соскользнуть на пол. Теперь, после пенок и шампуня, от Сэлы пахло как от любой женщины Наукограда – чистотой. Странный, не похожий ни на что аромат исчез. На миг Огней пожалел об этом.

Древняя башня, увенчанная четырьмя зубцами, казалась чужеродной в окружении коробок из серого растрескавшегося бетона и такого же серого мутного стекла. Сколько памятников

архитектуры по всему миру разрушено, а она стоит. И нет ей дела ни до мельтешащих у подножия людишек, ни до влюблённой пары, идущей как бы вне всей этой толпы, ни даже до ночного клуба «Мегакрут», прочно въевшегося в её каменное тело.

Однажды Марина рассказала Дину, что башню построили ровно тысячу лет назад. А бастион – «та полукруглая пристройка, в которой сейчас ваш «Мегакрут» расположен» – веком позже. «Обдолб», – ответил Дин. И с гордостью добавил, что в «Мегакруте» к тому же есть площадка свободной любви. Кажется, тогда Марина впервые посмотрела на своего кавалера с презрением. Он истолковал взгляд иначе – об упомянутой площадке больше не заикался.

Марина отмахнулась от неприятного воспоминания – совсем оно не к месту. Две недели она не видела Дина – отец загрузил работой в лаборатории по самое не могу. И стоит ли в день долгожданной встречи думать о всякой ерунде? Да, Дин неидеален. Он испорчен внешним миром, но сегодня она обязательно поговорит с ним о переезде. А если повезёт – не только о нём, ей теперь многое нужно сказать. Надо лишь выбрать момент.

– О чём задумалась?

– Да так. Не могу привыкнуть к твоему Коку. Знаешь, у нас в Наукограде всё по-другому.

– Например?

– Деревья везде на улицах, клумбы с цветами. Люди иначе выглядят и ведут себя иначе. А ещё коты и собаки!

– Тоже иначе выглядят? Мутанты?

– Нет! Они просто есть. Идёшь, а в траве котята играют. Или два спаниеля нюхаются – натягивают поводки, рвутся друг к другу, а хозяева недогадливые бредут дальше, разлучают бедняг. А у них, может, любовь или дружба. А у вас я и не вижу, чтобы кто-то животных выгуливал.

– Какой смысл в животных?

– Ну… Э-э-э…

– Читал я где-то, что раньше, в абсолютное допотопье, были люди, которые жили на севере. Вот ухлопы, как там вообще можно жить? Дубарь же невозможный, срань ледяная. К-хм. Но дело не в этом. У них были собаки, которые тяжести таскали и вообще помогали выживать в этой заднице. Там от собак, конечно, был толк. А сейчас?

– Не знаю, как объяснить… Какой смысл в звёздном небе, в журчании ручья?

– Странные вопросы. Послушай лучше, я, пока тебя ждал, начал статью писать для портала «Трах в первый раз».

Дин включил карманный коммуникатор.

– «Во время секса со шлюхой надевай презерватив. Надевая презерватив, не надо прерывать любовную игру. Презерватив не должен надевать сам мужчина. Чтобы процесс надевания презерватива превратить в увлекательную игру, используй шлюху». Как тебе?

– По-моему, слишком часто повторяется слово «презерватив».

– Это для поисковой системы.

– И сами предложения построены немного, м-м-м, странно.

– Портал – для малолеток, им не нужны красивости, им важна суть. А поисковым ботам так легче найти слово «презерватив».

– Занятно…

– Это же очевидные вещи. Совсем вы в своём Наукограде одичали.

– В Наукограде обычно пишут статьи и книги для людей, а не для ботов!

– Не понимаю, что ты имеешь в виду.

– Ты же любишь Цветаеву. И не только её. Представь, что было бы, пиши все подобным образом.

– Этим «всем» не нужно поднимать свой рейтинг в Сети.

– Сам хоть понял, какую чушь сказал?

– Да что ты понимаешь вообще? У вас в Наукограде даже Инета нет.

– А у вас книг нет. Удивляюсь, где ты Цветаеву нашёл?

– В Инете.

Марина хотела ответить, но передумала. Они подошли к клубу.

– Давай сядем в белом секторе, – попросила она.

– Хочешь повтыкать?

– Вообще-то поговорить, но тихих уголков для разговоров в ваших клубах не предусмотрено.

– А я бы потанцевал.

– Ого! Что ж, пойдём в красный сектор.

«Так даже лучше, – подумала Марина, – потанцует, расслабится. Танцующий Дин – такое редкое явление…»

Впрочем, длилось явление недолго. Дин прошёлся туда-сюда по танцполу, дёргаясь под однообразное «тынц-тынц», затем сообщил, что у него разболелись ноги, и пошёл к столику. Марина – за ним.

– Устал? – прокричала она. – Пойдём в белый сектор?

– Нет, нет. Ты танцуй, а я просто музыку послушаю.

– Тогда и я просто послушаю музыку. – Марина села.

Дин с минуту молча на неё смотрел, потом обиженно

выпалил:

– А могла бы взять меня за руку и повести за собой. Или ты стесняешься со мной танцевать?

Марина пожала плечами.

– Хорошо, пошли.

– Ой, ноги мои, ноги, – запричитал Динарий, едва они оказались на тонущей в цветомузыке площадке. – Ну всё, ты за этот танец со мной не расплатишься!

– Э… Не хочешь – не танцуй. Определись наконец!

Дин замер на секунду, сделал оскорблённое лицо и поковылял к выходу. А Марина разозлилась. Сколько сил она тратит, чтобы спасти человека, а человек этот даже не способен её выслушать! Какое-то время сидела неподвижно, меланхолично разглядывая красный сектор. А он был и не красный вовсе, а кислотно-разноцветный. Разве что боты, снующие между столиками и орудующие за музыкальным пультом, по цвету напоминали переспевшие помидоры. По форме – тоже. Зато сектор втыкания действительно белый. И сейчас в нём равнодушно взирало в пустоту несколько обдолбов. Находились они слева от танцпола и были отгорожены от него прозрачной, но звуконепроницаемой стеной. Такие же стены отделяли «белых» посетителей друг от друга. За дополнительную плату можно взять один отсек на двоих. К Марине подкатил бот и предложил скидку в фиолетовый сектор и флакон «Усилителя ощущений» в подарок. Марина рассказала, куда ему стоит сходить и в какое место свои ощущения засунуть. Бот сообщил, что ответ непонятен, и покатил дальше. Фиолетовый сектор. Говорят, там зеркальные стены и потолок. Ещё и с эффектом увеличения. Говорят, он усыпан «интимными помощниками» на любой вкус – от самых безобидных секс-игрушек до имитации средневековых инструментов пыток. И что из этого выберет твой случайный партнёр и кем он окажется – никогда не известно. Впрочем, ты всегда сумеешь отыграться. Говорят, что туда идут, когда «коктейли обдолбов» перестают приносить мало-мальское удовольствие. И что «Усилитель ощущений» распыляют там прямо в воздухе. А ещё шёпотом добавляют, что не всем удаётся выйти из секс-зазеркалья живыми.

Марина даже не хотела поворачиваться в сторону фиолетовой стены, на которой то и дело мелькали голографические сцены любви. Однако не повернуться порой было сложно – вопли, доносящиеся из «свободной зоны», перекрикивали грохот музыки.

Нечто неопределённого пола подошло к столику и пригласило Марину на танец, после чего отправилось вслед за недавним ботом. Наконец она встала и начала пробираться к

выходу.

Дин ждал на улице, и Марина вдруг поймала себя на мысли, что не знает, обрадовало её это или нет, но уж точно не удивило. Он подошёл, попытался обнять, Марина отстранилась.

– Объяснишь, что это было?

– У меня болели ноги. И я тебе не раз говорил: я никогда не танцую!

– Может, хватит глотать зелёную дрянь литрами? Глядишь, и ноги здоровей будут. А заодно и собственные слова забывать перестанешь.

– Что мне ещё сделать, чтобы тебе соответствовать?

– Соответствовать мне? Ты посмотри на себя! В век цветных вирусов умудрился родиться здоровым, чтобы потом угробить себя банальным алкоголизмом.

– Да, давай. Почитай мне нотации, как последнему ухлопу.

– Я не читаю нотаций, я хочу помочь.

– Опять будешь тащить меня в свой Наукоград? Здесь мои друзья, им не нужно, чтобы я менялся, вкуриваешь? Они любят меня таким, какой я есть! А ты – нет. И твой отец никогда меня таким не примет. Но на папашу твоего мне плевать, а из-за тебя – больно.

– Ладно. Послушай, допустим, я хочу, чтобы ты совершенствовался и развивался. Что в этом плохого? Ты не раз говорил, что я на тебя благотворно влияю. Ты можешь достичь многого, если захочешь. Я вижу твой потенциал.

– Говорю же – ты не любишь меня таким, какой я есть! А значит, совсем не любишь.

– Ты меня не слышишь.

– Если любишь, переезжай ко мне. В дупло твой Наукоград!

– Ты так боишься Наукограда? Но ведь ты его ни разу не видел. Пожалуйста, Дин. Выслушай. Я прошу тебя пожить со мной под куполом всего месяц. Тридцать жалких дней. Не понравится – уйдёшь, и я больше не буду к тебе приставать. Обещаю. Всё, что ты потеряешь, – один месяц жизни! Неужели тебе жалко его для меня?

Дин задумался.

– А если ты не можешь подарить мне этот месяц, нам больше нечего делать вместе, – добила Марина.

– Со-о-олнышко. Ну хорошо. Я согласен. Когда ты хочешь, чтобы я приехал?

– Чем раньше, тем лучше. Хоть прямо сейчас.

– Я слышал, к вам так просто не пускают…

– Я – дочь ведущего учёного Наукограда. Со мной пустят.

– Ну… – Дин переминался с ноги на ногу. – Давай попробуем.

Мне надо вещи взять. С мамой попрощаться.

– Отлично. Езжай за вещами, а я буду ждать в гостинице.

Номер оказался роскошным и убогим одновременно. Высокие потолки, просторные комнаты, мебель, наверняка скопированная с настоящих деревянных прототипов двадцатого, а то и девятнадцатого века. И в то же время – неистребимый запах освежителя, на этот раз «натурального хвойного», за окном вместо зелени Калиеры – грязно-жёлтые многоэтажки. Лучше бы она попросила номер с видом на пустырь и станцию – лазорево-белый вагончик теперь воспринимался маленькой частицей Наукограда. Марина долго шагала из угла в угол, устала, прилегла на кровать, но заснуть не получалось. Простыни были не первой свежести. И Дин задерживался. Небось с дружками прощается, а не только с мамой. Ничего. Пускай. Зато потом он будет принадлежать лишь ей – не внешнему миру, не приятелям-обдолбам, не пошлым ночным клубам. Ей одной. И он не пожалеет. Полторы недели назад Марина узнала нечто такое, о чём теперь можно рассказать и Дину. Можно! Ведь он согласился на её условие, а значит, достоин услышать новость, которую Марина пока не доверила никому. Отец твердил, что она последнее время слишком бледная, что это всё из-за прогулок по внешнему миру. Как же он прав, как прав…

Прав, прав, прав…

Как, как, как…

Так, так, так…

Тук, тук, тук…

Марина потянулась, прикрываясь от весёлого солнечного луча, беспардонно бьющего в глаз. Ах, уже утро! Она всё же заснула, и спала бы ещё, если бы не настойчивый трам-тара-рам в дверь. Встала, повернула ключ в замке – в номер ввалился полуголый Дин.

– Оу, детка-а-а! Как ты тут, бе-е-ез меня? У меня улёт, полный обдолб, полный. Кхре… Хик! Мне никогда не было так… так… О, где унитаз?

Марина распахнула дверцу ванной комнаты, пропустила спешно ковыляющего Динария, прислонилась к стене.

– Дин, (бэ-э-э-э-э) ты где был? И где твой чемодан?

– Как… бу-э-э-э… какой чемодан?

– С вещами!

Дин вышел из ванной, шатаясь, подошёл к кровати, свалился. На левом плече красовался кровоподтёк, поясницу украшали царапины. Да и хромать он стал сильнее обычного.

– Дин, что с тобой?

– Со мной – всё отлично! Иди-и-и скорее сюда. Мне тебя – хик

– не хватало. О, как не хватало. Другой раз сходим вместе! Непр-р-ременно!

– Куда сходим? Мы в Наукоград идём, забыл?

– В дупло Наукоград. Мне и тут хорошо. Я даже не подозревал, как мне хорошо здесь. В дупло твой купол!

– Дин?!

Марина схватила кувшин с водой и вылила кавалеру на голову. Он завопил, затрясся, будто огромный пёс и наконец посмотрел на неё более-менее осмысленно.

– Очнулся? Может, теперь объяснишь, что случилось за эту ночь?

– Я… Б-р-р-р. Ага. Значит, так. Ты уехала в гостиницу, а я решил заскочить в «Мегакрут». На полчасика. В зону свободного секса. Не смотри так! Я подумал: «Вдруг больше сюда не вернусь?» Хоть попробую напоследок. Не смотри так! Это… это было – оу-у-у-йе-е-е-е! Непер-р-редаваемо. Солнце! Любимая! Зачем нам твой купол? Говоришь, я не видел Наукограда? Да ты ведь не видела всего остального мира! Тебя же никуда не затащишь. Боишься вечно какого-то укура, а вокруг столько кайфа. У вас такого нет. И не будет. Вы же там и не знаете, что такое кайф!

– Прощай, Дин. – Марина принялась натягивать платье.

– И куда ты? Под купол? Кому ты там нужна? Кому ты вообще нужна, кроме меня?

Марина обула босоножку. А где же вторая? Ладно, пройдусь босиком. Ах, вот она.

– Стой, солнце. Ты обиделась из-за того, что я сказал… А что я сказал? Наукоград. Это он нас разлучает. Не пущу!

Дин упал с дивана.

Марина вышла и закрыла за собой двери. Она не станет ему больше ничего говорить. Счастливая новость останется лишь её новостью. Она всегда презирала женщин, которые удерживали любимых мужчин силой.

Две недели на подготовку эксперимента. Да ещё и в полной секретности – указания ассистентам звучали примерно так: «Зайди в пятый корпус, чтобы никто не видел, включи тумблер, не скажу зачем, и дождись результата, не пойми какого. Как это ты не понял задачу? Хочешь из Наукограда вылететь? Выполняй! И не смей болтать нигде о том, что делаешь».

Впрочем, Ирвинг справился. На девяносто шесть процентов он был уверен в успехе мероприятия. И никто ничего не заподозрил. Только Марина вдруг стала беспокойной и начала с особым рвением тащить своего Дина под купол. А может, у неё

очередное любовное обострение?

Ладно, разберёмся после эксперимента.

Главное, он это сделал – разработал алгоритм, позволяющий воздействовать не на отдельные ячейки вакуума, а на произвольные их массивы. Например, на «зелёного Ноо» целиком. Энергия столкновения ионов свинца в коллайдере – 14 тераэлектронвольт, состояние кварк-глюонной плазмы продлится 7 секунд. Этого хватит, чтобы разорвать сцепленность вакуума с квантерным массивом планеты. С отдельными квантерами он проделывал подобное – отключил от ноосферы компьютеры Наукограда. По его подсчётам, первая фаза эксперимента – сортировка логических массивов – займёт около суток. Вторая – декогеренция – всего полчаса. И эти полчаса решат судьбу человечества.

Ирвингу не терпелось увидеть результат. Завтра. Уже завтра он завершит дело, над которым работал, нет, не последние две недели – последние двадцать лет. Ирвинг потёр руки, прошёлся по лаборатории.

А Марина опять опоздала. Час дня, а её нет на месте. Хотя… Пусть сегодня побездельничает, она две недели отработала идеально, можно и поблажку сделать девочке. Главное, чтобы завтра была как штык в лаборатории.

– Да. Именно так! Завтра – как штык! – громко сообщил Ирвинг пространству, заставив вздрогнуть лаборантов, и пошёл к выходу. Напомнить дочери об её обязанностях.

Марина шла в лабораторию, грустная и невыспавшаяся. «Что ж, – размышляла она, – сбылась мечта отца, Дин исчез из моей жизни. Буду заниматься физикой, что ещё остаётся?» Она так задумалась, что не услышала сразу, как её окликнули. Давид Борн.

– Марина! Леди Гамильтон, можно тебя на минутку?

– Давид? Здравствуй.

– У меня для тебя записка. От Дина. Просил передать.

– Не хочу читать.

– Тогда я выброшу…

– Стой, дай сюда. Он трезвый был?

– Да, на удивление. Только какой-то подавленный. Ладно, я пошёл, дела.

Марина вздохнула. Развернула листок бумаги. Пробежала глазами по строчкам.

– Давид! – крикнула вслед ловцу. – Спасибо.

Дин просил прощения и умолял встретиться и ещё раз всё обсудить. Клялся никогда больше не заходить в фиолетовую зону

и вообще не приближаться к «Мегакруту». Обещал мыть волосы и чаще менять футболки. Соглашался прожить в Наукограде не один испытательный месяц, а целых два. Но предупреждал, что, если Марина не вернётся, он придёт в сектор свободной любви и позволит запороть себя насмерть.

Марина нервно засмеялась, а на глаза навернулись слёзы.

Что ж, закончится эксперимент… Хотя… Она свернула с дорожки к «беседке влюблённых», увитой серебристым вьюнком, села на скамейку. Что-то в грандиозной отцовской задумке её беспокоило. В первую очередь – повышенная секретность. Даже она, родная дочь, понятия не имела, над чем конкретно они работают. Вроде бы эксперимент связан с расслоением зелёного и синего Ноо, не дают отцу покоя эти цветовые вариации. А доступ под купол закроют заранее, чтобы не случилось паники, как в прошлый раз. Всё логично, всё понятно. Но отчего же так тревожно?

– Вот ты где!

Отец, лёгок на помине, спешил к беседке.

– Хочу напомнить, что завтра в мире науки произойдёт величайшее событие и ты обязана присутствовать.

– Папа, – Марина взяла его за руки, усадила на лавку, – скажи мне, что это за эксперимент?

– Завтра увидишь.

– Ладно, попробую иначе. Ты можешь гарантировать, что никому ничего не угрожает?

– А что может угрожать? Кое-что, возможно, изменится. Да не пугайся, к лучшему поменяется. Никто не пострадает, посмотри, сколько мы уже экспериментируем – хоть раз кто-то пострадал? На время второй фазы эксперимента мы заблокируем все входы-выходы из Наукограда. Во время первой будут открыты резервные ворота – на всякий случай. – Ирвинг поднялся на ноги. – А ты завтра в семь ноль-ноль должна быть в лаборатории.

– Хорошо. – Марина тоже встала. – Надеюсь, к тому времени мы с Дином успеем вернуться.

– Духу его чтоб не было под куполом! На прошлой неделе Огней официально забраковал его кандидатуру.

– Ах, Огней забраковал? Да как он… Кто он такой?!

– Вообще-то старший ловец.

– Но он не знает Дина. Это – не резюме профессионала. В нём говорит тупая ревность.

– Мне безразлично, что в нём говорит. Но в данном случае слово старшего ловца – закон. Хочешь, оспаривай решение Корсана у Мартина Брута. Не исключено, что твою жалобу даже рассмотрят. Месяца через два-три.

– Вот как. – Марина медленно кивнула. – Что ж. Вы не оставили мне выбора.

Она развернулась, сорвала с ног туфли на каблуках и побежала по дорожке.

– Марина! Куда ты? Не смей, слышишь, не смей идти к этому обдолбу!

Марина обернулась.

– Я иду не к обдолбу. Я иду к отцу своего ребёнка!

Николай придирчиво осмотрел своё новое творение. А что, девушкам должно понравиться. В данном случае – одной девушке, но со временем можно наделать много подобных украшений как для наукоградских модниц, так и для внешнемирских.

Осталось выбрать минуту и вручить подарок леди Гамильтон.

В дверь позвонили. Николай подкатил к двери, открыл… О! В гостиную зашла Марина.

– Слава мирозданию, ты дома! – Девушка прислонилась к стене, пытаясь отдышаться.

Бежала она, что ли? Николай подкатил к бару, налил стакан воды, протянул гостье. Она благодарно кивнула.

– Я запутала отца. Сделала вид, что бегу к дому, а сама рванула к тебе. Но он может догадаться, поэтому времени у меня мало.

– Э… Не понял ровным счётом ничего, но ты садись, не стой.

– Николай, я зашла попрощаться. Мой отец и твой брат не оставили мне выбора.

– Постой. Давай обо всём по порядку.

– Огней забраковал Дина. Я ухожу из Наукограда. Ты можешь одолжить мне немного продуктов и чистых футболок?

Николай моргнул. Вспомнилось недавнее опасение – «если хватит ума…». Накликал.

– Я-то могу, – произнёс неуверенно, – но и то и другое у тебя быстро закончится.

– Ничего. Что-нибудь придумаю. Николай, или ты мне помогаешь, или я пошла!

– Помогаю. Там холодильник – выбирай, что хочешь. А я принесу футболки.

Леди Гамильтон метнулась на кухню. Николай покатил в комнату, размышляя, что теперь делать. Позвонить Гамильтону? Вызвать Огнея? Нет, Марина никогда не простит. Лучше следовать собственному плану. Вовремя он подсуетился с подарком. Главное, чтобы Марина согласилась его принять.

– Держи, – сказал он подруге через несколько минут, – здесь

не только футболки, но ещё и рубашки, тебе должны подойти. И чемодан с терморегуляционным отсеком – для продуктов.

– Николай, ты чудо!

– И у меня для тебя ещё кое-что есть. Подарок. Как оказалось, прощальный.

Он протянул девушке прямоугольную коробочку. Марина повертела её в руках, открыла. Осторожно достала подарок друга – диадему, сделанную из слепка веточек кипариса, выложенных причудливым образом. Украшение было покрыто красным золотом, а в центре его сиял рубин.

Леди Гамильтон задохнулась от восхищения.

– Ух ты! Красота какая. Николай, это ты сам сделал? Для меня?

– Да. В свободное от проектирования время балуюсь гальваникой.

Вещь действительно была изумительна. А сколько он с ней провозился! И дело даже не в том, что кипарисовые ветки никак не хотели складываться в узор, который бы удовлетворил Николая и понравился бы Марине. Не-е-ет, это всё мелочи жизни. Главное – красные мушки, которые окружили леди Гамильтон, едва она надела диадему. Для Марины это всего лишь красивый спецэффект, а на самом деле – микрочипы, «глаза» крохотной 3D-камеры, спрятанной под рубином.

Если Ирвингу наплевать на собственную дочь, а Огней способен лишь на диктаторские запреты, значит, он, Николай, сделает всё сам. Проследит за Мариной во внешнем мире. Диадема смотрится изысканно, но при этом не слишком пафосно. Да и волосы поддерживать удобно. В общем, Николай рассчитывал, что Марина будет носить украшение довольно часто.

Леди Гамильтон подошла к зеркалу. Осмотрела себя со всех сторон. Радость на лице говорила о том, что план удался.

– Николай, у меня к тебе ещё одна просьба. Позвони моему отцу и отвлеки как-нибудь. Позови сюда, можешь обо мне поговорить, он с удовольствием поддержит разговор. Главное, чтобы домой не зашёл в ближайшие минут двадцать. Наверное, это прозвучит глупо, – она смущённо улыбнулась, – но теперь я просто обязана вернуться за своим красным платьем.

Николай потянулся за визифоном и пообещал, что в ближайшие полчаса Ирвинг её не побеспокоит. Марина едва не задушила его в объятьях, схватила чемодан и бросилась к выходу.

Корсан-старший хмыкнул и нажал кнопку вызова. Да, он поговорит с Ирвингом. Ему есть что сказать.

Огней с командой возвращался под купол. Сегодняшняя вылазка была последней – впереди несколько дней отдыха. Впереди эксперимент – очередная блажь Гамильтона. Опять будут перераспределять энергоресурсы, отключат автоматику купола, и хорошо, если только её. Может, всё и к лучшему. Некоторые любительницы прогулок дома посидят.

Опередив ловцов, в ворота зашли несколько наукоградцев, возвращавшихся домой. Пропустив их, к вагончику монорельса поспешила девушка в кремовой тунике с широким поясом. Огней опешил на секунду. А это как понимать? Все под купол, а Марина – наружу?! И почему она с чемоданом?

– Эй, леди Гамильтон! Далеко ли путь держим и надолго?

Марина смерила его взглядом и ничего не ответила, не остановилась даже. Эх, женщины…

– Послушай. – Он догнал девушку. – Знаю, что отговаривать тебя сегодня не выходить – гиблое дело…

– Вот и не отговаривай, – огрызнулась Марина.

Огней уставился на кипарисовую диадему с рубином. Ага, успел брат. Что ж, тогда всё не так уж безнадёжно.

– Не буду. Только попрошу тебя вернуться к утру. Все входы заблокируют неизвестно насколько – кто знает, что наш гений, к-хм, в смысле отец твой наворотит в этот раз.

Марина вздёрнула подбородок, процедила сквозь зубы:

– Если я вернусь, то только с Дином.

Огней покосился на диадему.

– Возвращайся, с кем хочешь. Главное – возвращайся.

В глазах темноволосой красотки мелькнуло удивление.

– Могу ли я расценивать эти слова как одобрение тобой кандидатуры Дина?

– Там видно будет.

– Договорились. Я вернусь.

И уцокала к вагончику. Огней смотрел ей вслед, пока двери не захлопнулись. Хотелось догнать, вернуть, утащить в Наукоград на руках… и напороться на поток ненависти и презрения. Женщины, что же вам нужно от жизни? Кто бы объяснил.

Не к месту вспомнилась вчерашняя сцена с Сэлой. Огней оделся и пошёл к двери, а она всё лежала на маленькой неудобной кровати и смотрела на него со спокойной улыбкой на губах. И молчала. А Огней внезапно понял, что ему очень хорошо и на душе легко, беззаботно – давно уже так не было. Вот только почему она молчит? С одной стороны, правильно, что не бежит за ним, не умоляет прийти ещё раз, с другой – могла бы хоть слово сказать.

И она сказала.

– Спасибо. За то, что был нежен. И чист.

И снова замолчала. Лишь смотрела на него во все глаза, словно он – чудо-юдо инопланетное.

Странная девка! А чего она ждала? Копа из «Мегакрута»? И что она вообще имела в виду? Нежен ещё так-сяк, а чист? Неужели намекала на то, что её в душ отправил, а сам – не пошёл? Ладно, бог с ней. За Марину душа болит.

В «Мегакруте» Дина не оказалось. И слава мирозданию! В «Быстрожрать», на удивление, тоже, как и в остальных трёх любимых Дином забегаловках. Марина вдруг поняла, что не знает его домашнего адреса. Они всё время встречались либо в гостинице возле станции, либо в барах. Марине казалось, что Дин стесняется приглашать её домой, потому никогда и не напрашивалась в гости. Считала, что ещё всё впереди, что у них много времени.

И никакие Шпак с Гвоздём не встретятся – то крутятся под ногами, того и гляди, споткнёшься, а то словно провалились все.

Она вышла на площадь, название которой так и не удосужилась узнать, села на скамейку под плакатом с рекламой мужского достоинства. Болели ноги и – что ещё хуже – от беготни по городу расшатался каблук. Того и гляди отвалится. Нет, она, конечно, любит ходить босиком, но не по усыпанному же мусором асфальту! Марина закрыла глаза. Навалилась усталость, зашумело в ушах. Представилось, что она мчится в вагоне в Наукоград вместе с Дином, а перед глазами мелькают склоны гор, сливаясь в одно зелёное полотно. И жужжит, жужжит монорельс под колёсами вагона.

Марина открыла глаза. Горы и рельсы исчезли, а жужжание осталось. К ней катил бот-уборщик, а за ним плёлся высокий худой мужчина. Проклятье, его только не хватало!

Обдолб подошёл, наклонился. И тихо произнёс:

– Я не уверен, но если это всё-таки ты… Когда другого пути не останется, когда увидишь смерть – шагни в радугу. Там темно и пусто, но ты не бойся, сместись на сто лет вперёд. Если это всё-таки ты, то получится. Сто лет – запомни!

Марина отшатнулась.

– Вы псих, да?

– Ты сейчас ничего не понимаешь, но это пока и не нужно. Главное, запомни. Радуга. Пустота. Сто лет.

Марина вскочила и быстро пошла прочь.

– Кстати, – прокричал сумасшедший вслед, – тот, кого ты ищешь, живёт по адресу Большого зигзага, пять, квартира восемнадцать. За углом монорельс – прямая ветка.

Марина остановилась. Кто этот ненормальный, ухлоп его раздери?!

– Помни про радугу!

Марина помчалась к монорельсу.

Как ни странно, незнакомец не соврал. Дин действительно жил по указанному адресу. Правда, поняла она это не сразу. Дверь открыло странное расплывшееся существо, которое с трудом сфокусировало на Марине взгляд, после чего сообщило:

– Блээээ-блууууээээ-флээээаааа!

– Здравствуйте, – пробормотала Марина, проклиная психа-уборщика, – я, наверное, ошиблась…

И тут из-за спины существа вырос Дин.

– Ты?! Проходи скорее! Мама, посторонись. Моя Марина пришла.

– Фке!

Дин смутился, а Марина поняла, почему её никогда не приглашали в эту квартиру.

– Солнце, ты здесь. Тебе передали записку?

– Да.

– Фффффф!

– Проходи же! Мама, иди отдыхай.

– Дин, нам надо уходить. Времени мало.

– Дин, ты там в дупло провалился?

– Оу, не верю в срань глазам своим! Манька пожаловала!

Конечно. Куда же без дружков.

– Дин. Если хочешь, чтобы я была твоей, немедленно собирайся и иди со мной.

– Солнышко, я не могу так сразу. Тут друзья… И мама… Нужно подождать, пока она очухается. Попрощаться. Ты проходи, проходи, не стой на пороге.

– И когда твоя мама, к-хм, придёт в себя?

– Обычно полсуток ей достаточно.

– Ох-х-х…

– Но сегодня она хватила лишку. Проходи, садись. А мы здесь День Становления Мирового Правительства отмечаем.

Проклятье. Она и забыла, что у внешнемировцев великий праздник.

– Налейте Маньке!

Дружки развалились на рваном матраце, который лежал прямо на полу. Шпак протягивал ей мутно-зелёный стакан.

– Я не пью.

– Манька нас презирает.

– Сонц, у нас же День Становления. И день нашего воссоединения! Хоть глоточек!

– Да её же потом под купол не пустят, гы-гы!

– Закупорьтесь вы в сраку. Сейчас шоу начнётся.

На широком экране, занявшем полстены, замелькали картинки. Мужчина с лицом умственно отсталого шагал по комнате, улыбался в экран придурковатой улыбкой, попробовал пожевать кактус, замычал, затем снял штаны и сел на унитаз. За кадром радостно заржали. Диновы дружки восторженно пялились в экран.

Марина скривилась.

А шоу тем временем продолжалось: в комнату вошла блондинка в открытом серебристом купальнике и туфлях на шпильке. На экране появилась надпись:

«Варианты событий:

Герои занимаются сексом.

Герой убивает героиню.

Героиня заставляет героя съесть кактус.

Голосуйте за понравившееся событие и через три минуты увидите продолжение шоу».

Шпак схватился за визифон и завопил.

– Кактус! Кактус!

– В дупло кактус. Пусть потрахаются! – протянул Гвоздь, тоже нажимая на кнопки виза.

– Убить тёлку, – резюмировал Кошмар, без особого, впрочем, азарта.

– Каааааааааактуууууууууус!

– Фххрке, – сообщили из коридора.

Марина переминалась с ноги на ногу. Дин с наслаждением прихлёбывал из бокала.

– А нельзя ли ускорить возвращение твоей мамы в чувство и разум? – прошипела Марина, сомневаясь, что такое «возвращение» вообще реально.

– Солнышко. – Дин стал похож на пятилетнего ребёнка, который потерялся и вот-вот расплачется. – Мама придёт в себя завтра утром. А потом я уйду с тобой и, возможно, никогда её больше не увижу. К чему такая спешка? Что-то случилось?

– Нет. Пока нет. Но может случиться. И лучше к тому моменту нам быть в Наукограде.

– И сколько у нас времени до «того момента»?

– Около суток. Но лучше не затягивать.

– Понял. С утра выдвигаемся. А пока – расслабься ты хоть немного. Сегодня праздник, у нас с тобой – двойной праздник. Выпей сок. Он безалкогольный.

«И синтетический», – подумала Марина, но вслух ничего не сказала. Только вздохнула и сделала глоток.

…Перед глазами мелькали зелёные склоны гор, они с Дином наконец мчали в Наукоград. Мечта сбылась – любимый начнёт новую жизнь, и никто больше их не потревожит. Тряхнуло. Вагончик подпрыгнул, затем стремительно помчал вниз. Сегодня он вообще вёл себя как-то подозрительно, всё время вихлял, норовил сойти с рельса и врезаться в белое дерево.

Откуда здесь берёза?

Давным-давно, в прошлой жизни, на глазах совсем маленькой Маринки несколько взрослых дядек вырубили берёзовую рощицу. То есть рубили боты-лесорубы, дядьки скорее всего пришли поглазеть на бесплатное шоу, просто девочка этого ещё не понимала. Да и не рощица там была – так, три рядка молоденьких белоствольных деревьев за домом. Но Маринке они казались целым лесом. Как они с подружкой Валюшкой любили играть в этом «лесу», какие сказочные истории сочиняли о каждой берёзке, о волшебных жителях, скрывающихся под листвой, о неведомых тропках между белыми красавицами.

И как она плакала навзрыд, когда берёзки одна за другой падали под жужжание электропил. А старшая Валюшка изо всех сил утешала её, одновременно пытаясь уговорить взрослых отключить машины.

Дядьки смеялись. Боты продолжали работать.

А сейчас они вернулись. Через годы, чтобы спилить берёзы, случайно оказавшиеся около монорельса. Боты-лесорубы наступали, омерзительно жужжа. И Марина вдруг поняла, что их цель – не деревья. Вагончик остановился и никак не желал ехать дальше. Дин куда-то пропал. А боты всё наступали.

Марина попыталась закричать, но не смогла.

…Глаза открывались с трудом, а голова, казалось, превратилась в сосуд для расплавленного свинца. С огромным усилием Марина вырвалась из липкого сна. Растерянно заморгала.

– Солнышко. Доброе утро, – над ней нависло улыбающееся лицо Дина.

– Я… – Язык упорно не хотел ворочаться. – Вы что, меня накачали?

– Это друзья пошутили. Разбавили сок. А я не уследил. Не сердись, они уже ушли.

– Сколько время?

– Пять часов.

– Утра?

– Вечера.

– Проклятье!

– Опять ты сердишься. Расскажи лучше, что тебе снилось?

– Что я вот-вот умру.

Марина заставила себя подняться с матраца. В комнате пахло пылью и перегаром.

– Значит, жить будешь долго. Хочешь кофе?

– Нет. Надо уходить. – Как же голова кружится. – Немедленно!

Но немедленно не получилось. Вчерашняя шутка дружков дала о себе знать – Марине понадобился час, чтобы прийти в себя и начать более-менее твёрдо держаться на ногах. Вспомнился вдруг сумасшедший уборщик, и Марина поймала себя на том, что пытается отыскать в квартире Дина загадочную радугу. Пол и мебель были покрыты слоем пыли и завалены всяким барахлом, и ничем похожим на семицветное коромысло похвастаться не могли. Марина отругала себя за паранойю и в который раз умылась холодной водой.

В другой комнате раздражённо бубнил Дин – что-то втолковывал матери.

– Уже почти двенадцать часов наши физики колдуют и до сих пор ничего не взорвали. Странно, правда? – спросил Огней, а Николай задумался – то ли шутит брат, то ли серьёзен.

Младший Корсан, не дождавшись ответа, продолжил:

– Видел утром Ирвинга. Марины с ним не было. Так и не вернулась?

– Спит ещё, видимо. Пришла под утро.

– Пришла? Одна? Или с этим…

– Они поссорились.

– Неужели?!

– Но я бы на твоём месте не обольщался – они постоянно грызутся. Хотя в этот раз он перешёл черту, такое выкинул, на голову не наденешь.

– Странно. Выпросить у меня разрешение для своего обдолба и оставить его там. Что же он сотворил?

– У тебя? Выпросить? – Николай приподнялся в кресле.

– А ты что, не видел?

– Не понял?

– Ты же наблюдал за ней с помощью супердиадемы. А я прямо в чёртов рубин сообщил, что снимаю запрет для ненаглядного Дина-а-ария.

– Хм.

– Покажи-ка мне запись её приключений.

– Мне кажется, это не совсем корректно по отношению к Марине.

– Некорректно? Ты устроил за ней слежку! Да и в наши

камеры она регулярно попадает. Показывай, что наснимал!

– Потом. Расскажи лучше о Сэле. Я беру на работу нового человека и хочу знать о нём некоторые подробности. Как она себя чувствует в Наукограде?

– Сэла осваивается и чувствует себя великолепно. Покажи запись! Где она у тебя? Сейчас сам найду!

– Пользуешься превосходством над калекой? Сударь, вы подлец! Ладно, ладно, оставь в покое мой письменный стол. Я сдаюсь. – Николай включил компьютер, поднял на брата взгляд. – Послушай, Марина – хорошая девушка, и, возможно, с обдолбом у неё всё кончено. Но тебе нужен кто-то более надёжный и более взрослый.

– Всё сказал? Запись покажешь?

Николай вздохнул и запустил видео.

Огней прилип к экрану. Вот Марина идёт к воротам, развевается лёгкая кремовая туника, цокают каблучки, мельтешат около девушки красные мушки, а сама она машет рукой дежурному.

– А где же я? – пробормотал удивлённо.

Вагончик мчится по монорельсу, обдолб на площади с треугольными столбиками, башня с четырьмя зубцам, Дин отказывается танцевать, бот предлагает Марине зону свободной любви. Марина и Дин разговаривают у входа в клуб, гостиница…

Огней мрачнел с каждой минутой.

– Останови, – потребовал наконец. – Я всё это видел. Вернее, не всё – только сцены в «Мегакруте», у нас теперь и там камеры. Даже в фиолетовую зону одну умудрились засунуть, к-хм… В общем, это было позавчера. Но она без обруча была. И в другой одежде.

Огней придвинулся к экрану, щёлкнул пальцами по планшету, увеличил картинку.

– Так и есть. Подделка. Она подсунула тебе переформатированное гипновидео.

– Э… – к экрану прильнул и Николай. – Однако. Как же я не заметил?

– Вы все привыкли считать Марину дурочкой, забывая, что у неё техническое образование и диплом с отличием, между прочим. Говоришь, вернулась утром и легла спать?

– Ну-у, так показала камера. И я сразу же позвонил Ирвингу сообщить, что дочь в безопасности. – Николай растерянно моргал.

– Он к ней не заходил?

– Вряд ли, он уже был в лаборатории, но я думаю…

О чём думал брат, Огней выяснять не стал. Выбежал из дома, бросился через клеверную лужайку, споткнулся об толстого

рыжего кота, едва не упал в фонтан. Кот смотрел ему вслед круглыми глазами, кто-то кричал, что здесь тебе не внешний мир, чтоб по газонам бегать, – Огнею было всё равно.

За пять минут он примчался к дому Гамильтонов. Заперто! Идти к Ирвингу? Ловец чувствовал себя идиотом. Марина небось давно в лаборатории. Или спит. Или развлекается со своим Дином, плюнув на науку. Последнее вполне вероятно и неудивительно, раз уж она ему и фиолетовый сектор простила. В любом случае Огней ей не нужен. И всё же… Почему так неспокойно на душе? И ком встал в горле. Корсан ударил плечом в дверь. Та всхлипнула и распахнулась – замки в Наукограде слабые, скорее для видимости, воров в городе учёных не водится.

Комната Марины пустовала. На столике – микрокамера из диадемы. А Николай думал, что хорошо её замаскировал. Ха-ха. Сам не зная, что и зачем делает, Огней принялся рыться в вещах, вытряхивать на пол бумаги, микрочипы, косметику, пока наконец не нашёл. Любовный гипнодневник. К счастью, Марина не забрала его с собой, всё-таки гипнокнига – это секретная технология. Но и уничтожить то ли не успела, то ли рука не поднялась. Потому просто спрятала. Огней подключил к вискам датчики, замелькали перед глазами картинки. Марина фиксировала каждый миг их с Дином любви. Целый роман, можно сказать, наваяла. И, как он и догадывался, картинку, скормленную Николаю, она вырезала из дневника и переформатировала в обычное видео. Десять минут работы. Плюс ещё столько же, чтобы наложить голограмму себя в чудо-диадеме и другой одежде. Топорно, кстати, наложила. На скорую руку. Только зацикленный на своих «хамелеонах» Николай мог не заметить подмены.

А диадемы нигде нет. И красных туфель, и смелой кремовой туники с широким поясом, на которые он вчера любовался, провожая Марину взглядом, тоже. Значит, леди Гамильтон домой не возвращалась. А Ирвинг спокойно себе шаманит в лаборатории.

Огней сел на кровать, обхватил голову руками. Может, зря паникует? Не вернулась девочка домой ночевать, так ведь не первый раз. Да, не получится теперь за ней следить, но и до этого не следили, сама всегда возвращалась – живая и здоровая. Вряд ли и сейчас ей что-то угрожает. Но одного «вряд ли» недостаточно. От мысли, что ей может грозить хоть малейшая опасность, становилось дурно.

Марина, Марина… Уникальное создание, зависшее меж двух миров. Она слишком – по-детски – наивна и непосредственна для Наукограда. А здесь нет детей. Вернее, с физической точки зрения

они есть, но даже ранние подростки рассуждают по-взрослому. Они много читают, с лёгкостью берут интегралы и расшифровывают длинные генетические коды, но их сложно представить частью шумных весёлых компаний, которые пугали ночь в юности самого Огнея. Марина другая. Она словно вышла из прошлой жизни. При этом леди Гамильтон слишком умна, воспитанна и утонченна для внешнего мира. Однако мир этот любит.

Потому и не подходит на роль ловца. Огней и его подопечные делят внешнемировцев на три части. Первым – перспективным парням и девушкам вроде Сэлы – можно позволить жить на нижних ступенях Наукограда. Вторых – учёных уровня Ирвинга, по каким-то причинам не попавших под купол двадцать лет назад, – планируется сделать первыми жителями следующего Наукограда, под который на полуострове уже и территория расчищена. А третьи – обдолбы. Их большинство. Людей первых двух категорий приходится выискивать и отбирать с особой тщательностью.

А Марине дай волю, запрудит Наукоград всякими Динами.

Но пусть лучше запрудит, чем совсем не вернётся. Нет уж. Если понадобится, он сам её вернёт. Притащит за волосы. Прямо сейчас.

Огней бросился к воротам. И успел как раз к моменту, когда дежурный заканчивал доклад об их блокировке.

– Мне нужно выйти!

– Ворота закрыты. Приказ Мартина Брута.

– Но их должны были заблокировать только в одиннадцать вечера.

– Ничего не знаю. Приказ сверху.

– Откройте. Я – старший ловец, Огней Корсан!

– Простите. Приказ Мартина Брута – не выпускать никого.

Огней ударил кулаком по воротам.

Когда они вышли из дома, уже начинало смеркаться.

Марина куталась в Динову куртку – насколько же здесь холоднее, чем в Калиере, – и старалась идти быстро, Дин сосредоточенно сопел. Доехали до площади, свернули в подворотню – одну, другую. Вот наконец гостиница, а за ней – пустырь и станция монорельса. Марина разулась и побежала по траве. Дин ковылял следом.

– Солнышко. Обуйся!

– Мне так удобно.

– Исколешь ноги. Здесь тебе не Наукоград чистенький.

– Переживу. Я очень люблю ходить босиком.

– А я хочу, чтобы ты обулась.

– Да замолчи ты! Ай!

Босой палец наступил на колючку, Марина запрыгала на одной ноге, потеряла равновесие, упала на траву. Дин присел рядом. На удивление, не сказал ничего типа: «Я же тебе говорил!» Спросил лишь:

– Ушиблась? Обними за шею – донесу до станции.

Она подняла взгляд. Алый диск солнца угрюмо полз к горизонту. Стало вдруг трудно дышать.

– На заре. На которой из двух?

– Любимая, ты в порядке?

– Знаю, умру на заре! – Ястребиную ночь
Бог не пошлёт по мою лебединую душу.

– Сонц, ты чего?

Марина смотрела в пустоту, а там…

…

Нет ничего.

Ни пустыря, ни вагона, ни Дина… Дина… Кто такой Дин? Его нет. Никого нет.

Тишина и бескрайнее бесцветное нечто.

И ничтожная капля энергии в нём. Маленький сгусток жизни.

Обрывки мыслей чёрными червячками попытались пролезть в девственное ничто, заставив на жалкий миг пошатнуться, испугаться.

О-о-о-отецццццц.

Мо-о-о-о-йо-о-о-о-о ди-и-и-и-итя.

Дин-дилинь-ди-и-и-ин.

Что? Кто посмел? Кыш отсюда. Вечность не терпит суеты. Вечности не нужны непрошеные гости. Тишина, и покой, и пустота, исконное безмерное ничто.

Только они
по-настоящему
прекрасны,
только они
в этой жизни
имеют смысл.
Шаг за шагом.
Глубже и глубже.

…
– Солнышко? О… о… о…
Динарию никто не ответил. Отвечать было некому.
Спрашивать, впрочем, тоже.

Глава 4
Светлый мир завтра

Хрясь! Сухой чурбак развалился надвое под восторженный девичий крик. Хрясь! И ещё раз пополам. И ещё. Руслан ловко уложил свеженькие, пахнущие смолой дрова в горку, покосился на соперника. Тот заметно отставал. Молодой ещё, слишком размашисто рубит, не бережёт силы. А сила никогда не заменит мастерство. Руслан установил следующий чурбачок – хрясь!

Праздник Труда он любил, пожалуй, более всех прочих, больше даже, чем Начало, которое по традиции отмечали в день весеннего равноденствия. Лето уже наступило, но нет пока изнуряющей жары. Тёплый вечер медленно опускается на озеро, на большую поляну у берега, на лес, на сады Наукограда. Разумеется, это не тот Наукоград, что сто лет назад построили предки. Калиера вновь превращена в заповедник, в живой музей прошлого. Новый город стоит в самом центре полуострова, там, где отроги горных кряжей уступают место равнине.

Да, Праздник Труда Руслану нравился. Воздух пропитан запахами свежескошенной травы, древесного угля, ароматами готовящихся яств. Стук топоров и звон молотков, музыка, песни, весёлые голоса, смех заполонили поляну от края до края, расплескались по лесным опушкам, по мелкой прибрежной воде. И усталость – та особенная физическая усталость, что заставляет ныть мышцы и делает удивительно светлой голову. «Труд создал из обезьяны человека. Отказ от труда превратил человека в обдолба» – эту великую мудрость каждый помнит со школьной скамьи. Ведь недаром Враг, решив уничтожить человечество, прежде всего внушил людям отвращение к труду. Созданные Врагом разумные машины сначала заменили человека на заводах и фабриках, на фермах и в теплицах. Затем – в чиновничьих кабинетах и в научных лабораториях. Затем – везде…

На счастье, последнее удалось предотвратить. Технологии Врага давно уничтожены и запрещены к воспроизводству. Теперь люди не уступали машинам ни пяди своей привилегии – работать. И прежде всего – руками. Каждый умел что-то делать и стремился умение своё довести до совершенства. Плотничать или слесарничать, готовить блюда или вышивать гладью, танцевать или петь, писать картины или сочинять стихи – колоть дрова, наконец! – любой труд почётен и прекрасен. Любой достоин уважения и поощрения. В Праздник Труда лучшие из лучших соревновались между собой. Сама победа тут становилась высшей

наградой. Но было и ещё одно правило, неписаное, – кто-то из зрителей должен исполнить желание победителя. Любое!

Руслан считался непревзойдённым дровосеком. Вот уже три года он носил этот титул. И сегодня не собирался его уступать.

Хрясь! Хрясь! Соперник сообразил, что проигрывает, замахал топором изо всех сил. И сделал себе только хуже. Удары получались неточными, лезвие застревало в древесине. А у Руслана осталось меньше полудюжины кругляшей.

– Руслан, Руслан! – неистовствовали болельщики. Вернее, болельщицы.

Вокруг толпились в основном девчонки, глазели на мускулистые, блестящие от пота торсы дровосеков. Оно и понятно: все знали, какое желание загадывал чемпион в прошлом году и в позапрошлом. И каждая хотела бы его исполнить.

Хрясь! Дрова улеглись в поленницу.

– Руслан! Руслан!

– Михо! Михо! – старается перекричать группа поддержки соперника.

Куда там! Парень выронил топор от излишнего рвения. Бедолага.

Хрясь! Всего три кругляша осталось. У соперника – вдвое больше. Нет, не догонит.

– Руслан, давай!

– Михо, пожалуйста, родненький!

Не успеть парню. Руслан приладил последний кругляш. Двигался нарочито медленно, позволяя сопернику сократить дистанцию, чтобы поражение не выглядело таким обидным. Колоть дрова парень мастак, силён, ловок, с топором управляется играючи. Но с чувствами совладать не может, больно азартен.

Оттого и проиграл. Хрясь!

Всё же парень был настоящим мастером. Не бросил топор, едва Руслан уложил в горку последнее полено, и болельщицы взорвались победными овациями. Доколол оставшиеся два чурбака. Руслан подождал, пока соперник справится с делом, подошёл, крепко, по-мужски, пожал руку, похлопал по плечу.

– Молодец! Уверен, в следующем году победа будет за тобой.

И повернулся к зрительницам.

Возгласы вмиг затихли. Некоторые девушки, кажется, и дышать перестали. «Меня, меня выбери», – умолял по крайней мере десяток лиц. И все как на подбор, милые, красивые, юные. Вполне желанные. Сполохи ближних костров добавляли щёчкам румянца, заставляли блестеть глаза. Или причиной тому затаённая страсть?

Руслан перевёл взгляд на тех, что стояли во втором ряду,

остановился на высокой круглолицей красавице и приподнял удивлённо бровь. Вот уж кого не ожидал здесь увидеть. Но сомневаться не приходилось – это она. Пухлые губы, копна медно-огненных волос. Себя Руслан тоже причислял к рыжим, но его рыжинка терялась совершенно рядом с пылающим пожаром на плечах женщины.

Руслан улыбнулся, молча указал пальцем. Женщина с деланой покорностью поклонилась:

– Чего пожелает мой чемпион?

– Тебя, разумеется.

Вздох разочарования прошелестел по толпе. Но его тут же сменили смех, возгласы. Кольцо зрителей распалось, к Руслану подскочили почитательницы – хотя бы притиснуться, обнять, поцеловать в щёку. Лишь минут через десять ему удалось высвободиться.

– Привет, Хала!

– Привет, Руслан. Поздравляю. Я знала – ты всегда лучший.

– Не преувеличивай. Я просто хорошо умею колоть дрова.

– Конечно. А в свободное от колки дров время ты чем занимаешься?

– Да так, на побегушках у Совета. Инспекционные вояжи по ЭП, организация охотничьих экспедиций.

– Ого! Ты, должно быть, пользуешься особым доверием у Лорда Байрона?

– Должно быть. Ладно, хватит обо мне. Напомни лучше, сколько мы с тобой не виделись?

– Четыре года, наверное? Да, четыре.

В детстве они жили по соседству, на западной окраине Наукограда – черепичная, с золотым петушком на маковке крыша коттеджа её родителей видна была с того места, где они сейчас стояли, возвышалась над кронами персиков и нектаринов. Хала всего на два года старше Руслана и какое-то время даже была его сводной сестрой. Позже, в годы юношеских любовных опытов, она стала его первой девушкой, затем – первой женщиной. Потом, как обычно случается, жизнь развела их. Хала всегда была симпатична Руслану. И в детские годы, и когда повзрослела. Нравилась и сейчас, пышной огненноволосой красавицей. И раз уж достался ему такой приз, отказываться от него он не собирался.

– Так какими судьбами к нам? Ты ведь…

Руслан недвусмысленно окинул взглядом одежду подруги: юбка из двух прямоугольных кусков материи, скреплённых поясом, блуза с таким откровенным декольте, что она скорее не прикрывала, а выставляла напоказ грудь женщины. И ноги обуты

в хитроумную плетёнку из серебристой кожи, тогда как наукоградцы предпочитали летом ходить босиком.

– Да, куратор Либертии. – Хала вновь поклонилась. – Назавтра Совет пригласил меня сделать обзорный доклад. А потом старший куратор жаждет приватно побеседовать.

– Что от тебя хочет Лорд? – с деланой ревностью в голосе вопросил Руслан.

– Кто ж его знает? Мысли старшего куратора неисповедимы. Зато сегодня вечером я совершенно свободна!

– Вот уж нет. Сегодня вечером ты моя раба. Назвалась груздем – полезай в корзину.

– О да, не смею перечить, повелитель! – прыснула Хала. – И чего возжелает владыка моих души и тела?

– Прежде всего владыка возжелает смыть с себя пот и грязь. А затем…

Руслан запнулся, не услышав, а скорее ощутив, как разом стих гомон на поляне. Повинуясь общему порыву, посмотрел вверх.

Солнце почти село, лишь краешек его выглядывал из-за горизонта. Небо стало алым. Тонкие тучи выстроились спиралью, казалось, над людьми разверзся гигантский водоворот. И каждый виток спирали был ярче предыдущего: от бледно-розового в середине до огненно-багряного по внешнему краю.

– Красота… – только и нашёл что сказать.

– Да… Знаешь, когда смотришь вот так, кажется, что мы и есть центр Вселенной.

– Почему бы и нет? В пределах локали нашей планеты это бесспорная истина.

Хала подошла, обняла, прижалась лицом к щеке.

– Я потный и вонючий, – предупредил Руслан.

– Трудовой пот не воняет. Так что ещё возжелает мой чемпион? – Хала игриво прищурилась. – Посидеть у костра кулинаров, утолить голод?

– Нет, не угадала. – Руслан покачал головой. – После купания мы пойдём прямиком в мой коттедж. Не будем зря растранжиривать время. Помним, что оно – драгоценнейшее из ресурсов. К тому же завтра на рассвете мне вылетать в командировку.

– Инспекция? Не по нашу ли душу, случаем?

– Нет, твоё поселение мне пока не доверяют. Я в Феминию.

– Бедненький, я тебе сочувствую! К такой поездочке в самом деле нужно подготовиться как следует. Только зачем же нам коттедж?

Хала засмеялась и указала на ближайшую лесную опушку:

– Посмотри, там не хуже. И романтичней!

Руслан удивился.

– Боюсь, сегодня нам не позволят уединиться. Весь Наукоград гуляет.

– Что из того? Кто нас осудит? Любовное соитие тел – это ведь тоже труд. Пусть смотрят.

Руслан едва удержался, чтобы не почесать в затылке. Однако быстро базовые установки ЭП въедаются в подсознание живущих там не только по праву рождения, но и по долгу службы. Четыре года назад Хале и в голову не пришло бы предложить подобное. Забавно.

– Ладно, пошли искупаемся, а там видно будет. У нас вся ночь впереди.

Порыв ветра бросил в лицо солёные брызги, парус громко хлопнул над головой. Руслан повернул штурвал ещё на десять градусов, положил яхту в крутой бейдевинд. Мускулы приятно ныли после вчерашних соревнований – с топором и тех, что состоялись чуть позже, ночью. Не на лесной опушке, разумеется, а в мансарде коттеджа. Праздник Труда удался на славу. Хала в чём-то права: секс – это физический труд, весьма приятный и требующий своего мастерства. Так почему бы не ввести его в программу соревнований? В Либертии, например, включили. Хотя в Либертии много странного для неподготовленного человека. Как и в любом экспериментальном поселении.

Белая пена вскипала под килем, солнце, поднявшееся на ладонь над горизонтом, играло нестерпимо яркими бликами на тихой, выглаженной штилем зеленоватой воде. А если обернуться, взглянуть вдаль, море набирало густую синеву. И невозможно было понять, отчего его назвали Чёрным.

Яхта обогнула рыжий скалистый выступ. Прямо по курсу открывалась небольшая бухта. Устланная крупными голышами полоска пляжа, крутые обрывы оберегали её с трёх сторон. Идеальное место, чтобы инспектор Управления сделал короткую остановку перед началом трудного и ответственного задания. В конце концов, побывать на побережье и не окунуться в море – грех непростительный. Дальше будет посёлок, являться неглиже к его обитателям не стоит. Так что только здесь.

Однако бухта, вопреки ожиданиям, оказалась занята. Руслан с удивлением различил на плоском, гладко вылизанном морем валуне две человеческие фигуры. А вон и третья – приподнялась, смотрит на яхту, приставив ладонь козырьком ко лбу. Он не заметил их в первую же минуту только потому, что тела людей были загоревшими до черноты, сливались с тёмно-бурыми

валунами. Три женщины загорали под ласковым утренним солнцем. Очень интересно. Кто они и откуда здесь взялись?

Женщина, разглядывающая яхту, поднялась во весь рост. Что-то сказала подругам, те повернули головы. Одна и вовсе села, поджав ноги. Все трое были крепкими, подтянутыми, отлично сложенными, молодыми. Правильнее не женщинами их называть, а девицами. Кажется, красивые. Впрочем, чтобы рассмотреть лица, расстояние было ещё великовато, а идти в каюту за биноклем Руслан поленился. Не похоже, что эти подруги из Наукограда. Да и откуда им здесь взяться? Ни на берегу, ни на воде трансформа он не заметил. Значит, из Феминии пришли?

Руслан слишком увлёкся, рассматривая пляжниц. Парус резко хлопнул, потеряв ветер в закрытой со всех сторон бухте, заполоскался. Яхта взбрыкнула, дёрнула носом, опрокинув своего капитана на спину. На берегу засмеялись.

Руслан вскочил, убрал парус. Яхта скользила, замедляя ход. Когда стали различимы лежащие на дне камни, Руслан развернул лодку бортом к берегу, сбросил якорь. Лишь после этого вновь взглянул на девиц. Не удивился бы, обнаружив, что они исчезли.

Но пляжницы и не думали уходить. Две сидели на валуне, внимательно и насторожённо следили за происходящим. Третья подошла к самой кромке воды. Тёмные волосы подстрижены под короткое каре, правильный овал лица, брови вразлёт, пухлые губки, на щеках – крохотные ямки. Красивая. И фигура под стать – в меру крутые бёдра, длинные сильные ноги, плоский живот, грудь не такая уж и маленькая, но упругая. Подруги тоже ничего. Но эта особенная. Почти эталон женской привлекательности.

– Доброе утро, девушки! – Руслан помахал рукой.

– Привет. – Стоявшая у воды чуть улыбнулась.

Зато её подруга, светловолосая, с блестящими колечками по всему телу, быстро вскочила, прикрикнула сердито:

– Плыви, откуда явился! Здесь наша территория. Для самцов вход заказан!

В самом деле из Феминии.

Можно было запускать мотор и уматывать из бухты – искупаться в своё удовольствие не получится. Но Руслан к работе относился дотошно, потому уплывать не спешил. Для начала опустился в каюту, сверился с картой. Снова поднялся на палубу, внимательно оглядел склоны горы. По всему получалось, что граница посёлка проходит по гребню, отделяющему эту бухту от следующей, на берегу которой Феминия, собственно, и расположилась. И стало быть, подружки никак здесь оказаться не могли. Следовательно, прореха в мембране? Нет, скорее размывка.

Все три девушки поднялись на ноги, две стояли поодаль, а брюнетка всё там же, у кромки воды. Наготы ни одна не стеснялась. Да и понятно, стыд обнажённого тела в воспитательную программу этого посёлка не заложен.

– Девушки, а не далеко ли вы забрались? Вам в Феминии пляжей не хватает?

Коротко стриженная шатенка испуганно вздрогнула, шагнула в сторону едва заметной тропинки, петляющей по крутому склону. Но блондинка схватила её за руку, удержала. Подбоченилась, выставив вперёд остренькие, словно рожки у козочки, грудки, и крикнула:

– Это тоже наш пляж! Мы сюда ещё с весны ходим!

Вот так-так! Размывке в мембране не меньше трёх месяцев, а инфоргетики в ус не дуют. Инспектору будет о чём написать в докладной. Удачно он заплыл, неплохой клёв в безымянной бухточке. И кто знает, возможно, и ещё что-то выудит.

Руслан дружелюбно улыбнулся, развёл руками.

– Значит, это общая территория. Разрешено купаться всем, кто пожелает. Я вам не мешаю, вы мне не мешаете.

– Убирайся отсюда! – вновь потребовала блондинка. Но уверенности в её голосе поубавилось.

Руслан неторопливо стянул шорты, бросил на палубу. Стал, расправил плечи, поиграл мускулами. Он будто бы не смотрел на берег, запрокинув лицо к небу. Но при этом внимательно наблюдал за девицами.

Пугливая шатенка потупилась, отвернулась. Она б и убежала, если бы не подруги. Так беги, дура, подчинись интуиции! Нет, стоит. Не может пересилить стадный инстинкт. Блондинка тоже старательно отводила взгляд, делала вид, что ей безразличен самец. Зато красавица у воды глядела во все глаза. Заинтересовалась, значит. Наверняка мужчину она видела прежде лишь в учебных фильмах да в анатомических атласах.

Руслан, как бы разминаясь, сделал несколько силовых упражнений. Мускулы перекатывались под кожей клубками играющих змей. Ему нравилось, когда на него смотрят. Особенно женщины, молодые и красивые. Почти два метра роста, плечи атлета, лицо, словно вылепленное первоклассным скульптором. Серо-голубые глаза, короткий ёжик волос, улыбка на губах – добрая, открытая. Несколько раз Руслан начинал отпускать усы, но они почему-то делали лицо смазливым и… нечестным. Может, стоит поэкспериментировать с бородкой, как у Лорда? Как бы там ни было, сейчас растительности на лице у Руслана не было. Потому выглядел он мужественным красавцем.

Но как раз мужественность его феминкам без надобности.

Согласно условиям эксперимента, у жительниц посёлка с детства подавляли влечение к противоположному полу. Мужское тело должно вызывать у них брезгливость, в крайнем случае – снисходительное безразличие. Но не интерес. Интерес – первый шаг к нарушению запретов, девиация. Одна из задач инспектора – исправлять отклонения.

Руслан взмахнул руками, прыгнул, рассёк воду, словно клинок. Пронзил всю толщу, оттолкнулся от голышей на дне, свечой взвился вверх, вынырнул.

– Отличная водичка, девушки! – вскинул руку, показывая извечный жест одобрения. – А вы почему не купаетесь? Территория общая.

Брюнетка сделала шаг, погрузившись по колено. Неужто клюнула на приманку? Жаль.

Девушка остановилась.

– Ты что, боишься? – подзадорил Руслан.

– Ещё чего!

Брюнетка возмущённо фыркнула, шагнула, присела и поплыла, по-собачьи загребая руками.

– Лиза, ты куда?! – испуганно взвизгнула блондинка. – Вернись сейчас же!

Брюнетка даже не оглянулась, плыла прямиком к Руслану. Он весело помахал оставшимся на берегу:

– Залезайте и вы в воду! Здесь здорово!

– Не трогай её! Лиза, назад!

Нет, те две лезть в море не собирались, заложенный воспитанием предохранитель работал. А мы его ещё и усилим наглядным уроком.

– Трусихи. – Руслан улыбнулся подплывающей брюнетке с особым дружелюбием. – Вода и впрямь превосходная.

– Ага. Мы почти каждый день сюда ходим, – согласилась девушка.

И, хихикнув, спросила неожиданно:

– А ты правда самец? Ну, мужчина?

– Ты что, не разглядела?

– Рассмотрела. Но в воде ты выглядишь совсем как человек. И разговариваешь по-человечески.

– Что ж мне, по-звериному рычать? – рассмеялся Руслан.

Лиза остановилась, не доплыв метра два до него.

– Что такое? – Руслан протянул руку. – Поплыли. Рычать не буду, честное слово.

Девушка опять хихикнула, качнула головой.

– Я глубины боюсь. Никогда далеко от берега не отплываю. Вдруг сил не хватит назад вернуться? Или судорога?

Руслан заговорщицки подмигнул:

– Тогда давай до яхты? Она же рядом, а назад я тебя довезу. К самому берегу.

В ответ на такое предложение феминка должна была возмутиться, оскорбиться, испугаться… Да всё, что угодно! Но брюнетка только спросила, запнувшись:

– А ты… не захочешь воспользоваться моим телом?

Руслан сделал большие невинные глаза.

– Глупости! Ты разве веришь сказкам о свирепых самцах?

Лиза помедлила, кивнула:

– Хорошо, я согласна. Если обещаешь не притрагиваться.

Худо дело, феминка готова верить обещаниям мужчины. Нет, это отклонение нужно исправлять немедленно. Если ещё можно исправить, в чём Руслан вовсе не был уверен. Тогда хотя бы тем двоим на берегу преподнесёт хороший урок.

До яхты они доплыли почти одновременно. Руслан ухватился за поручень и вдруг услышал малиновые трели визифона, доносившиеся с палубы. Срочный вызов из Управления. И неизвестно, сколько уже пиликает, пока он с феминкой развлекался. Вот же не вовремя!

– Минутку! – бросил девушке и мигом взлетел наверх.

Так и есть, срочный вызов. Даже экстрасрочный.

– Почему не отвечаешь? – Лицо старшего куратора было не то чтобы хмурым, но недовольным.

– Я… – Руслан начал подыскивать оправдание, но одёрнул себя. Не время оправдываться. – Извините, Лорд. Что случилось?

– Разведчик засёк крупное стойбище всего в пятистах километрах от перешейка. Обеспечь зачистку, немедленно.

– Ясно, стартую.

Экран виза погас. Руслан шагнул к рубке и лишь сейчас вспомнил об оставленной в воде девушке. Полноценного урока не получится, понятное дело. Тогда хотя бы…

Он подскочил к бортику. То ли феминка почуяла ловушку, то ли испугалась, что подруги заподозрят в нехороших намерениях, но сейчас она что было силы гребла к берегу. Догонять, возвращать времени не оставалось – наверняка охотники уже получили команду, выводят трансформы из ангара. Нехорошо, если отряд задержится по вине командера. Но и оставить нарушительниц без наказания он не мог. Чего доброго, решат, будто страшные истории о самцах сильно преувеличены.

Спрыгнуть в каюту, расчехлить автомат – на это ушло от силы три минуты. Но когда он вновь вернулся на палубу, брюнетка успела добраться до берега – не так уж и скверно она плавает, оказывается! Девушка выкарабкивалась по скользким голышам, а

подруги, подбежав, протягивали руки.

Срезать всю троицу было проще простого, однако подобные акции в задачи инспектора не входили. Точечное исправление девиаций – другое дело. Руслан поймал в перекрестье прицела спину брюнетки, коснулся пальцем спускового крючка… И тут Лиза выпрямилась, широко шагнула, в прицеле замелькали чужие ноги.

Руслан выругался. Нет времени! Что ж…

Он приопустил ствол, дал длинную очередь. Оглушительный грохот разорвал тишину бухты. В полуметре за спинами девиц море встало на дыбы, обрушивая на пляжниц столбы воды. Феминки заверещали, спотыкаясь и падая, бросились прочь, к узкой тропинке. Руслан послал ещё одну очередь, на этот раз в полуметре над головами. Огненные стрелы врезались в склон, взорвались, швырнули навстречу бегущим острое каменное крошево. Достаточно! Те две запомнят урок на всю оставшуюся жизнь. Что касается Лизы, с ней пусть куратор Феминии разбирается – объективы яхты её выходку зафиксировали.

Не теряя более времени, Руслан натянул лётный комбинезон, сел за штурвал, включил трансмодификатор. Полиметалл корпуса вздрогнул, почувствовав высокочастотные вибрации в композитных волокнах.

Мачта переломилась у основания, аккуратно легла поперёк палубы. Парус растянулся вдоль неё, затвердел. И палуба изменялась – втянула поручни, выгнулась. Под днищем тоже шла работа – расправился киль, рули превратились в хвостовое оперение. Последней сформировалась кабина вокруг кресла пилота. Две минуты – и громадная хищная птица оттолкнулась от воды, взмахнула крыльями, сделала крутой вираж над бухтой, над испуганными до полусмерти, иссечёнными в кровь феминками. Орнитоплан поднялся над гребнем горы, прижал крылья к вытянувшемуся, словно торпеда, корпусу и понёсся, набирая скорость, на север.

Восемнадцать минут спустя три звена охотников уже были в указанном квадрате. Заходили с востока, со стороны солнца, чтобы дикари не заметили приближающуюся смерть раньше времени. Справа блестела излучина неширокой реки, за ней поднимались грязно-серые остовы. Наполовину обрушенные циклопические трубы, прямоугольники зданий с провалившимися перекрытиями этажей и дальше до самого горизонта – заваленный бетонным крошевом пустырь. Промышленноград эпохи Обдолба. Живая природа пока не успела поглотить и переработать его окончательно, а людям заниматься очисткой

всей планеты было недосуг. Полвека ушло только на то, чтобы демонтировать, собрать, извлечь с океанского дна, а потом свезти на космодромы и запустить в сторону Солнца накопленный радиоактивный и химический мусор. Следующие полвека – на то, чтобы обустроить полуостров, начать социальный эксперимент. А теперь вот на зачистки ресурсы тратить приходится. Двуногие твари за столетие расплодились неимоверно.

По другую сторону реки, прямо под машинами охотников, тянулся на многие километры густой хвойно-лиственный лес. Где-то там разведчики и засекли стойбище. Руслан чертыхнулся. Лет десять назад всю пойму Донца и северное Приазовье тщательно вычистили, но твари снова откуда-то приползли. И руку можно дать на отсечение – сегодня тоже несколько штук сумеет ускользнуть, несмотря на все предосторожности. А значит, опять размножатся, опять придётся расходовать ресурсы на поиски и зачистку. Прайды дикарей перемещались по бескрайним просторам Евразии, Африки, обеих Америк, Австралии, и отследить их, уничтожить заразу, иначе как рассылая разведчиков, а затем снаряжая охотничьи экспедиции, не было возможности. Люди прошлого справились бы с задачей легко. В их распоряжении имелись орбитальные спутники, снабжённые системами слежения и навигации, беспилотники, самонаводящиеся ракеты, прочие технологии Врага. Люди прошлого решили бы всё играючи: одна ядерная боеголовка, и на десяток километров вокруг чисто. Или ковровое бомбометание. Или напалм. На худой конец распылить над стойбищем какой-нибудь зооцид. Им наплевать было на лес, на реку, на воздух, которым они же и дышали. Враг снабжал их самыми совершенными средствами уничтожения. Вернее, самоуничтожения. Истинным людям приходилось трудиться. Охота на двуногих тварей – почётный и опасный труд.

Руслан сверился с картой – пора!

– Александр, обеспечь оцепление, – скомандовал звеньевым. – Вита, Тимур, вниз!

И сам отпустил педаль, заставляя орнитоплан сбросить скорость, начать снижаться.

Стойбище первым увидел Тимур:

– Здесь они, много!

Их и в самом деле было немало – кожаные палатки, сложенные из ветвей шалаши, навесы. Дикари засуетились, заметив наконец опасность.

– Вита, Тимур, атака!

Орнитопланы сложили крылья, нырнули под кроны деревьев. Узкими длинными жалами выдвинулись стволы пулемётов.

Очереди ударили почти беззвучно: сейчас не демонстрация, не урок – зачистка. Лишний шум в лесу ни к чему. Только взлетели султаны пыли, комья земли, щепа и ошмётки плоти.

Охотники сновали над стойбищем, зависая над шатрами, молниеносно разворачиваясь, и били, били, били. Кто-то из дикарей сразу же падал замертво, кто-то орал от боли, катался по земле, кто-то пытался спрятаться в палатке, кто-то удирал со всех ног. Тщетно – от пули не убежишь.

Бойня закончилась быстро. Трансформы начали опускаться на землю, выпуская затянутых в камуфляж пилотов. Охотники цепью двинулись вдоль стойбища, выискивая уцелевших. И чем дальше они шли, тем меньше воплей и стонов разносилось по лесу. Сопротивления почти не было. Лишь в одном месте из-под навеса выпрыгнул здоровенный детина, замахнулся дубиной на маленькую хрупкую Виту… И опрокинулся, сбитый точным выстрелом.

Действо становилось неинтересным, звеньевые свою работу знают, без командера управятся. Теперь главное – у Александра. Надо проследить, чтобы как можно меньше тварей проскользнуло сквозь оцепление. Руслан вывел трансформ из-под крон, пошёл над макушками деревьев. Он любил эту завершающую часть операции. Единственную, которая таила в себе настоящую опасность. Да, случалось, что во время зачистки кто-то из охотников сротозейничает, угодит под копьё или дубину. Но там тебя прикрывают товарищи. А в оцеплении ты один на один со злобной, коварной тварью и не знаешь, что ждёт в следующий миг: стрела, выпущенный из пращи камень или метательный нож. Потому некоторые охотники предпочитают не рисковать, остаются в кабинах трансформов, надеясь достать дикарей издали. И упускают добычу.

Руслан не успел замкнуть первый круг вокруг стойбища, как заметил мелькнувшую внизу тень. А вон и ещё одна, и ещё. Ого, целая стая! Скорее всего самцы, добытчики. Промышляли охотой на мелкую живность, услышали шум и бросились наутёк.

Он хотел повести машину между стволами деревьев, догнать – куда там! Впереди начинался густейший орешник, а двумя сотнями метров дальше лес и вовсе пересекал глубокий овраг. Если дикари доберутся туда, считай, ушли. Трёх звеньев не хватит, чтобы прочесать эти буреломы.

Руслан прикинул расстояние, распорядился:

– Александр, я засёк группу дикарей, бегут к оврагу. Видишь мой трансформ? Выдвини кого-нибудь навстречу. В клещи возьмём тварей.

– Понял, – тут же отозвался звеньевой. – Действую.

Руслан опустил орнитоплан к самой земле, выпрыгнул наружу. Ноги спружинили на толстой хвойной подстилке, лёгкие наполнились густым ароматом смолы и прелых листьев. В лесу было тихо. Издали, со стороны стойбища, доносились голоса охотников, надрывно плакал младенец, изредка щёлкали одиночные выстрелы, но сам лес будто замер. Даже птиц не слышно. И ветер не шумит в кронах. Идеальное место для медитации… Однако время неподходящее. Руслан поудобней перехватил автомат и бросился в ту сторону, куда уходили дикари.

Он был хорошим охотником, с юности готовился к этой профессии. Но те, за кем гнался, в лесу родились и выросли. Потому главным союзником Руслана сейчас был страх. Ужас двуногих тварей перед человеком и его оружием.

Руслан отстегнул со ствола автомата глушитель, дал короткую, но громкую очередь. Пусть знают, где он, и боятся. Пусть бегут, потеряв рассудок, прямиком в западню. Сегодня Руслан поработает загонщиком.

Впереди справа хрустнула ветка. Ага, попались! Руслан рванул туда, и тотчас ожил визифон на руке.

– Командер, это Клод. Я на позиции, вы гоните тварей на меня.

Парень светился от удовольствия. Новичок.

– Молодец. Только не высовывайся раньше вре…

Должно быть, интуиция подсказала Руслану, что произойдёт в следующий миг. Не договорив, он метнулся на землю, и увесистый булыжник лишь чиркнул по виску, содрав кожу.

– Командер?! Командер, что случилось? – завопил Клод.

Руслан не отвечал. Тот, кто запустил в него камень, был метким пращником. И хитрым противником. Нюхом или чем иным почуял засаду и решил сам подловить загонщика. И почти преуспел в этом. Пусть думает, что преуспел.

Толстая корявая ветка едва заметно качнулась. Этого было достаточно. Испытывать судьбу Руслан не стал – резанул длинной очередью и тут же перекатился.

Второй булыжник срикошетил от ствола клёна, отлетел в сторону. На ветвях затрещало, обрывая листву, рухнуло вниз. Тихо, беспомощно взвизгнули – не тот, кто упал, возглас долетел из кустов впереди. Через секунду там уже глухо стучал автомат Клода.

Руслан встал, подошёл к распростёртому телу. Кожаная повязка на бёдрах, колтун немытых волос, узенькие плечи, рёбра выпирают сквозь тёмную от загара, всю в застарелых царапинах и ссадинах кожу. «Самец», «добытчик»… Это оказался подросток

лет двенадцати-тринадцати. Хотя у дикарей двенадцатилетние считаются взрослыми. Так что и добытчик, и, вполне вероятно, самец. Он выстрелил поверженному противнику в голову. Рука, всё ещё сжимающая ремень пращи, конвульсивно дёрнулась.

– Командер, вы живы? – из-за кустов выскочил Клод с автоматом в руках.

Руслан потрогал ссадину на виске. Посмотрел на испачканные кровью пальцы.

– Жив, как видишь. А ты почему из укрытия выскочил?

Дикарь был хитёр, но неопытен. Не сумел правильно оценить противника. Если бы он устроил засаду не на загонщика, а на стрелка, шансов у Клода было бы немного. Завалил бы молокососа. Рановато Александр взял парня в основной состав, не готов тот пока к настоящей охоте.

– Я же о вас беспокоился! – возмутился Клод.

Подскочил к трупу, что есть силы врезал по рёбрам носком ботинка:

– У, тварь вонючая!

Руслан брезгливо поморщился.

– Прекратить! Настоящий человек обязан управлять своими чувствами. Тебя что, не учили: мы не воюем с дикарями, они не враги нам. Они – потенциальное оружие Врага. Мы только защищаем будущее человечества и нашей планеты. Один раз предки этих тварей чуть было не уничтожили и её, и себя. Второй раз мы им этого не позволим.

Клод нехотя кивнул. Всё это он знал, назубок заучивал ещё в младших классах. Однако парень не умел себя сдерживать. Оно и неудивительно – мерзко ведь осознавать, что существа одного с тобой биологического вида деградировали до животного состояния. Потомки обдолбов после катастрофы не вымерли поголовно, как можно было надеяться. Более того, принялись рожать направо и налево. И расплодились бы, как размножались на ставшей пустынной планете лисы, волки, койоты, всевозможные грызуны, если бы не забота охотников. Потому как, в отличие от четвероногих, двуногие твари угрожали самому существованию нового человечества.

Разумеется, глупо было бы думать, что дикари найдут бункеры с уцелевшими квантерами, восстановят технологии эпохи обдолба и вернут Врага. Угроза была в ином. Бесконтрольно развиваясь, дикари порождали нежелательные вариации, создавали векторы вероятности, способные разрушить стройную схему нового человечества. В схеме этой место было лишь для Наукограда – хранилища знаний и генетического банка – и двух десятков ЭП, где бережно проращивались ростки

будущего общества. Ради такой поистине великой цели любой наукоградец, любой житель ЭП мог отдать жизнь. А жизни вонючих дикарей ничего не стоили и подавно.

Руслан вынул из походной аптечки бактерицидный пластырь, аккуратно прилепил к виску. Саднит, однако. Посмотрел на переминающегося с ноги на ногу парня.

– Где остальные?

– Там, в кустах. Хотите взглянуть?

– Конечно. Сколько их было?

– Двое. Я их одной очередью положил.

В голосе пробилось бахвальство. Что ж, в то, что двоих он положил одной очередью, поверить можно. А вот в то, что было беглецов всего трое, вряд ли. Добытчик не просто со злости напал на охотника. Он отвлекал на себя удар. Возможно, ему это и удалось хотя бы частично. И поздно искать тех, кто улизнул. Клод выскочил из засады, не дожидаясь команды, обнаружил себя. Если кто-то из дикарей оказался достаточно смел и хитёр, чтоб отсидеться в укромном месте, то теперь он в безопасности.

Следом за Клодом Руслан обошёл орешник. Так и есть: двое – девочка в такой же кожаной юбке, как и молодой самец, упала навзничь, прижимая к груди годовалого детёныша. Грязные, спутанные космы волос разметались по сторонам, зацепились за сучья, смешались с густой паутиной. Парень не преувеличил – тяжёлые автоматные пули прошили оба тела насквозь, оставив ровный ряд круглых отверстий. Руслан прикинул возраст убитой. Если бы это был человеческий ребёнок, он дал бы ей лет восемь-девять. Но, скорее, ей не было и семи, дикари взрослеют быстрее. В любом случае девчонка была слишком стара. В отличие от её братишки, или кем он ей приходится.

– Этого зачем убил? – попенял он Клоду. – Годился для селекции. Генетический материал надо беречь. А девку не проконтролировал.

– Она мёртвая! – насупился охотник. – Сразу же видно: пуля в сердце попала.

– Как ты проверил? Ты у нас что, врач-диагност? Правила пишутся одни для всех.

Парень сдёрнул с плеча автомат. Не целясь, всадил в голову девчушки очередь, так что череп разлетелся, срезая кровавыми осколками листву на кустах. Ошмётки мозга повисли на космах и паутине.

Руслан неодобрительно покачал головой. Эмоции, эмоции! Сегодня же нужно парня списывать. Не годится в охотники.

Вновь ожил визифон на запястье:

– Командер, мы закончили! Триста двенадцать особей

деактивировано. Изъято семьдесят восемь младенцев и девять самок на сносях. Одна самка серьёзно ранена, хоть плод и не задет. Стоит с ней возиться? Вероятность, что довезём живой до госпиталя, пятьдесят на пятьдесят.

Как обычно, докладывала Вита, хоть Тимур старше на пять лет и опытнее. Что ж, здоровые амбиции делу не вредят, даже помогают.

– Не нужно, деактивируйте. И так много материала взяли. Молодцы, хорошо поработали. Грузите добычу в транспорты и можете возвращаться.

Восемьдесят девять детёнышей – от седьмого месяца внутриутробного развития до трёхлетнего возраста – улов в самом деле не мал. Разумеется, отбор пройдёт едва ли треть из них. Но это уже забота врачей, генетиков, психологов Наукограда. Зато тем, кого посчитают пригодными, несказанно повезёт. Их воспитают людьми, расселят в экспериментальных посёлках, чтобы смогли внести посильную лепту в становление будущего.

К сожалению, дети старше трёх лет были бесперспективны. Дикарская жизнь непоправимо коверкала их психику, уродовала нейрональные системы мозга. Полноценных людей из них не получалось – проверено опытом. Они годились разве что в качестве поставщиков животного белка для пищевых фабрик. Но такой источник мяса давно потерял актуальность. Тела убитых дикарей больше не утилизировали: людям они ни к чему, а лес сам о себе позаботится.

Руслан сбил ногтем прилипший к штанине комбинезона кусочек плоти и пошёл прочь от забрызганных кровью кустов. К трансформу.

Руслан был уверен, что выходной для себя он заработал честно. Остаток дня можно посвятить медитации, чтению, прогулке у озера. Крепкому здоровому сну, в конце концов. А завтра, если не последует новая вводная, продолжить инспекционную поездку в Феминию. Начать заново, если быть точным.

Однако, как говорится, инспектор предполагает, а старший куратор располагает. Едва Руслан стащил комбинезон – до душа даже не добрался, – как виз заговорил голосом Лорда Байрона:

– Русланчик, зайди, пожалуйста, ко мне. Срочно.

Старший куратор всегда использовал в разговоре это уменьшительно-ласкательное имя. Да, Лорд приходится ему родным дедом. Но разве это достаточная причина? Русланчиком его называла только мама, да и то в детстве. Лорд о нелюбви внука к уменьшительно-ласкательным суффиксам знал

превосходно. И игнорировал.

Руслан чертыхнулся, но делать нечего. Пришлось натягивать штаны и рубашку, садиться на велосипед и гнать через весь город. А потом оказалось, что старший куратор «срочно ждёт» вовсе не у себя в кабинете, а в обширном парке, окружающем Управление.

Старший куратор ждал его не один, а на пару с куратором Либертии. Руслан вспомнил: Хала вчера говорила, что Лорд назначил ей встречу после заседания Совета. И удивился: он-то зачем здесь понадобился?

– Наконец явился! Что у тебя с лицом? – Лорд озабоченно посмотрел на пластырь. – Ранен?

– Ерунда. Из пращи чуть задело.

– Ты уж будь осторожен, пожалуйста.

– Я всегда острожен.

– Надеюсь.

Старший куратор перевёл взгляд на Халу:

– А вы почему не здороваетесь? Или успели повидаться сегодня?

– Успели, – кивнула женщина.

Сейчас она была одета по обычаю Наукограда – в простом льняном платье с вышивкой на подоле, перехваченном под грудью широким поясом, босая. Медные волосы стянуты тесёмкой в задорно торчащий на затылке хвост.

– Да? Вот и хорошо. – Старший куратор удовлетворённо кивнул. – Тогда прогуляемся. И поговорим о деле заодно.

Они стояли у самой развилки посыпанной белым песком тропинки. Лорд свернул вправо.

Каким-то непостижимым образом парк Управления хранил прохладу даже в жаркий летний полдень. Лучи солнца дробились о листья дубов и клёнов, тополей, лип, каштанов, разбрызгивались солнечными зайчиками, но добраться до тропинки не могли. Лишь на поросших высокой, до пояса, некошеной травой полянах им позволяли упасть на землю. Десятки фонтанов наполняли парк звонким щебетом струй. Отличное место для прогулок и приватных бесед…

– Хала, теперь, когда Русланчик составил нам компанию, я хотел бы обсудить ещё один аспект твоей работы в Либертии. – Старший куратор продолжал прерванный появлением инспектора разговор. – Тот, о котором ты, к сожалению, не упомянула в докладе Совету.

Женщина взглянула на него с недоумением.

– Я докладывала обо всём…

– Нет, – неожиданно жёстко перебил Лорд. – Независимые

наблюдатели зафиксировали неоднократное появление в Либертии существ, именующих себя Дворниками.

По скулам Халы прокатились желваки. Она быстро взглянула на Руслана, словно искала поддержку.

– Но… существование Дворников отвергается большинством Совета кураторов!

– Поддержка большинства никогда не являлась критерием истинности, – всё так же жёстко отмёл довод Лорд. – Если нам неизвестна природа этих существ, то из этого вовсе не следует, что в природе их нет.

Руслан молчал, не зная, чью сторону принять. Сам он никогда всерьёз не задумывался, существуют ли Дворники. С одной стороны, он их ни разу не встречал. С другой – вполне доверял рассказам людей, которые Дворников видели и наблюдали способность тех мгновенно перемещаться в любую точку пространства, преодолевать защитные мембраны. Кроме подобных наблюдений, другой достоверной информации не существовало. Некоторые уверяли, что Дворники – это новая, биологическая ипостась Врага. Ничем иным нельзя было объяснить технологии, доступные им. Если принять подобное допущение, то угроза, исходившая от дикарей, становилась вполне логичной.

– Если провести корреляцию активности Дворников с исчезновениями детей, о которых ты докладывала… – продолжал выдвигать обвинения старший куратор.

– Я же объясняла: случаи с детьми – это побочный эффект поведенческих алгоритмов, установленных для Либертии. Это неизбежная плата за чистоту эксперимента!

Лорд будто не слышал её:

– …с тем, что тела детей так и не были найдены, то вывод напрашивается однозначный и неприятный. Дворники похищают детей прямо у нас из-под носа при вопиющем попустительстве куратора Либертии. Или при её содействии!

– Нет!

– Что – «нет»?

Лорд остановился: тропинка, по которой они шли, сделала очередной поворот и оборвалась. Неширокая речка, бегущая через парк, здесь выгибалась, образуя тихую заводь, отгороженную от всего мира кустами сирени и жимолости. По неподвижной воде плавала пара белоснежных лебедей. Их на полуострове развелось немало: ещё до катастрофы генетики Наукограда воссоздали вид Cygnus olor, как и десятки других. Одна птица грациозно изогнула шею и посмотрела на Руслана.

– Что – «нет», я спрашиваю? – повторил Лорд.

– Я не верю в Дворников, – хмуро ответила Хала.

– А в детей? Что на самом деле происходит с детьми?

– Не знаю. Я боялась, что… Вы ведь помните теорию Кельвина – неограниченная свобода рано или поздно оборачивается вседозволенностью и провоцирует асоциальное поведение.

– Кельвина за его вредные теории деактивировали десять лет назад.

– Да. Я не могла допустить, чтобы Либертия стала подтверждением его правоты. Я думала… Если в поселении завёлся маньяк, психопат, истребляющий детей, то его нужно вычислить и уничтожить. Что я вправе это сделать самостоятельно.

Руслан, не удержавшись, присвистнул.

– Так ты ловила психопата? – переспросил Лорд.

– Да.

– Больше года? Не поставив в известность меня? Не обратившись за консультацией к психоаналитикам и криминалистам Наукограда?

На каждый вопрос Хала отвечала молчаливым кивком.

– И всё это ради того, чтобы опровергнуть дурацкую теорию? Чтобы доказать жизнеспособность либертийской модели? Бесподобно! Психопата в Либертии нет и никогда не было, Хала. Зато есть Дворники.

Лорд вздохнул, покачал головой. И спросил вдруг:

– Тебе нравится это место?

От неожиданности женщина моргнула. Посмотрела на лебедей, на жимолость. На Руслана. Кивнула неуверенно.

– Да, здесь красиво.

– Хоть это радует.

Место действительно было уютным. Сюда бы беседку или хотя бы лавку. Чтобы сидеть рядом, обнявшись, любоваться природой, слушать тишину. Идиллия.

Ни беседки, ни лавки у заводи не было. И голос старшего куратора звучал совсем не уютно.

– Хала, пойми, наше общество построено на взаимном доверии. Никаких тайн от членов Совета. Иначе нельзя. Нас слишком мало, нам не хватает ресурсов. А главное – катастрофически не хватает времени. Если мы начнём врать, изворачиваться, то попросту вымрем, исчезнем с лица Земли, так и не создав идеальную цивилизацию. Планету заселят дикари, потомки обдолбов, история пойдёт по кругу. И нет гарантии, что во второй раз Враг промахнётся. Он ведь по-прежнему существует, он силён. Возможно, сильнее, чем мы думаем. И

сильнее, чем мы есть.

Старший куратор вновь вздохнул. В его правой руке блеснула крошечная трубка. Руслан вдруг понял, что сейчас произойдёт. Для чего на самом деле предназначено это уютное, укрытое от посторонних глаз место. Беседки и скамейки здесь были и впрямь ни к чему.

– Что…

Хала тоже догадалась. Отшатнулась в обречённой попытке уклониться. И тут же тоненько тренькнула пружина, вылетевшая из трубки стрелка пробила ткань на груди женщины. Вонзилась глубоко, по самое оперение. Словно расцвёл на белом платье крошечный василёк.

Секунд двадцать ничего не происходило. Потом Хала медленно, точно боролась с внезапной усталостью, села на траву рядом с тропинкой. Но и сидеть оказалось слишком тяжело. Пришлось лечь.

– Ты не оставила мне выбора. – Трубка исчезла в рукаве Лорда, будто её и не было. – Куратор, который обманывает Совет, – отвратительный прецедент. Недопустимый. Лучше будем считать, что ты скоропостижно скончалась, скажем… от разрыва аневризмы артерии головного мозга. Наша медицина, увы, не всесильна.

Он подошёл к лежащей женщине, наклонился. Осторожно ухватив за оперение, выдернул стрелку. Хала попыталась приподняться, поймать его за руку, что-то сказать. Но пальцы только судорожно заскребли по траве, вместо слов вырвался неразборчивый хрип.

Лорд уложил стрелку в крошечный футляр, футляр – в кармашек под широким поясом, повернулся и неторопливо пошёл прочь от заводи. Руслан растерялся. Посмотрел на силящуюся что-то сказать женщину, на удаляющегося шефа. Решился спросить:

– Мне её что…

Он запнулся, не зная, какое слово будет уместно.

– …деактивировать?

Делать подобное не хотелось до жути. Оружия у него при себе не было, а убивать человека голыми руками всегда мерзко. Хоть иногда и приходится.

– Не надо. – Старший куратор оглянулся, посмотрел на него с улыбкой. – Лебедей испугаешь. Этот яд действует хоть и медленно, но наверняка. Вечером уборщики её найдут, врач подтвердит диагноз. А тебя я совсем для другого дела пригласил. Идём!

Руслан поспешил за старшим куратором. Лорд продолжал:

– Место здесь подходящее, чтобы умирать размеренно, не спеша. Чтобы вспомнить прожитое, проанализировать ошибки. Осознать, что ни один проступок не останется незамеченным и безнаказанным.

Тропинка повернула, и куст сирени скрыл заводь с плавающими в ней прекрасными птицами. Руслан не удержался, быстро оглянулся напоследок. Лебеди смотрели на него чёрными глазками-бисеринками. И Хала смотрела. Губы её уже не шевелились, только пальцы теребили траву. И на реснице, кажется, блестела слезинка.

На миг Руслану стало жаль бывшую подругу. Но тут же вспомнилось заученное со школьной скамьи: «Жалость – отвратительное чувство. Жалеть врага – преступление, жалеть друга – унижение. Жалеть слабого – высокомерие, жалеть сильного – оскорбление. Жалеть другого – глупость, жалеть себя – трусость».

Несколько минут они шли молча. Возможно, старший куратор давал подчинённому время разобраться с собственными мыслями? И лишь потом спросил:

– Не интересно, зачем я позвал тебя на этот урок?

– Интересно.

– Я давно за тобой наблюдаю, Русланчик. Ты сильный, умный, решительный, прекрасно управляешь своими чувствами. Ты прирождённый лидер, умеешь объединять вокруг себя людей. Ты именно такой человек, какой в скором времени понадобится Наукограду.

Руслан с недоумением покосился на старшего куратора. Тот заметил. И сразу же объяснил свои слова:

– Я ищу преемника. Ты – идеальная кандидатура.

Руслан сбился с шага от неожиданности. А Лорд продолжал:

– Ты хорошо справлялся с работой охотника и инспектора. Но теперь пришло время показать себя в настоящем деле. Должность куратора Либертии освободилась как нельзя кстати. Если справишься с этим поручением, никто в Совете не посмеет возражать против твоего избрания.

– Так Халу вы убили…

– Нет! Всё, что ты слышал, – не спектакль. Дворники в самом деле зачастили в Либертию. И это наш шанс познакомиться с ними поближе. Пока что нам не удавалось вовремя вычислить ни одного из них. Но рано или поздно они ошибутся. Уже ошибались – иначе мы бы не знали об их существовании. Мы не должны упустить такую возможность. Разумеется, судьба ЭП Либертия для нас тоже важна. Но сейчас эта задача отступает на второй план.

Руслан помедлил. Кивнул:

– Понял. Я добуду для вас Дворника.

Лорд Байрон засмеялся:

– Для нас, Русланчик, для нас.

Волк осторожно выбрался из оврага. Долго стоял, поворачивая голову из стороны в сторону. Выуживал запахи леса, которые могли предупредить об опасности. Передняя левая всё ещё болела, и волк понимал, что если вновь встретит двуногих, то убежать не сможет. Неделю назад их пути пересеклись. Тогда выпущенный из пращи камень перебил серому лапу. Волк забился в самые густые заросли на дне оврага, затаился – чутьё у двуногих слабое. Выползал только ночью, чтобы полакать воды из ручья, перехватить на зуб ежа или зазевавшуюся мышь. Двуногие были слишком близко, ветер доносил отвратительные запахи их стойбища, и серому оставалось только ждать, когда лапа немного подживёт, чтобы убраться подальше.

Но сегодня всё изменилось. Ноздри серого больше не чуяли запаха опасности. Зато появился запах еды. Обильной.

Стараясь лишний раз не становиться на покалеченную лапу, волк поковылял к орешнику. Чутьё не подвело – запах шёл отсюда. Два детёныша двуногих лежали в кустах. Мёртвые, но мясо совсем свежее, не успело застыть.

Боясь поверить в удачу, серый ещё раз огляделся: не ловушка ли? Двуногие хитры, от них можно ожидать любой каверзы. Но опасности по-прежнему не было. Волк подошёл к телам, ухватил зубами за ногу то, что поменьше, потянул.

– Прочь отсюда!

Серый выронил добычу, припал к земле, пытаясь понять, где затаился враг. Тот был близко, но волк почему-то не почувствовал его запаха.

– Пошёл, пошёл, я сказал!

Волк зарычал, ощетинился. Враг, умеющий подбираться так незаметно, слишком опасен, чтобы бросать ему вызов. Серый попятился, развернулся и поскакал назад в овраг.

К телам в орешнике подошли двое. Один – бородач с проседью в волосах, второй помоложе, худой и долговязый. Одеты они были одинаково – в парусиновые шорты, рубахи с короткими рукавами, на ногах – кожаные мокасины. Бородач держал в руке длинную палку с пучком тонких стерженьков на конце.

Молодой присел возле трупов детей, но тут же выпрямился. Бросил с горечью:

– И эти мёртвые. Все мёртвые! Мы опять не успели

предупредить. А после охотников здесь делать нечего. Они добивают раненых, стреляют в голову, даже детям – специально, да?! Только за последний месяц восемь тысяч убитых. Это же настоящий геноцид! Чем им мешают дикари? Ещё лет десять – и они истребят их всех, начисто!

– Воюют-то они не с дикарями, а с нами.

– А мы им что плохого сделали? Наоборот, чистим за ними грязь.

– Мы ломаем их схему.

Бородач примерился, начертил палкой загогулину рядом с лужей запёкшейся крови у головы девочки. Будто старался подцепить что-то невидимое. Скомандовал напарнику:

– В сторону отойди. Видишь, сколько дряни за один раз вывалили.

Долговязый послушно отступил. Но говорить продолжал:

– Дядя Иван, нельзя просто ходить следом за ними и чистить. Я уже смотреть на мёртвых детей не могу!

– А ты и не смотри. Отвернись. Вон серый снова из оврага уши высунул. Шугани его для острастки. Эх, Андрюха, думаешь, мне легко? Но что мы сделать можем? Проверено и перепроверено: любые попытки сорвать эксперимент Гамильтона – Брута только ухудшают реальность. Там история и так пошла по наилучшему пути. Не было бы эксперимента, и нас бы с тобой не было, одни обдолбы вымирающие. А так – мы есть. Значит, и надежда жива, что исправить сумеем.

– Да ничего мы не сумеем! – отмахнулся долговязый. – Сколько уже пытаемся. Глубже идти надо, на двести лет, на триста. Да хоть на пятьсот! Там чистить, чтобы всего этого не случилось.

– Эк хватил – на пятьсот. К обдолбам и то не каждый пробьётся. Ты вот пробовал? Я – два раза, и не хочу больше. Боюсь не вернуться. Самое страшное, что возвращаться-то и не хочется. Там, в пустоте, ни ощущений, ни желаний, ни воли не остаётся. Ни тебя самого. И думаешь: а зачем это всё? Вернее, чувствуешь каждой клеточкой. Не-за-чем. Нирвана. Сколько наших на моей памяти сгинуло… Нет, Андрюха, так далеко никому не забраться.

– А как же дневник Сэлы? Была ведь вариация!

Бородач оторвался от работы, внимательно посмотрел на товарища.

– Что случилось в тот день, помнишь? То-то. Сколько ни искали, никто больше того вектора не видел. И объяснений ему нет – не было в том месте человека, одно… Ты сам понимаешь что. Может, вариация и существовала несколько минут всего.

– Я найду, – упрямо пробормотал долговязый.
Бородач вздохнул.
– Пропадёшь…

Глава 5
Глобальное отупение

Эксперимент прошёл успешно. Даже удачнее, чем ожидалось. Первый этап занял вдвое меньше запланированного времени. Ирвинг смотрел на экраны слева, где зелёное и синее больше не смешивались. Датчики оповещали о завершении операции – ячейки отсортированы. А экраны справа показывали, что ионы свинца в кварк-глюонном коллайдере достигли скорости света и готовы к столкновению. Двадцать шесть с половиной минут, чтобы транспортировать в пространственно-временную локаль коллайдера массив невидимых человеческому глазу связей. Ещё тринадцать, чтобы повысить светимость ускорителя.

Яркая вспышка на экране – детекторы коллайдера зафиксировали столкновение частиц. И ещё одно. И ещё. Вздрогнула зелёная паутина, медленно расслоилась. Квантовая сцепленность начала ослабевать. Семь минут. Семь долгих минут прошло, пока она снизилась до нуля. Паутина растаяла окончательно. Точки-квантеры мерцали одиноко и, казалось, удивлённо.

Ирвинг выдохнул, опустился на стул. Готово.

Эксперимент завершился на двенадцать часов раньше. «Зелёного Ноо» больше нет, Мартин может быть доволен. Жаль, что Марина всё пропустила. Придётся сделать ей выговор и оштрафовать за прогул. Хватит попустительствовать. Одно радует: домой она вчера вернулась, а значит, в безопасности. Кто его знает, что сейчас во внешнем мире начнётся. Без квантерных нянек-то…

А действительно, что? Ирвинг вышел из лаборатории, на ходу сбрасывая Мартину сообщение на виз, прошёл в соседнюю комнату, спросил у наблюдателей:

– Что у вас?

– Связь пропала. – Молодой смуглокожий парнишка снял наушники, повернулся к Гамильтону.

– А камеры?

– Похоже, что не работают. Сигнала нет.

– Хм. Боты почуяли конец своего ботского существования и всё отключили?

– Скорее, без них просто ничего не включилось… – предположил наблюдатель.

Ирвинг постарался вспомнить имя парня. Потом махнул рукой.

– М-да, стало быть, вся надежда на людей Корсана.

– Постойте, профессор. Вот ресторан «Супердоза». Кажется, у них сработало аварийное освещение, а вместе с ним – наша камера.

Ирвинг подошёл к экрану. В полутёмном зале на полу возилось семеро человек: ползали, натыкались друг на друга, словно слепые щенки, роняли столы и стулья и мычали, как коровы на выгуле.

– Переобдолбались, – резюмировал Гамильтон, а экран мигнул и погас. – Ничего интересного. Скажу Мартину: пусть высылает ловцов.

– Профессор! Профессор Гамильтон! – В комнату влетел первый ассистент Томински. – Что-то не так с приборами.

Ирвинг поспешил назад в лабораторию. Уставился на огромный экран визуализатора. Затем на вспомогательные экраны слева. Везде одна картина, но это же… Такого не может быть. Почему?!

Огней замер перед воротами. В который раз мысленно перебрал содержимое рюкзака. Верёвки, маячки, заряды к парализатору, запасы еды и воды… Вздохнул. Всё, можно выходить. Что бы ни ждало их снаружи, он готов.

Ирвинг во время инструктажа был бледен и немногословен, повторял только: «Будьте осторожны. Никто не знает, что там». Огней смотрел на него и мучился раздумьями: «Сообщить, что Марина не вернулась домой, осталась там?» С одной стороны, кто знает: возможно, ничего серьёзного не произошло. И леди Гамильтон сейчас объявится целая и невредимая, зачем зря старика пугать? И так вон лица нет. С другой – если с дурёхой всё же стряслась беда… то опять же, чем позже старик узнает об этом, тем лучше. С третьей – если Ирвинг поймёт, что Корсаны знали о выходке Марины и промолчали, братьям не поздоровится.

Огней хмыкнул, достал визифон и сбросил Николаю сообщение. Заварил старший кашу с диадемой, вот пусть перед Ирвингом и отчитывается. Ловец уже собрался махнуть дежурному офицеру, чтобы выпускал его и команду, как вдруг что-то случилось. Содрогнулась реальность, зазвенела стеклом. Заскользила по ней яркая красная стрелка. Упёрлась острым концом в ворота Наукограда. Огней замер, рука зависла в воздухе. Офицер удивлённо выглянул из узкого окошка: что, мол, мне делать? Отпирать или нет?

– Огней? – Давид Борн тронул командира за плечо. – Ты в порядке?

– Ты ничего не видишь? – медленно спросил Корсан, говорить

было трудно: в горло словно сотня иголок вонзилась.

Давид осмотрелся. Красноречиво развёл руками. А реальность всё звенела и грозила стрелкой.

– Я… – Огней тряхнул головой, усилием воли отгоняя наваждение. – Я в порядке. Идём.

Он подал знак.

Ворота открылись. Командир и его ловцы шагнули во внешний мир.

Марина отыскалась быстрее, чем Огней мог предположить. Ловцы едва выгрузились из вагона, даже не успели разбиться на тройки, как послышалось странное. Не то стон, не то плач, не то щенячий вой. Группа двинулась на звук, держа наготове парализаторы и сетки. По дороге подшучивали друг над другом, делая предположения: что это может быть?

Никто не угадал.

Леди Гамильтон лежала в высокой траве, раскинув руки и ноги. Кремовая туника превратилась в лохмотья и задралась, обнажив груди. Туфли, обруч, разорванные трусики валялись рядом. А сверху пристроился голый Дин. Обдолб ритмично дёргался, выпучив глаза и пронзительно взвизгивая. Марина гортанно вторила ему. Шевелиться, судя по всему, она уже не могла.

Огнея затошнило.

А тело само бросилось вперёд, к слившейся в экстазе паре, нога ударила Дину в бок. Обдолб заскулил, покатился по траве. Марина медленно села, осмотрелась. Затем возмущённо взвыла и бросилась на Огнея. Ловец отклонился, защищая лицо, ухватил её за руки. Она яростно сопротивлялась, брыкалась, пыталась кусаться. Кто бы мог подумать, что в этой девушке столько силы? Марина дралась, не переставая выть.

Давид ударил из парализатора по спешащему на выручку подруге Дину и повернулся к командиру, прицеливаясь.

– Не сметь! – заорал тот. – Я справлюсь.

Он наконец скрутил взбесившуюся леди Гамильтон, попытался заглянуть ей в глаза.

– Марина! Посмотри на меня! Это я…

Марина посмотрела. Только не на Огнея, а за его спину. Увидела рухнувшего Дина, взвыла, дёрнулась с новой силой, вырываясь из захвата.

– Не стрелять! – рявкнул Корсан.

И, выдохнув, добавил:

– Связать помогите.

Оттащить Марину от любимого обдолба оказалось делом не

из лёгких. Она будто не узнавала Огнея и вообще не помнила и не понимала ничего, кроме одного – своей идиотской страсти к Дину. Исцарапанные, покусанные ловцы порывались шарахнуть её из парализатора или хотя бы просто дать пинка, Огней рычал на них и старался обойтись без лишнего рукоприкладства. Это же Марина, его Марина! Что бы с ней ни случилась, она по-прежнему самое прекрасное существо в мире. В двух мирах. Или уже в одном? Ирвинг, псих ненормальный, так ничего и не объяснил, что происходит вне купола.

Вспыхнула огнём щека – леди Гамильтон проехалась по ней обломанными ногтями. Огней сцепил зубы. Да что же в неё вселилось? Неважно. Забрать её отсюда, привести к отцу – ох, бедный Ирвинг! – и не покалечить в дороге. А дальше пусть учёные разбираются: они у нас умные.

Марину, наконец, удалось оторвать от Дина, связать и укутать в плащ.

– А с этим что делать? – Давид Борн легонько пнул Дина носком ботинка.

– Да пусть сдыхает!

– Давай хоть от станции подальше оттащим. Не ровён час, на рельс заползёт, запачкает.

Давид взвалил бесчувственного Дина на плечи. Марина взвыла, забилась в руках Огнея.

– Стой, – сказал тот. – Подойди ближе.

Давид подошёл. Марина притихла, вытянула шею, принюхалась, пожирая глазами любимого.

– Она успокоилась. Неси его передо мной. Авось доберёмся до купола без приключений.

– Огней, может всё-таки из парализатора её?

– Молчать. Ост и Давид, вы со мной возвращаетесь в Наукоград. Ост, подстрахуешь нас и, если что, поможешь Давиду тащить… это. Остальные делитесь на тройки и отправляйтесь исследовать территорию. Я доставлю Марину Гамильтон к отцу и сразу же присоединюсь. До моего возвращения действовать согласно плану и ничего иного не предпринимать. Ясно? Выполнять!

– Тебе ещё одного помощника оставить? Марину тащить, – насмешливо предложил Стэн Карлович.

Вечно он высовывается.

– Молчать! Выполнять.

Ловец мрачно кивнул и отошёл. Группка Огнея двинулась назад к вагончику.

Корсан-старший барражировал по аллее перед главной

лабораторией. Туда-сюда, взад-вперёд. Хорош братик, ничего не скажешь. «Сообщи Ирвингу, что Марина не вернулась домой». Дал указание и был таков. А ты – отдувайся.

Николай вздохнул, вытер лоб, развернул коляску. И что он скажет Гамильтону? Обещал проследить за дочерью, а сам позволил обвести себя вокруг пальца. Вся надежда на то, что Ирвинг не выйдет из лаборатории, пока не вернётся Огней с Мариной под мышкой.

Плавно разъехались двери. На пороге лаборатории появились Гамильтон с Брутом.

– Не паникуй ты так, – говорил старший куратор. – Вот вернутся наши ловцы, принесут новости, тогда и будешь паниковать.

И ухмыльнулся криво.

– Николай, здравствуй. – Ирвинг устало помахал рукой.

– Вечер добрый, профессор. Как прошёл эксперимент? Удачно?

– Это закрытая информация, – отрезал Брут.

А Ирвинг развёл руками:

– Пойду Марину разбужу. Сколько можно спать? Совсем совесть потеряла.

– Ирвинг, я хотел сказать…

– Скажешь по дороге. Поехали.

– Нет, подождите. Дело в том, что Марина…

– Что? Ну, говори, что она учудила? Неужели ушла с ловцами?

– Нет. То есть не совсем…

Проклятье. Сообщать плохие новости сложнее, чем он думал. Ещё Мартин маячит за спиной профессора, ухмыляется.

– ?

– Она… Диадема, которую я подарил… Понимаете…

– Ничего не понимаю. Что ты мямлишь всё время? Говори, что опять стряслось с моей дочерью?

В ответ раздался надрывный вой из глубины парка. Мужчины вздрогнули. Даже Мартин перестал мерзко улыбаться и уставился на густые кусты шиповника, скрывавшие неведомую зверушку. Зверушка взвыла ещё дважды – голосистая! – затем наступила тишина.

– Профессор. – Голос Николая вдруг стал твёрдым. – Я хотел сказать, что ошибся. Ваша дочь домой не возвращалась.

Гамильтон медленно повернулся к Корсану. Вой повторился. На аллею вышел Огней. С Мариной… нет, не под мышкой. На руках. Но почему-то ничего хорошего от их появления Николай не ждал.

Мартин Брут не был силён в квантовой физике. Однако увидев, как на экране визуализатора вслед за зелёными нитями тают и синие, понял, что случилось. Враг успел раньше. Опередил их на доли секунды, но – опередил.

Что теперь будет? Посмотрим. Возможно, почти ничего не изменится. Подумаешь, утратят обдолбы связь с ноосферой, лишатся способности предчувствовать события и делать интересные открытия – они и так со своими коктейлями всю восприимчивость к окружающему миру потеряли. Зато и машины больше не получат от вакуума никаких сигналов, не смогут их обработать и использовать против людей. Вроде всё логично и красиво. Только на душе неспокойно. Он не физик, но не надо быть учёным, чтобы догадаться – у любого события всегда есть несколько вариантов развития.

Огней, волокущий доченьку Гамильтона, утвердил Мартина в наихудшем опасении. Девица брыкалась, кусалась, вопила не своим голосом. Глаза пустые, лицо в пыли, вместо обычной аккуратной причёски – чёрный колтун на голове. Корсан прикрывал девушку плащом, одновременно пытаясь не выпустить из рук.

Ирвинг, как в замедленном кино, открыл рот и двинулся на Огнея. Вот он протягивает руки к дочери, зовёт её по имени, требует, чтобы ловец отпустил девочку, решает, наверное, что просто поругались. Не видит или не хочет замечать, что дочь на человека не похожа. И что помощники Корсана тащат такое же человекоподобное существо с пустым взглядом. Это и есть Дин? Огней выпустил Марину – та покатилась по траве. Руки связаны за спиной. Плащ свалился с плеч, оставив леди Гамильтон, считай, голой. Но она не обратила на это внимания, завывая, поползла к Дину. Ирвинг упал рядом на колени, взял её лицо в свои руки, попытался заглянуть в глаза. Марина укусила его за ладонь. До крови.

А Николай всё это время сидел неподвижно, вцепившись в ручки инвалидного кресла с такой силой, что побелели пальцы. Сидел и смотрел. Лишь губы шевелились – то ли в молитве, то ли в проклятьях.

Огней схватил Марину в охапку.

К лаборатории подъехал электромобиль с красным крестом на бампере – оперативно, видимо, ловцы дали запрос медикам ещё в дороге. Врач, высокая статная женщина с тугим узлом тёмных волос на затылке, вколола транквилизатор Марине и решившему заявить о своих правах («Оууууээээхххххрыыыы!») Дину.

«Интересно, как там Карла?» – подумалось Мартину

невпопад.

– Огней, что это значит? – завопил Ирвинг, едва Марина утихомирилась.

– Это у вас надо спрашивать, – процедил ловец.

– Ты! – Ирвинг бросился к Николаю. – Ты сказал, что она дома, что она в безопасности.

– Она догадалась про диадему… – начал Николай.

Но Ирвинг его не слушал. Повернулся к бесчувственному Динарию, которого санитары тоже укладывали на носилки.

– А это что такое?

– Дин, личной персоной.

– Она подсунула мне фальшивое видео…

– Понял, что Дин. Зачем здесь это убожество?

– Без него мы бы Марину не донесли. Едва она теряет его из поля зрения, такое начинает вытворять. – Огней скривился.

– Марина в безопасности. Унесите это за ворота.

– Я был уверен, что она вернулась…

– Нет уж, позвольте, – вмешалась врач.

Она посмотрела на Ирвинга и спокойно, с расстановкой произнесла:

– Я обязана оказывать помощь всем, кто в ней нуждается. Меня так учили.

Мартин одобрительно улыбнулся. Ксения Полёва. Хороший врач.

Ирвинг лишь рукой махнул и повернулся к Огнею:

– Где ты нашёл их?

– Недалеко от станции. Они там… к-хм… гуляли. Если можно так сказать.

– Она беременна, – упавшим голосом вдруг сообщил Ирвинг.

Все замолчали, а Полёва кивнула – разберёмся, мол. Носилки погрузили в медмобиль, Ирвинг попытался забраться туда же, но Мартин с Огнеем схватили его за руки. Учёный нужен в лаборатории.

– Что во внешнем мире? – спросил Брут у ловца, когда медмобиль уехал.

– Не знаю. Мы видели только этих. Мои люди ушли на разведку, сейчас и я к ним присоединюсь. – Он посмотрел на Ирвинга. – Верните её. Я знаю, это под силу только вам.

Гамильтон опустил голову и побрёл в лабораторию.

Мартин взял за руку Огнея, отвёл в сторону.

– Ты ведь около семи утра был возле ворот?

– Ровно в семь.

– А не видел ли ты или кто-то из твоих людей что-нибудь… странное?

Корсан побелел, и Мартин понял – видел. То же, что и он, когда после бессонной ночи, проведенной в Управлении, вышел на балкон и замер, не в силах сделать шаг. Мог лишь стоять и смотреть, как замирает реальность и скользит по ней красная стрелка.

– И вы её видели? – выдавил Огней.

Мартин кивнул.

– Слава небесам, – сказал ловец. – Я решил, что с ума схожу. Как думаете, что это было?

– Не знаю. Но разберусь. Обязательно.

Огней пожал старшему куратору руку, подал знак команде и пошёл прочь.

Корсан-старший тоже долго не задержался, покатил куда-то по своим делам. Брут смотрел ему вслед, борясь с нахлынувшими чувствами и мыслями. Рано ещё делать выводы, рано. Вернутся экспедиции, перепроверит всё Ирвинг. И тогда…

Светловолосая девушка вышла из-за кустов шиповника, поздоровалась с Николаем, катившим навстречу. Кажется, новая наукоградица, Огней недавно привёл. В руках у девушки были ветки сирени, она на ходу обрывала с них листья, оставляя голые прутья. Ай-ай, как нехорошо. Её что, никто не предупредил, что в Наукограде портить кусты нельзя? Девушка остановилась, наклонилась… и вдруг начала мести землю пучком прутьев. Что это значит? Она уборщица? Но ведь Огней вроде хотел её к брату в лабораторию определить?

– Эй! – окликнул он светловолосую. – Ты что делаешь?

– Здесь грязно. – Она выпрямилась, уставилась на старшего куратора огромными глазищами, сжимая в руках пучок. – Я хотела немного… Простите. Я как лучше хотела.

– Сэла! – Николай остановил коляску. – Пошли, ты нужна мне в лаборатории.

Сэла побежала за калекой. Мартин фыркнул. Странная барышня. Надо за ней приглядывать и в случае чего выслать назад к обдолбам.

«Если будет куда», – кольнула нехорошая мысль.

Первая партия ловцов встретила Огнея у станции за воротами Наукограда. Странно.

– Уже вернулись?

– Да, – вперёд выступил Стэн Карлович. – Вот ещё доставили, хм, несколько экземпляров.

Из вагончика вытянули сеть, в которой барахталось пятеро обдолбов с пустыми взглядами. Корсан скрестил руки на груди. Не любил он Карловича. Вечно высовывается, лезет на рожон,

пытается командовать. Огней с радостью бы добился депортации наглеца из Наукограда, да детей жалко: у Карловича их двое. И ловец он неплохой, всегда отыскивает особо интересные экземпляры. Приходится мириться с ним, время от времени осаживая.

– Помнится, я не давал приказа возвращаться.

– Корсан, там делать нечего. Во всяком случае, на своих двоих. Все люди такие же, как дочка Гамильтона. Это даже не обдолбы, это… это… они словно в обезьян превратились. На дорогах авария на аварии. Трупов много. Пожары.

– Все как Марина, говоришь? Никто не знает, что случилось с Мариной Гамильтон, делать выводы рано. И никто не давал вам права возвращаться без приказа!

– Корсан, уймись. Нужны конвертопланы и оружие посерьёзней парализатора. Ходить по улицам сейчас опасно. И проверять нужно не один город, а облететь как можно больше. Не исключено, что такое везде творится.

Огней мысленно сплюнул. Конечно же, он планировал организовать дальние экспедиции, но сначала надо проверить Кок, над которым наукоградцы взяли негласное шефство. И вообще…

– Карлович! Кто дал тебе право командовать?

Давид положил командиру руку на плечо. Огней, готовый растерзать выскочку Стэна, подавил гнев. Тем более что притарахтел новый вагончик, привёз вторую партию ловцов. Ими и займёмся. А с Карловичем разберёмся позже.

– Значит, так, – сказал он, – слушай мою команду. В распоряжении Наукограда пять конвертопланов. Следовательно, делимся на пять звеньев по двадцать одному человеку и вылетаем. На сборы – пятнадцать минут. Давид, Ост, Виктор и Джед – назначаю вас звеньевыми. Карлович, твоя тройка летит со мной в столицу.

И двинулся к аэродрому.

Карлович сидел напротив, хмурился и молчал, но взгляда не отводил. Остальные ловцы старательно держали нейтралитет. Ещё бы. До Огнея давно доходили слухи, что амбициозный Стэн метит на его место. Огней лишь улыбался. Как-никак он давний друг Мартина Брута. А Карлович в Наукоград попал исключительно благодаря жене, доценту биологии. И куда приведут его потуги… Поглядим. Позже. Сейчас есть вещи поинтереснее. Например, – Огней взял стереобинокль, посмотрел в иллюминатор, – вот это.

Он включил связь с пилотской кабиной.

– Алексей? Можешь опуститься ниже?

В двух километрах от столицы на огромном поле догорали осенние маки – особый сорт, сырьё для элиты. «Коктейли обдолбов» – сплошная синтетика. Но для правителей и лиц, к ним приближенных, выращивали алые опиаты. Сейчас цветы уже увядали, а между ними то тут, то там блестели неподвижные боты. Но главное не это. В двух километрах от столицы на огромном маковом поле догорал самолёт. Кажется, пассажирский, но спасать в нём было некого. И что гораздо хуже – некому. Здесь давно должна быть команда ботов-пожарников и ботов-медиков, а также ботов-фотографов. А валяются одни железные огородники.

– Алексей, садимся, – приказал Огней.

На поле они пробыли недолго. Выживших не осталось, зато в ста метрах от разбитой хвостовой части ловцы обнаружили чёрный ящик. А ещё взяли на борт одного бота-огородника. Бот находился в состоянии «активен», однако на команды не реагировал, перезагрузка тоже не помогла. Что ж, пусть кибернетики Наукограда разбираются.

Через десять минут ловцы прибыли в столицу. Над городом они кружили полчаса, наблюдали. Картинки в окулярах стереобинокля были ещё те… Пустые вагончики монорельса тарахтели по заданному маршруту, давили ползущих по рельсам обдолбов. Женщина с всклокоченными волосами ела землю и таращилась на конвертоплан пустыми глазами – чем-то на Марину похожа. По маленькой улочке текла вязкая чёрная жидкость: что за дрянь? То и дело взгляд натыкался на сношающиеся парочки. А вон толстая тётка вылизывает младенца…

Наконец конвертоплан сел на главную площадь, выпустил ловцов.

– Ахмет и Дикон, отправляйтесь со своими тройками в парк аттракционов. Верон и Борис, возьмите на себя район развлечений. Семён, твоя тройка проверит Национальный Лицей. Стоп. – Снова этот странный звон в ушах. – В Лицей пока не надо. Проверьте Дом Правительства. Держите пропуск – Брут дал. Остальные со мной, в центральный госпиталь. Встречаемся здесь через тридцать, максимум сорок минут.

В храм Эскулапа с ходу попасть не получилось. Автоматические двери заело – пришлось выбивать. Госпиталь встретил их прохладой, запахом лекарств и далёким захлёбывающимся плачем. Ловцы пошли на звук.

…В операционной мужчина с пустыми глазами кромсал скальпелем женщину, распростёртую на столе. Женщина рыдала

от боли, но вырваться не могла – мешали кожаные ремни. На соседнем столе лежал окровавленный труп – видимо, предыдущий пациент того же «лекаря». Рядом стоял безучастный и неподвижный бот-хирург. Кто-то из ловцов выругался, кто-то поспешно доставал оружие. Огней тоже достал, но пускать в дело не спешил и команде приказал не двигаться. Прислушался. В коридоре шаркали шаги. Корсан-младший резко обернулся – как раз вовремя, чтобы увидеть, как в палату входит детина с детским лицом и пустыми глазами. Детина методично размахивал руками, радостно агукал и двигался прямо на ловцов. В кулаке его сверкнуло лезвие. Огней выстрелил. Затем одной очередью скосил и сумасшедшего хирурга, и его жертву. Не говоря ни слова, выскочил из операционной.

…В палате женщина, похожая на сушёную воблу, жевала трубку от капельницы, рядом валялись недоеденные таблетки. У её соседки были синие волосы и губы в крови. Она тяжело дышала, но не прекращала грызть… Огней присмотрелся – шприц. С иголкой. Третья дама растеклась жирной массой по полу и блевала, не переставая. Рядом лежал пустой пузырёк. Что в нём было? Неважно. Главное, чего нет. Признака разума в их глазах. Всё та же пустота. «Словно в обезьян превратились», – вспомнились слова Карловича. Нет, макаки и те умнее. Толстая тётка на полу задёргалась в конвульсиях. Упала в лужу своей же блевотины, закатила глаза. Огней нажал на спусковой крючок. Подумал и облегчил участь и её соседкам по палате.

…в коридоре безногий калека скулил и полз к открытому окну. Кто-то из тройки Карловича окликнул его – никакой реакции. Пустота в глазах. Ещё пара секунд – и доползёт, вывалится. Этаж второй, убиться – не убьётся, но покалечится ещё сильнее. А ботов-спасателей больше нет, врачи Наукограда далеко. Да и не хватит врачей на всех. Огней нажал на крючок.

– Корсан, ты что творишь? – голос звучал так, словно в ушах была вата. – Ты людей убиваешь!

– Заткнись, Карлович. А то сам не видишь – они уже трупы. Помог бы лучше.

– Пошёл ты, командир!

Огней подошёл к Стэну Карловичу вплотную.

– Чистеньким хочешь остаться? Да?

– Нет доказательств, что эти люди… совсем безнадёжны.

Ага. Видел бы ты лицо Ирвинга, когда ему дочь доставили. Вот лучшее доказательство! Но Марина хотя бы сильно навредить себе не успела. По крайней мере, он на это надеялся.

– Возвращаемся к конвертоплану, – сухо отрезал Огней.

Отчёты других ловцов не сильно отличались от увиденного

группой Корсана. Люди даже не обезумевшие – отупевшие, овощи. Связались по рации с другими звеньями – в их городах то же самое.

– Надо лететь дальше, – упрямо произнёс Корсан. – Будем искать. Где-то должны быть люди. Мы полетим на восток, Давида с Остом отправим на запад.

– У нас не так много топлива.

– Плевать! Плевать… Топливо найдём по дороге. Стоп, а где Семён?

– Он всё-таки решил проверить Лицей. Ушёл за минуту до твоего возвращения.

И вновь дрогнула реальность. Замерла, обернулась льдом. Заскользила по льду алая стрелка. Как тогда, у ворот Наукограда. Но указывала она в этот раз на Лицей, на бледно-сиреневую крышу, выглядывающую из-за полукруглого Дома Правительства.

Огней попытался вздохнуть, закричать, но не смог, только жадно глотал воздух, а горло обжигали сотни крохотных льдинок.

– Командир, вы в порядке?

Борис тряс его за плечо. Карлович стоял в стороне, кривился.

– Совсем Корсан плох, нервы на покой просятся. А может, и самому уже пора отдохнуть?

– Заткнись, Стэн, – Огней включил связь с Семёном. – Возвращайся! Немедленно! Выходи оттуда, это приказ.

Долгая минута, вторая – и рыжебородый Семён с двумя ведомыми вышел из-за угла. Улыбнулся командиру, приветствуя. Дышать стало легче, но красная стрелка исчезать не спешила. И отогнать её, как тогда у ворот, не получалось.

– Корсан, ты объяснишь, что на тебя находит целый день?

– Вы что, ничего не видите?

А Мартин видел. Значит, и ему не кажется.

– И что мы должны узреть? Что наш командир с ума сходит?

– Заткнись! Семён, что в Лицее?

– Странный запах. И голоса наверху – мы не успели дойти.

– Голоса? – встрепенулся Стэн Карлович. – Голоса или вой с плачем? Корсан, твою налево, там могут быть люди. Нормальные!

– Нельзя туда, – прохрипел Огней, борясь с льдинками в горле и стараясь не видеть красную стрелку, упорно скользящую к Лицею.

– Там учатся дети элиты, на них могло не подействовать это… помешательство всеобщее.

– Сами правители того, – скептически хмыкнул рыжий Семён, – совсем плохи.

– И что? Дети могли уцелеть. Надо вернуться.

А реальность всё звенит и звенит. Стрела маячит, горло

саднит от невидимых льдинок. Нужно дать Карловичу по шее и загнать в конвертоплан, но невозможно пошевелиться. Группа растерянно топчется на месте. Жаль, Давида здесь нет. Он бы помог, поддержал командира.

– Карлович, если командир считает, что нужно уходить, значит…

Семён вступился. Молодец. Хоть кто-то.

– Командир наш не в себе. И вы как хотите, а я пойду спасать людей! Дмитрий, Стас, за мной!

Тройка Карловича ушла, а Огней всё не мог выдохнуть. Минута, другая, вот ловцы скрылись за поворотом.

– Остальным… стоять… – прохрипел Огней.

Третья, четвёртая…

– Не… двигаться…

«А может, Карлович прав? Может, я с ума схожу?»

Пятая… шестая… седьмая…

«Но Мартин! Мартин же видел!»

Восьмая… девятая… десятая…

Грохот прокатился по площади. Зазвенели стёкла в домах, зато наконец, перестала звенеть реальность. Столб дыма вырвался из-за Дома Правительства. Пахнуло гарью. И снова грохот.

Ловцы бросились к Лицею.

Погасла красная стрелка. Растаяли льдинки, реальность моргнула дымкой и вновь стала монументально-несокрушимой, как ей положено быть. Огней выдохнул и побежал за товарищами. Интересно, успел ли Карлович войти? И следующий вопрос: «А хочешь ли ты, чтобы он не успел?» Огней тряхнул головой. Не время для самокопаний. Он – командир и должен вывести команду целой и невредимой из любой передряги. Всю команду. До последнего паршивого пса!

На углу Дома Правительства все остановились. Правое крыло Лицея плевалось огнём и едким дымом. Огромные окна левого смотрели равнодушно, пусто. Ловцы попятились. Огней вызывал Стэна Карловича, но интерком его вечного оппонента молчал. Ведомые Карловича на связь тоже не выходили.

– Семён! Ты слышал голоса? Откуда они доносились? Из какой части Лицея?

Рыжебородый молча показал на пылающий третий этаж. Именно с него, судя по всему, и начался пожар, а затем перебросился ниже. Раздался ещё один взрыв. Дым повалил из центрального входа здания. Говорят, в Лицее была большая химическая лаборатория. Корсан отвёл взгляд от огня и скомандовал:

– В конвертоплан! Живо!

– Что ты видел, Огней? – к нему повернулся рыжий Семён. – Когда не хотел пускать меня, что ты видел?

– Неважно. Потом объясню. Идём.

Улетели они не сразу. Покружили в надежде, что Карловичу с командой каким-то чудом удалось спастись, но увы! Столичный Лицей – один из немногих вузов на Земле – не оставил шансов. Тушить – некому. Спасать – некого.

Синяя звезда в тёмном небе.
Синие глаза глядят на отца. И пока ещё узнают его.
Синие точки на экране. Осиротевшие.
Пустота в синих глазах.

…Первое, что сделала Марина, когда очнулась, – огласила больницу надрывным воплем, после чего перевернула кровать и вцепилась в волосы медсестре. К тому времени, как Ирвинг примчался на вызов, её успели спеленать и привязать к кровати. Засовывать кляп дочери ведущего учёного, однако, не решились. Поэтому палату Марины Ирвинг нашёл быстро.

Он попытался с ней поговорить. Она – укусить его. Она выла и извивалась на кровати. Не узнавала отца. И не могла узнать. Если верить приборам, внешнемирцы все превратились в таких Марин Гамильтон – ничего не понимающих, никого не узнающих.

От крика Марины разболелась голова. От её вида защемило сердце.

– Придётся сделать ещё укол, – устало сказала медсестра. – Мы не можем позволить ей кричать круглосуточно.

– Подождите. – Ирвинг припомнил разговор с Огнеем. – Приведите сюда этого… Дина. Его вместе с ней доставили.

Синяя звезда в тёмном небе. Смеётся холодным светом в лицо учёному.
Синие глаза загорелись огнём. На миг.

…Вспыхнул огонёк в глазах дочери. Ирвинг встрепенулся: уж не огонёк ли это разума? Нет, всего лишь искра дикой страсти. Санитары привели в палату Марины её любимого обдолба. Одного его она и помнила, одного его и любила. Не обидно ли? Впрочем, оставлять Дина в палате было никак нельзя. При его появлении Марина стала тихой и спокойной, не кусалась, не дралась, только молча тянулась к любимому. А когда её развязали, стала ходить вокруг на четвереньках, тереться, словно кошка. А Дин, не будь дурак, тут же кошку уложил на лопатки и

улёгся сверху. Стоило его оттащить более чем на метр, Марина ударялась в плач. При попытке увести – поднимала вой и бросалась в атаку на всё, что движется. А едва оказавшись рядом, влюблённые бросались сношаться.

– Свяжите обоих, – хмуро сказал Ирвинг. – И уложите рядом. За дочерью следите, чтобы ничего не случилось – ни с ней, ни с ребёнком! А я обустрою для неё… место у себя в лаборатории.

Синяя звезда. Одна на всём небе. А вокруг – темнота непроглядная.
Синие точки на экране.
«Рекогеренция не удалась…»
«Операция прервана…»
«…завершение невозможно»
«причина неизвестна…»
Синие
точки
во вселенной

– Не понимаю, Мартин. Я уже выводил квантеры из суперпозиции. И ничего страшного не случалось. Я отследил эксперимент от начала до конца – ошибки в сортировке массивов не было. Отклонений от заданных параметров не было. В моей лаборатории всё чисто. Что-то произошло в самом квантовом домене реальности…

– Ты уверен, что мы уничтожили Врага?

– И себя вместе с ним.

– Значит, это был его прощальный привет. Твоего «зелёного Ноо». Всё-таки мы опоздали.

– Не думаю, Мартин. Не всё так просто. И ничего ещё не закончено.

…не удалось.
…неизвестно.
Нет!
Синие глаза смотрят на отца.
Увидят ли они его когда-нибудь?

Глава 6
Конец и Начало

Мартину снился кошмар. Который раз – одно и то же! Зачем он лично решил возглавить ту экспедицию в столицу? Корсан-младший справился бы и сам, как не раз до этого. И стрелки вдобавок. Векторы, как стали называть их с лёгкой руки квантовиков. Или нелёгкой… Что они такое? Почему люди начали их видеть? Почему видят не все и не всегда? Ответов не было. Но и отмахнуться, объявить векторы бредом, галлюцинацией тоже не получалось. Слишком большую цену заплатили в первые дни, не желая верить. Векторы объективно существовали, пусть не на физическом уровне реальности, а на информационном или каком-то ещё, но существовали.

Конечно, главным виновником опрометчивого решения, принятого Брутом, был Гамильтон. Свихнувшийся физик продолжал твердить, что катастрофа обратима. Что Великий Ноо уцелел и восстанавливает свою структуру. Он тянул Мартина в лабораторию, показывал столбцы статистических подсчётов и ниточки, прорывающиеся сквозь сине-зелёный хаос. Приводил доказательства, что означать это может только одно – двуногие амёбы вновь пытаются стать людьми. Он был убедителен, в его доводы хотелось верить. Ещё бы! Больше верить не во что.

Сначала – ещё в конце осени, когда Ирвинг обнаружил-таки сцепленные ячейки за пределами локали Наукограда, – решили, что это новорождённые младенцы. Объяснение показалось логичным, открытие помогло пережить первое потрясение от катастрофы. Больше месяца Огней Корсан и его подчинённые прочёсывали мегаполисы полуострова в поисках подтверждения. Игнорировали предостережения векторов, лезли в самое пекло, теряли людей, лишь бы успеть – шансов выжить в одичавшем мире у малышей почти не было. Им удалось найти три десятка. Они собирали бы их и дальше – уже готовились экспедиции за перешеек. Однако статистика – безжалостная наука. Сканеры вакуума не зафиксировали увеличения числа сцепленных ячеек в пределах локали. Младенцы рождались такими же лишёнными разума существами, какими стали их родители.

Тогда Гамильтон выдвинул новую версию: люди, чей разум был наиболее силён и развит, постепенно восстанавливают связь с ноосферой. Им нужно помочь – найти, поместить под купол. И снова экспедиции, поиски. Жертвы. И вновь безрезультатно.

На смену осени пришла зима. Серое дождливое небо, серые

унылые склоны Калиеры. И серое отчаяние, что с каждым днём всё сильнее захлёстывало наукоградцев. А надежда, которую подпитывали исключительно статистические выкладки Ирвинга, таяла так же быстро, как крымский снег. Двадцать восьмого января – Мартин отлично запомнил дату – выбросилась из окна своего кабинета Анна Андронатти, куратор начального и среднего образования, человек, которого знал каждый наукоградец.

Андронатти стала первой, но далеко не последней. Вскоре докладные о добровольно ушедших из жизни начали поступать на монитор Брута ежедневно. А он, взваливший на себя ответственность за всех этих людей, ничего не мог сделать. Только вызывал к себе в кабинет Корсана-младшего и орал на него, брызгая в лицо слюной. Обвинял в невнимательности, в некомпетентности, в трусости даже! Огней не оправдывался, не отводил глаза. Только желваки вспухали на скулах. А потом разворачивался, собирал ловцов и опять отправлялся на поиски. И возвращался, привозя с собой не людей, а лишь новые гигабайты видеосъёмки.

И всё же однажды Огней не сдержался. Тихо ответил, выслушав очередные обвинения:

– Вы не правы, господин старший куратор. Мы хорошо искали. За пределами купола людей нет. Мы можем продолжать поиски столько, сколько вы потребуете. Можем все умереть там. Но это бесполезно.

– Не тебе решать, мальчишка! Ты видел выкладки Ирвинга? Не менее тысячи человек сейчас живёт за пределами купола. Местонахождение нескольких квантовики локализовали с точностью до двух километров! Твоя задача – полететь, найти, привезти. Или это так трудно – отличить человека от безмозглых амёб?

– Мы летаем и ищем. Людей нет. А Гамильтон – сумасшедший маньяк, убивший четыре миллиарда ради того, чтобы потешить своё научное любопытство. Ему место – в психушке.

Мартин вздрогнул. Он давно ждал подобного обвинения. Только не в адрес Гамильтона, а в свой собственный. И давно заготовил отповедь – о безжалостном Враге, о том, что пришлось выбирать меньшее из зол. Но Корсану он ничего такого не сказал. Не успел, потому что тот предложил вдруг:

– Если вы мне не доверяете, то отстраняйте от экспедиций, от должности. Ищите сами!

И Мартин кивнул, не до конца понимая, на что соглашается.

Вылетели на следующий день – три конвертоплана, двадцать

человек во главе со старшим куратором. В экспедицию Мартин отбирал самых опытных ловцов, надёжных, проверенных делом. Огнея Корсана среди них не было. От должности его не отстранили, от экспедиции – да. Наверное, Мартину хотелось доказать свою правоту. Лично найти уцелевших. Ирвинг уверял, что на территории бывшей столицы таких по крайней мере десяток. Может, втрое больше. Визуализатор давал устойчивую картинку для купола. Для расчёта пространственных координат объектов за его пределами требовалась орбитальная триангуляция. После того как ЦУП перестал корректировать положение спутников, надёжность этой информации становилась всё более сомнительной.

Конвертопланы летели на север. Осталось позади мелкое, замёрзшее у берегов море, пустынные солончаки, на которых не рос даже бурьян. Затем – полоса промзон, непривычно молчаливая, притихшая. Ни одного дымка из бесконечных, уходящих за горизонт рядов труб, ни одного движения на эстакадах и сортировочных площадках. Снова начались пустоши. Теперь уже не солончаки, просто заброшенные, забурьяневшие земли, кое-где изрезанные руслами рек, дыбящиеся разноцветными горными хребтами мусорных отвалов. Впрочем, большую часть земли здесь прикрывал снег, не обычный – зеленоватый, розовый, грязно-жёлтый, – а странно белый. Сначала Мартин испугался, увидев этот смертный саван. А потом удивился: неужели планета начала очищаться, едва избавившись от людей?

Несколько раз внизу проплывали мегаполисы обдолбов. Они видели город, выжженный дотла гигантским пожаром, и город, похожий на заледеневший под снегом труп, над которым кружили чёрные вороньи стаи – откуда их так много? И ещё один, который пришлось облетать по широкой дуге: счётчики радиации зашкаливали, не иначе двуногие амёбы умудрились взорвать термоядерную энергостанцию.

Всю дорогу Мартин, не отрываясь, смотрел в нижние иллюминаторы. Бесчисленное количество раз он летал по этому маршруту. Но прежде не обращал внимания на то, что проносится под днищем. А сегодня – увидел. Планету, которая тысячи лет принадлежала людям. И которую люди потеряли. Не в день злополучного эксперимента, гораздо раньше. Враг медленно, пядь за пядью, отвоёвывал территорию, загонял бывших хозяев в бетонные резервации мегаполисов, чтобы после прихлопнуть окончательно. Эксперимент лишь ускорил процесс. И если человечество всё же погибнет, то не зря. Врагу планета тоже не достанется.

Столица издали казалась живой. Светились электрическим светом небоскрёбы делового центра, змеились столбики тумана над теплоцентралями, и снега на улицах верхнего яруса вроде как не было. Вот только тихо в динамиках, и на экранах – белый шум. Ни одной видео– или аудиотрансляции в эфире. И вокруг башен не роятся аэротакси. И пусто на виадуках наземки. И раскаты музыкального грохота не доносятся из района развлечений.

Когда подлетели ближе и снизились, стало понятно: столица мертва, как и вся мировая держава. Просто системы жизнеобеспечения здесь куда надёжнее, чем в провинции, разрушение пока не началось. Хотя почему же? Вон лежат слетевшие с рельса вагончики, обгоревшие, покорёженные. Вон чёрный скелет Лицея. И там подпалина на стене, и там, и там. Вон обрушилось несколько пролётов хрустального стекла на деловом центре: не иначе эксперимент застиг некоторых таксистов в воздухе. А вон и вороны.

Мартина тронули за плечо.

– Господин старший куратор, где будем садиться?

Давид Борн, командир первого звена.

Мартин помедлил. Приказал:

– Второй и третий пусть начинают поиск в деловом центре и VIP-коттеджах. А мы… полетим на север.

В двадцати километрах к северу от столицы располагался «секретный объект № 6» – правительственный бункер, который ещё он, Мартин, начал готовить на случай инопланетного вторжения. Под многометровыми перекрытиями – жилые модули на две тысячи человек, склады продовольствия, «вечная» геотермальная энергостанция, резервный ЦУП. Позже над бункером возвели силовой экран – всё, что изобреталось и опробовалось в Наукограде, тщательно воспроизводилось на «объекте № 6». Если во время катастрофы люди и могли уцелеть где-то, то именно здесь… Если правительство не додумалось купол отключить. И если внутри него кто-то был.

Круглое строение, поднимавшееся над поверхностью на пять метров, издали походило на огромный сугроб. Коды доступа в бункер давно поменялись, потому Мартин счёл за лучшее оповестить о своём приближении:

– Всем, кто меня слышит! Всем, кто меня слышит! – понеслось из мощных динамиков конвертоплана. – Здесь старший куратор Наукограда Мартин Брут. Мы разыскиваем выживших. Мы пришли помочь. Все, кто меня слышит, – дайте о себе знать!

Тишина. Никакого движения. Девственно-белый снег на крыше вагончика монорельса, заваленная сугробами аллея перед входом, ни единого следа у одинокого флаера на посадочной

площадке.

– Здесь никого нет… – прошептал Борн.

– Должны быть! Хотя бы охрана…

Винты конвертоплана устроили маленькую метель на посадочной полосе. И через минуту ловцы выпрыгивали на холодный бетон. Мартин хотел идти первым, но Борн не позволил:

– Так не положено. Командир экспедиции не должен рисковать собой.

Мартин криво усмехнулся. Он, бывший военный, эти правила знал наизусть. Но разве они продолжали действовать в мёртвом мире?

Впрочем, перечить не стал, пропустил ловцов вперёд.

Двери внешнего шлюза приветливо распахнулись, стоило надавить на кнопку замка – не заперто. Ярко вспыхнуло освещение. И лифт работал превосходно. И внизу, в пультовой, было светло и чисто. Знакомо пахло пластиком, металлом… и ещё кое-чем. Вернее, этим воняло. Мартину запах не понравился сразу, и он кинулся к пульту управления бункером. Энергоснабжение, жизнеобеспечение, связь – всё включено, всё работает в автоматическом режиме. И силовой экран активен, лишь входной тоннель оставлен незаблокированным. Тогда откуда этот запах взялся?

– Проверить помещения! – скомандовал.

И не ошибся. Пятнадцать минут спустя пришёл вызов от Борна:

– Господин куратор, здесь люди! Жилой бокс номер двенадцать.

Мартин сверился с планом бункера и поспешил в глубь лабиринта.

Борн ждал его в холле. Огромный квадратный зал, пушистый ковёр на полу, живые пальмы в кадках у стен, окна с видом на море… Не окна, разумеется, голографические экраны. Но если не знать, что находишься в сотне метров под землёй, не догадаешься.

– Она туда побежала. – Ловец указал на дверь в противоположной стене.

– Женщина? – уточнил Мартин.

Борн дёрнул плечом, отвёл глаза.

Мартин пересёк холл, заглянул в приоткрытую дверь, поморщился от ударившей в нос вони. Смрадно и темно. Нащупал кнопку выключателя на стене, нажал. Тотчас вспыхнули мягким светом плафоны на стенах. Когда-то здесь была спальня. Теперь – логово. В углу между кроватью и стеной устроено

подобие гнезда из разорванных подушек и одеял. Там, в гнезде, и притаилась… притаилось существо. Всклоченные грязные волосы, засаленные обрывки одежды, первоначальный цвет и фасон которой уже не определить. Но сходство ещё не пропало окончательно.

Мартин вздрогнул, невольно шагнул вперёд:

– Карла?!

Существо попятилось. Пустые глаза смотрели сквозь упавшие на лицо космы. Как она оказалась здесь? Хотя Ленова всегда отличалась предусмотрительностью. После их ночного разговора сообразила, что Брут не позволит себя прихлопнуть за здорово живёшь, попытается сопротивляться. Наверняка придумала повод для инспекционной поездки в бункер – отсидеться там, пока с «путчистами» покончат. Даже силовой купол включить додумалась. Это должно было сработать, спасти её, как жителей Наукограда.

– Карла, ты меня узнаёшь? Это я, Мартин Брут. Не бойся, мы тебя вытащим отсюда. Только скажи, что ты меня узнаёшь. Хоть знак какой-то подай!

Существо сжалось, попятилось снова, пока не упёрлось задом в стену. И вдруг – оскалило зубы, зарычало.

Мартин остановился.

– Карла! Ты же человек, вспомни!

Существо прыгнуло так внезапно, что Брут не успел отклониться, лишь руку вскинул, защищая лицо. Ленова была куда легче, сбить с ног не смогла. Повисла, вцепившись зубами и когтями в прочную ткань комбинезона.

– Прекрати!

Мартин попытался отцепить, отбросить в сторону. И тут же взвыл – острые зубы вонзились в ладонь.

– Тварь!

Он изловчился, вытащил левой пистолет из кобуры, саданул существо рукоятью по голове. Ещё, ещё! Стряхнул, пнул ногой в живот. То, что когда-то было Карлой Леновой, с визгом отлетело в сторону. Попыталось снова напасть, но теперь Мартин был начеку. Врезал носком тяжёлого ботинка в челюсть, потом под рёбра. Существо, скуля и подвывая, кинулось к открытой двери в холл, уткнулось в ноги Борна, отпрянуло, закружило на месте затравленно… Первая же пуля остановила этот омерзительный танец. Вторая, контрольная, – в голову.

– Зачем?! – Борн не мог отвести взгляд от распластанного на полу трупа.

– Из милосердия. – Мартин посмотрел на перепачканный кровью пистолет. – Аптечку давай.

Но забинтовать руку он не успел. Вновь ожил визифон:

– Господин куратор, мы их нашли. В столовой второго яруса. Штук двадцать, вроде бы охрана. Бывшая. Придёте взглянуть?

– Да.

У двери столовой его ждали двое ловцов. Брут отобрал у одного автомат, приказал:

– Открывай!

Стая бросилась наружу, едва створка двери начала двигаться. Прямо под пули. Мартин дал одну длинную очередь, а затем бил короткими, пока обойма не опустела. Перезарядил и стрелял снова – в тех, кто скулил и жался по углам. Закончилась и вторая, а несколько тварей ещё подавали признаки жизни. Пришлось доставать из кобуры пистолет. И лишь убедившись, что дело сделано хорошо, Мартин пошёл к выходу. Кровь чавкала под ногами.

Ловцы ждали его в коридоре. Растерянность на лицах.

– Векторов ведь не было? – пробормотал один. – Эти люди не…

– Это не люди! – оборвал Брут. – Людей за пределами Наукограда больше нет, не стройте иллюзий. Враг убил всех, а физические оболочки оставил для собственных нужд.

– Враг?

– Компьютерный разум, квантеры. Мы их создали, а они захотели отобрать у нас Землю. Но они просчитались! Мы пока живы и Землю не отдадим.

Он шагнул к Борну, схватил его за отворот комбинезона:

– Завтра же… нет, сегодня! Требуешь у физиков списки всех квантеров, берёшь сколько понадобится людей, взрывчатку, транспорт. Уничтожь их всех, включая те, что отключены от источников энергии. Взорви, сожги – чтобы следов не осталось. Сделаешь – отчитаешься лично передо мной. Понял?

– Так точно! А… квантеры в Наукограде?

– Этих – в первую очередь! Кровь за кровь.

Прокушенная рука долго болела и не хотела заживать, хоть Брут и промыл рану антисептиком. Но ещё дольше болело что-то внутри. Грязная, утратившая человеческий облик Ленова смотрела в зрачок его пистолета. Молчала. Но во сне её глаза не были пустыми. Они умоляли: «Мартин, не надо!»

Надо! Он всё сделал правильно. Просто чуть-чуть не успел. Враг разгадал план, ударил в ответ. Четыре миллиарда человек перестали существовать. Но разве виной тому их с Гамильтоном эксперимент? Разумеется, нет! Враг всё равно уничтожил бы человечество рано или поздно. Но тогда бы не осталось никого,

способного отомстить. А так… Может, людям и суждено исчезнуть с лица Земли, но электронные твари исчезнут значительно раньше.

Мартин поднялся с кровати, натянул спортивный костюм. Вышел из дому, постоял на крыльце. Низкие тяжёлые тучи заволакивали небо, даже снежинки срывались. А ведь уже март. Плохая в этом году весна.

Брут вышел за калитку, сделал несколько шагов, перешёл на трусцу. Утренняя пробежка – правило, которому он неуклонно следует бог весть сколько лет. Мир погиб? Недостаточный повод, чтобы отказываться от привычек. На сегодня его норма – шесть километров. Мимо коттеджей, по бульвару до городского парка, там круг по большой аллее, назад, снова по бульвару до самого Управления. Оттуда по скверу – домой.

На улицах было пустынно: слишком рано, чтобы начинать рабочий день. Наукоградцы спят и видят сладкие сны… Или несладкие, как он. Не думать, выбросить из головы! «Раз-два-три, раз-два-три», – начал отсчитывать мысленно. Снежинки кружили в воздухе, но таяли, едва касались тротуара. Правильно, что не свернул на тропу, ведущую к Калиере. Там сейчас сыро и грязно.

На бульваре он не встретил никого, лишь один электромобильчик прошелестел навстречу. И в парке пусто. Хотя нет – вон чей-то велосипед под кустом. Мартин повернул голову, стараясь разглядеть хозяина. Перешёл на шаг. Вовсе остановился. Вернулся к веломашине.

Тающие снежинки не успели намочить руль и седло, значит, хозяин приехал сюда недавно. И где же он? Брут решительно пошёл от аллеи в глубь парка.

Женщина висела под толстой нижней веткой пинии. Лазоревый спортивный костюм, носки кроссовок не достают до земли сантиметров десять, чуть в стороне валяется вязаная шапочка с помпоном. Значит, залезла на дерево, привязала верёвку, надела петлю на шею и спрыгнула?

Мартин обошёл вокруг тела, чтобы взглянуть на лицо. Офицер внутренней охраны Фрам смотрела сквозь него широко распахнутыми голубыми глазами – по фамилиям Мартин знал всех жителей Наукограда, а вот имени вспомнить не мог. Зато припомнил, как устроил девчонке разнос в день, когда принял решение ударить по Врагу. Да какой там разнос… маленькую выволочку.

Он тронул девушку за руку. Тёплая. Выходит, если бы он проснулся минут на пятнадцать-двадцать раньше, то успел бы остановить? Может, и сейчас ещё не поздно: если срочно отвезти в реанимацию, то медики успеют вытащить? А смысл? Фрам свой

выбор сделала. Днём раньше, днём позже – разницы нет.

Вчера Борн доложил о ликвидации предпоследнего квантера. Последний стоял в лаборатории Ирвинга, и старый псих пообещал, что прикуёт себя к нему и пусть их сжигают вместе. И хрен с ними, с обоими. На сегодня Мартин запланировал перевод энергостанции в режим фугаса, благо президентский чемоданчик с кодами доступа теперь у него. Последнее, что он мог сделать для своих людей – освободить их от трудного выбора.

Он набрал номер на визифоне.

– Дежурный? Это Брут, если не узнал. Здесь суицид, высылай бригаду. Парк, восточная алея, справа от дорожки, метров сорок. Ладно, я подожду, покажу место.

Бригада примчалась молниеносно – старший куратор ждёт! Тело сняли с ветки, упаковали в мешок, увезли. И в парке вновь стало пусто. Мартин хотел тоже уходить, как вдруг понял: нет, он здесь не один! Девушка в длинном плаще топталась неподалёку от места самоубийства. Сначала она показалась Мартину незнакомой, потом узнал: подружка братцев Корсанов, та, что работает у старшего, а спит с младшим. Хотя не факт, что только с младшим.

Девушка опасливо зыркнула на Брута, вынула из-под плаща палку с приделанными на конце металлическими стерженьками и принялась… Она что, опять подметает?! Не иначе крыша поехала.

Впрочем, Мартин не сильно удивился. За последние месяцы сумасшедших в Наукограде объявилось не меньше, чем самоубийц. Хотел подойти, увести. Потом рукой махнул – не хватало только с психопаткой возиться. Пусть себе подметает. Предупредить Огнея, а то, не ровён час, оттяпает ему…

Мартин криво усмехнулся. И тут же нахмурился. Говорить со старшим ловцом не хотелось. И в глаза Корсану смотреть не было желания. Потому что придётся признавать: мальчишка был прав. Нет выживших за пределами Наукограда, а Гамильтон – такой же ненормальный, как эта «подметальщица».

Нет, ничего он не будет говорить Корсану. А всех сумасшедших сегодня «вылечит».

Мартин вдруг удивился собственному решению. Зачем такая спешка? Да, Борн отчитался. Но он мог и ошибиться. Нужно тщательно всё проверить. Враг коварен, вполне способен затаиться и выжидать. А неделя отсрочки ничего не испортит. Или месяц. Люди потерпят.

Брут выбрался на аллею и побежал домой, к коттеджу.

Ирвинг сидел в лаборатории в полном одиночестве. Он сильно сдал за прошедшую зиму. Превратился из полного сил и

энергии пожилого мужчины в дряхлого, сгорбленного старика. Мешки под глазами, глубокие морщины, заострившийся нос, выпирающие из-под кожи скулы – некому было проследить, чтобы старый учёный вовремя завтракал, обедал и ужинал, а сам Гамильтон часто забывал о еде. Впрочем, изменений в собственном облике он тоже не замечал. Если бы спросили, когда он последний раз смотрелся в зеркало, Гамильтон не смог бы ответить.

От лаборатории квантовой физики мало что осталось. По приказу Брута ловцы уничтожили все квантеры на планете, включая и те, что обслуживали основной и резервный ЦУПы. Связь со спутниками оборвалась, погасли один за другим сегменты визуализатора. Остались лишь столбцы чисел на мониторах – как на заре экспериментов. Неважно! Великого Ноо Ирвинг видел и сквозь числа. И пока работал лабораторный квантер, мог с ним общаться.

Разумеется, Бруту очень хотелось сжечь и этот. Но тогда – крах всему. Без квантера и станция сканирования вакуума, и коллайдер превратятся в бесполезный хлам, а катастрофа действительно станет необратимой. И он, Ирвинг, ни-ког-да не вытащит дочь из той чёрной бездны, в которую она провалилась.

Гамильтон сбился со счёта, сколько раз он терял надежду. Но когда опускались руки и наваливалась тоска безнадёги, в памяти всплывало лицо Елены: «Ты позаботишься о Маринке?..» Он ведь обещал! И пока жив, не откажется от своих слов.

Ирвинг смотрел на бегущие по экрану столбцы цифр. Смотрел в лицо Великого Ноо. В чём он ошибся? Может быть, зелёные и синие нити ввели в заблуждение? Теперь их нет. Но это казалось так естественно: ноосферы компьютеров и людей жёстко детерминированы. Они хоть и занимают одно и то же пространство, но нигде не пересекаются. Кварк-глюонная плазма должна была вызвать декогеренцию ячеек первой, но никак не второй. Он столько раз проверял расчёты!

Тем не менее сцепленность уничтожена. Они открыли ящик и убедились: кошка мертва. Кольнула дикая в своей нелогичности мысль: нельзя было выходить из-под купола, пока светились красные стрелки! Эксперимент сдвинул реальность в неустойчивое положение. Не следовало наблюдать её в неподходящий момент. Дождались бы синих, и всё оказалось бы хорошо, внешний мир остался на месте. И Марина стояла бы у ворот, здоровая и весёлая, с этим своим грязнулей.

Ирвинг застонал, замотал головой, стараясь выбросить ересь из головы. Глупости! Нет никаких стрелок – он ведь их не видит! Если это сообщения Великого Ноо, то почему он оказался

обойдённым?! Он, который привык считать Ноо чуть ли не другом.

Друзьям не плюют в лицо пучком хромоплазмы…

Гамильтон запустил пальцы в шевелюру, принялся чесать что было силы. Думай же, дурак, думай! Почему ты не замечаешь очевидного? Если человека декогерировать, он утратит интуицию, прозрение, но никак не рассудок! Превратится не в лишённое разума животное, а скорее в бесчувственного робота. Ведь лабораторный квантер, отключенный от ноосферы ещё до эксперимента, продолжает работать, решает задачи, пусть их спектр и значительно сузился. Почему людей постигла такая беда? И почему исключительно внешнемирцев? Что спасло жителей Наукограда? Силовой купол? Ерунда! Для квантовой сцепленности не существует преград и расстояний. Вон в правительственном бункере никто не спасся. Думай, дурак, думай!

По щеке прокатилась слеза. Губы прошептали беззвучно: «Ноо, я был не прав. Прошу, пожалуйста, верни мне Марину… Верни всех!»

И, словно отвечая ему, один из столбцов на крайнем мониторе начал наливаться синевой. Вектор?! Это совсем не походило на то, что описывали другие. Но ничем иным синяя стрелка быть не могла.

Теперь Николай знал, для кого он построил «хамелеон Теслы». Разумеется, не для обдолбов. И не для людей Наукограда. Для себя. Взлететь в небо высоко-высоко, прорвать опостылевшую пелену туч, подняться к самому солнцу, как Икар… Чтобы, как Икар, не возвращаться на землю. Потому что здесь делать больше нечего. Да, Огней со своими ловцами ещё мечется по планете, выискивая уцелевших или – вовсе уж фантастика! – вернувшихся. Ирвинг сутками сидит в лаборатории, придумывает способ повернуть эксперимент вспять. Брут ещё что-то планирует, пытается удержать город от полного хаоса. Но Николай уже понял: всё кончено!

Смешно: он был уверен, что умрёт от зелёного вируса, как отец. Подсчитывал, сколько осталось до того дня, когда паралич перекинется на руки, и сколько, пока откажет мозг. А ждать ничего не нужно. Трансформ давно собран, все предварительные испытания закончены. Его «чайка» готова взлететь хоть сегодня. Сегодня и взлетит…

По дороге от дома до ангара никто не попытался заговорить с Николаем. Кивали, здоровались отрешённо и шли мимо. У каждого свои мысли, своя боль.

И в ангаре было пусто. Включать освещение Николай не стал. Подкатил к кабинке диспетчера, щёлкнул тумблером. Тотчас с тихим шуршанием сдвинулась потолочная панель, впустила внутрь серый мартовский день. Под люком на невысокой эстакаде стоял трансформ. Неожиданно подумалось: к Марине так и не заехал. И тут же: а зачем? Проститься? Усмехнулся криво.

Он покатил к машине. Дважды объехал вокруг, любуясь своим детищем. Трансформ походил на вытянутое серебристое яйцо шести метров в длину и двух с половиной в поперечнике. На тупом «носике» едва заметным барельефом выступал люк пилотской кабины.

Коляска вкатилась на эстакаду, подъехала к «яйцу». Николай протянул руку, легко надавил на выпуклость. Люк беззвучно скользнул под обшивку, словно приглашал в кабину. Даже безногому калеке ничего не стоит управлять этой машиной – Николай специально позаботился. И перенести своё непослушное тело из коляски в пилотское кресло нетрудно – сколько раз он проделывал это! Просто взяться за специальные поручни, подтянуться – и ты внутри. А там уж «хамелеон» позаботится.

Николай вскинул руки, ухватился за поручни, рывком вырвал себя из инвалидной коляски… И с ужасом понял, что держится только одной рукой – правой! Левая не желала подчиняться.

Он заскрипел зубами от напряжения, попытался крепче стиснуть пальцы правой. Но поздно. Тело потеряло равновесие, начало съезжать в сторону и вниз. Бесчувственные ноги зацепились за подлокотники… Чёрт!

Коляска накренилась, лишая последней опоры, ладонь заскользила по поручню. Силы, чтобы удержаться, недоставало… Пальцы разжались, Николай грузно соскользнул по серебристому боку «хамелеона», упал навзничь, больно ударился затылком об эстакаду. И в довершение, словно насмешка, коляска опрокинулась, придавила ноги. Пригвоздила. Здоровый человек легко бы выбрался из западни. Но калека оказался зажат намертво между трансформом, коляской и бортиком эстакады.

– Чёрт!

Николай отчаянно размахнулся левой рукой, хрястнул по армированному покрытию эстакады. Ещё раз, ещё! Костяшки пальцев разбились в кровь, но чувствительность не возвращалась. Да за что же это?! Зелёный вирус укусил в тот самый миг, когда он решил, что о болезни можно больше не думать.

Стучать по полу бесполезно. Николай поелозил, убедился, что без посторонней помощи не выберется. С тоской посмотрел на визифон, вывел на экран список адресатов. Кому звонить?

Огней? Тот надаёт оплеух, обзовёт тряпкой. Станет следить,

чтобы брат не наделал больше глупостей. Брут? А вот Мартин, пожалуй, не станет препятствовать. Вручит пистолет, скажет: «Застрелись, как мужчина, пока правой владеешь». Но «хамелеона» не даст… Сэла? Да ну!

Николай пролистнул список. И вернул назад. Сэла… Пожалуй, больше и некому звонить. Он старался относиться к девушке доброжелательно и приветливо, но при этом не переступать ту грань, за которой отношения уже можно назвать дружбой. Предпочитал, чтобы они оставались лишь начальником и подчинённой, руководителем сектора новых видов транспорта и секретарём-референтом. Хоть давно понял, что эта «иммигрантка из внешнего мира» даст сто очков вперёд по человечности и доброте многим наукоградцам. И не слишком-то уступит по интеллекту. К тому же за последние месяцы Николай начал скептически относиться к зашкаливающему IQ своих сограждан.

Сэла была замечательным человеком. Но Николай почему-то вбил себе в голову, что если Огней заметит их сближение, то… Нет, не приревнует, разумеется. Наоборот, постарается уступить «убогому», проявит сострадание. Как будто не понимает, что как женщина Сэла Николаю не нужна, – ни одна женщина давно уже не нужна! Необходим друг, близкий, с кем можно говорить обо всём, без тайн и недомолвок. Друг, который никогда не предаст. Такой, как Марина.

Впрочем, Марина его предала. Или это он – её? Теперь не разберёшь. Да и ни к чему.

Николай нажал кнопку вызова:

– Сэла, ты не могла бы подойти в ангар?

Сэла примчалась спустя десять минут, хоть до общежития было не близко. Остановилась в дверях, осматривая зал. Заметила перевёрнутую коляску, вскрикнула испуганно, метнулась к эстакаде.

– Господин Корсан, что случилось? Вы не поранились?

Николай постарался, чтобы улыбка вышла не вымученной.

– Ничего страшного. Неудачно катапультировался.

Однако шутка прозвучала глупо.

– Господин Корсан, у вас же все пальцы в крови! И ногу придавило.

Она уцепилась за бортик коляски, потянула, пытаясь поставить на колёса. Видно было, как ей нелегко. И даже не потому, что ноша тяжёлая, – боялась, что не удержит, вновь ударит по ногам. Как будто этим ногам не безразлично!

Наконец она справилась, оттащила коляску в сторону, вернулась, присела рядом с Николаем. Осторожно взяла за руку.

– Она…

– Да. – Николай кивнул. – Зелёный вирус и сюда добрался. Не вовремя.

Сэла покосилась на открытую кабину трансформа.

– Вы хотели лететь? Один?

– И сейчас хочу. Только помоги мне внутрь забраться. Этой «птичкой» я и одной рукой управлять смогу. Тем более правой. Да не волнуйся, не откажут у меня пальцы в полёте. Вирус так быстро не действует. Если левую сегодня жрать начал, то у правой по крайней мере месяц запаса есть.

Он опёрся здоровой рукой о бок «яйца». Потребовал:

– Что же ты? Помогай!

Сэла вздохнула, но противоречить не посмела. Обхватила руками…

– Ой.

Из-под плаща выскользнула непонятная штука. Тонкая деревянная палка с пучком длинных металлических стержней на конце. Николай удивлённо приподнял бровь:

– Это ещё что за невидаль?

– Метла, – едва слышно призналась девушка.

– Как-как, «мет-ла»? И зачем она тебе?

Сэла не отвечала, лишь щёки стали пунцовыми.

– Ладно, – смилостивился Николай, – после расскажешь. Поехали дальше.

Девушка поднатужилась, приподняла. А вот и поручень. Дальше легко.

Николай перевалился в кабину, добрался до манипуляторов кресла. Раз, два, три – и мы уже сидим.

– Спасибо! – улыбнулся, теперь искренне, стоящей у люка девушке. – Сойди с платформы, чтоб я тебя случайно крылом не задел.

Девушка шагнула назад, быстро подобрала свою «мет-лу». И остановилась. Внимательно на него посмотрела.

– Господин Корсан, возьмите меня с собой.

– Что? – Николай сначала не понял. – Куда?

– Туда. – Сэла кивнула на низкие серые тучи. – К чистому небу и солнцу.

Николай растерялся. Девчонка догадалась, что он задумал? Или просто боится отпускать калеку? Но помешать она всё равно не сможет.

– Я… – начал и осёкся. Язык не поворачивался сказать: «Я лечу, чтобы умереть». Что, если и она хочет того же? А если нет?

Он вдруг понял, что принятое решение не окончательно, пока не высказано вслух и не услышано. Значит, лучше отложить

признание. Увидеть солнце и небо, а уж потом… Если Сэла попросит вернуться – в комплекте трансформа есть парашют. А нет – он будет последним, кто осудит девушку за такой выбор.

Николай кивнул.

– Договорились. Только при двух условиях. Первое: ты больше не обращаешься ко мне на «вы» и не называешь «господином Корсаном». Второе: ты объяснишь, что это за штуку ты таскаешь с собой.

Сэла помедлила, согласилась.

– Хорошо… Николай.

Корсан улыбнулся. Повёл манипулятором, выдвигая второе кресло. Пригласил:

– Залезай.

Минуту спустя отрастившая серебряные крылья и хвостовое оперение чайка взмыла в воздух. Круто вверх – сквозь люк в крыше ангара, сквозь невидимый купол Наукограда, сквозь серые облака.

Там действительно было солнце. И бездонное, пронзительно-синее небо. И облака сверху казались не серыми, а белоснежными, словно были они громадными фильтрами и никакая земная грязь не могла пробиться сквозь них.

– Держись крепко!

Николай выжал манипулятор до упора, и трансформ, сделав бочку, рванул вперёд.

Сэла радостно заверещала, зажмурилась и подставила лицо бьющим сквозь фонарь кабины лучам. А Николай подумал, что не нужно ничего решать, выбирать. Он будет лететь, не думая ни о чём, любуясь на сидящую рядом девчонку. А мир внизу пусть тоже летит – в тартарары!

И тут же странная палка, которую девушка сжимала в руках, чуть шевельнулась. Солнечный луч разбился на заострённых стержнях, брызнул капельками крошечных радуг. Наваждение длилось не более секунды. Корсан тряхнул головой, прогоняя его, потребовал:

– Ну? Рассказывай, откуда у тебя эта штука?

Сэла открыла глаза, на щеках вновь выступил румянец смущения.

– Это Рой сделал, инженер из лаборатории господина Гамильтона. Вы… ты его знаешь, наверное.

– Угу. И зачем он это соорудил?

– Я попросила. Метлой удобно ячейки чистить. Но для радуг дерево не годится.

– Что?

– Информационный мусор… Долго рассказывать!

– А разве мы куда-то торопимся?

Сиротой Сэла не была, но так сложилось, что родители перехотели заводить ребёнка как раз в тот день, когда девочке пришла пора появиться на свет. Вернее, отец передумал ещё раньше и укатил в противоположное полушарие играть в плюньбол – в те годы он был известным на весь мир плюньщиком. А потом раздумала и мама. Так и получилось, что единственным воспитателем и опекуном ребёнка стал дедушка Аниш.

О, что это было за воспитание! Сердобольные соседи сочувствовали крошке: где такое видано, в полгода ребёнка приучать ходить на горшок, когда всем известно, что до семи лет дети должны пользоваться памперсами! А коза? Дед где-то раздобыл настоящую живую козу, поселил на веранде своей виллы и поил внучку вонючим натуральным молоком вместо вкусного и сбалансированного синтетического. Вдобавок коза ещё и блеяла, пугая соседей по ночам.

Дальше – больше. В три года дедушка Аниш начал учить внучку читать. И ладно бы по весёлым красочным комиксам да интерактивным мультикам, чтобы ребёнок постепенно, не напрягаясь, за год-полтора освоил алфавит, хотя и это, разумеется, забота не родителей и опекунов, а школьных учителей. Так нет же – чудак подсовывал девочке длинные тексты, которые не каждый взрослый осилит. И окончательно испортил ей жизнь, когда начал учить по собственной программе такому, о чём совсем необязательно знать ученице престижной столичной гимназии.

Доброжелатели боролись за судьбу ребёнка. Несколько раз на деда писали жалобы с требованием лишить опекунских прав. Но в те годы дед был одним из самых известных спичрайтеров в государстве – для членов Правительства речи готовил! – так что жалобщики ему были не страшны. А Сэла осталась благодарна деду и за «неправильное воспитание», и за «испорченную жизнь». Жалела лишь об одном: в Наукоград дедушку Аниша так и не взяли, хоть в последние годы он отошёл от дел, даже переехал из столицы в Крым – поближе к Калиере. Интеллектуальная элита державы не доверяла бывшему «прихвостню». Они не знали, что дедушка Аниш был человеком куда более странным, чем казался. Он видел чёрные радуги…

Чёрная радуга – оксюморон, явление, которое невозможно представить. Тем не менее вначале они действительно чёрные.

Люди совершают хорошие и плохие поступки, не задумываясь, что тем самым оставляют отпечатки на

информационном уровне реальности. Следы эти могут быть светлыми и чистыми, а могут – грязными, чёрными. Первое событие случайно. Но инфо-ячейки обладают свойством притягивать отпечатки одного заряда и отталкивать противоположные. Подобное хранится с подобным, словно в каталоге вселенской библиотеки. В одной папке – боль и страдание, в другой – ненависть, в третьей – сочувствие. Потому вслед за случайным событием начинается череда закономерных повторений, которая будет продолжаться, и продолжаться, и продолжаться. Там, где скопилось много грязи, хорошие поступки остаются незамеченными, ненужными.

Объём папки-ячейки не безграничен. Когда она заполнена до отказа, происходит самоочистка, «сброс в архив». В этот миг инфо-грязь вспыхивает радугой, прекрасней которой нет ничего на свете – для тех, кто способен видеть. Но прежде, чем достигнуть предельной концентрации и уйти, немало бед и несчастий принесёт эта радуга соприкоснувшимся с ней. Инфо-грязь умеет убивать не менее безжалостно, чем цветные вирусы. И куда коварнее – её ведь не выявишь в анализах, не зафиксируешь приборами.

Дедушка Аниш называл радуги чёрными – столько человеческого горя впитали они. Он старался очищать ячейки от грязных отпечатков раньше, чем те начнут притягивать несчастья. Хотя бы вокруг себя и своих близких – прежде всего вокруг внучки. А когда понял, что Сэла унаследовала его дар, то научил им пользоваться.

Дед был далёк от теории информации, ничего не знал об исследованиях физического вакуума, которые вёл Ирвинг Гамильтон. Все его находки были эмпирическими, догадки – интуитивными. Инструмент, помогающий чистить инфо-грязь, он создавал методом проб и ошибок. Дед ему и названия не придумал, говорил просто: «мой помощник». Это уже Сэла, изучая культуры дотехногенной эпохи, отыскала аналог. Правда, рабочие стержни их с дедушкой «метлы» изготовлены были не из дерезы, а из сплава на основе серебра. Использовать этот металл для борьбы с дурным влиянием инфо-следов люди тоже начали в глубокой древности…

Сэла внезапно прервала рассказ, прильнула к окошку кабины:

– Смотри, море!

Николай с недоумением проследил за её взглядом. И точно – пелена туч, укутавшая полуостров, осталась позади. Теперь они летели над морем, неподвижным, застывшим, чёрным. Словно огромная клякса информационной грязи. Он так увлёкся рассказом, что и не заметил, как изменилась картина за

иллюминаторами. Далековато забрались.

– И ты веришь в это? – спросил скептически. – «Отпечатки поступков», «информационная грязь». Мистика какая-то. Извини, но мне кажется, ты поддалась влиянию своего дедушки.

Против ожидания Сэла не обиделась:

– Если ты не замечаешь грязи, это не означает, что её не существует. Не только мы с дедушкой видим чёрные радуги. Такие люди были везде, во все времена. И в Наукограде они есть. Рой, например. И Давид из команды ловцов, и Ксения Полёва.

– Ого!

Николай натянуто засмеялся. Вспомнилось давнее высказывание Ирвинга о «грязных» поступках Огнея. Выходит, Марина тоже видела эти пресловутые чёрные радуги?

– Да у вас настоящая тайная организация. И что, вы все ходите с этими – как их? – с мётлами? Метёльщики, да? Меня к себе возьмёте?

Сэла его веселья не разделила.

– Мы – Дворники. Так в древности называли людей, которые убирали мусор, чтобы остальные не захлебнулись в нём. Ты, к сожалению, не годишься для этой работы.

– Не доверяете? Вдруг и я смогу видеть эти ваши радуги? Или калеки вам не нужны?

– Николай, при чём тут это?! Способность видеть информационную грязь – врождённая, хоть проявиться может не сразу. И люди, у кого она есть, ощущают друг друга. Как? Не могу объяснить, это у каждого индивидуально. Ксения, например, вообще вундеркинд. Она видит цветные ореолы вокруг людей. Давид рассказывал, что ему нужно разговаривать с человеком, и тогда он начинает слышать особую мелодию в голосе.

– Ну-ну. А цели вы какие ставите? Очистить Наукоград от дурных деяний? Например, от поступков моего брата?

– Огней… Ты прав, он иногда оставляет грязные следы. Но это нестрашно, я ведь рядом. Хотя…

Она запнулась. Чуть помедлив, продолжила:

– Понимаешь, раньше во внешнем мире было очень много негативной информации, но Наукоград оставался чистым. Все его ячейки хранили светлое и доброе, случайная грязь не могла здесь накапливаться. Я так радовалась, когда попала сюда… А потом всё изменилось. Эксперимент как всеобщий сброс. Всё ушло, ячейки пусты. Но после катастрофы в Наукограде выплеснулось столько тоски и боли, а радости нет совсем. Это плохо! Очень плохо, Николай. Ячейки заполнятся грязью. Мы пытаемся противостоять, но нас мало. А главное, работа уходит впустую.

– Хочешь сказать, наш мир обречён? Это понятно и без всякой

информационной мистики.

Сэла не ответила. Вместо этого неожиданно оглянулась, всмотрелась в плотную пелену туч, закрывших берег, и предложила:

– Полетели назад! Скоро всё изменится.

– С чего такая уверенность?

Девушка не успела ответить, её опередил интерком на приборной панели. Профессор Гамильтон. Вот уж кого Корсан не ожидал увидеть сейчас.

– Николай, Николай, ты где? Ты мне нужен, немедленно!

Вызов застал Мартина врасплох. И то, что он услышал, – тем более. Старик выглядел отвратительно. Плакал и смеялся одновременно, по впалым щекам катились слёзы, а губы дрожали от смеха. Ирвинг окончательно свихнулся, это видно невооружённым глазом. Надо бы отправить к нему врача, чтобы вколол успокоительное. И всё же старший куратор согласился прийти. Пора заканчивать с этим безобразием раз и навсегда.

Он не удивился, увидев около клетки Огнея, лишь губы недовольно скривил. Ловец стоял рядом с Ирвингом, разглядывал сидящее в гнезде из рваных одеял и перин существо.

То, что некогда звалось Мариной Гамильтон, быстро повернуло голову в сторону Брута. Глаза смотрели сквозь упавшие на лицо всклоченные волосы, и не было в них ничего человеческого. Хорошо хоть, моют эту тварь ежедневно, не воняет. Не то что из второй клетки…

Всё было, как Брут и предполагал: старик спятил. Мартин подошёл, стал рядом с Ирвингом и Корсаном. Поинтересовался:

– И где обещанные изменения?

Огней промолчал, только желваки заиграли. А Гамильтон подался вперёд, склонился перед существом:

– Марина, доченька, ты меня узнаёшь? Это я, твой отец.

Существо даже ухом в его сторону не повело. А у Мартина больно кольнуло сердце. Так же и он пытался докричаться до Леновы…

– Марина, ты меня слышишь, я знаю…

– Хватит комедию ломать! – оборвал старший куратор. – Ирвинг, где изменения, о которых ты мне сказал? Она в таком же состоянии, как и вчера, и позавчера, и месяц назад!

– Нет! Я локализовал ячейку. Это Марина, больше некому. Кроме неё, ни одного декогерированного на территории Наукограда нет!

– А этот? – подал голос Огней, махнув рукой в сторону притихшего в своей клетке обдолба.

– Нет, нет, это Марина! «Великий Ноо» мне сказал…

– Довольно! – Мартину окончательно надоел цирк. – Ирвинг, мы допустили ошибку, не сумели предотвратить удар Врага. Я понимаю, ты потерял дочь, тебе больно. Мне тоже. Всем больно. Но теперь ничего не исправишь.

– Нет!

– Да! Эксперименты на этом считаю законченными. Если ты действительно любишь… любил дочь, то как можешь заставлять её жить в таком состоянии? Прояви милосердие!

У Ирвинга затряслись губы. Мартин ждал, что он закричит, бросится с кулаками. Но старик вдруг упал перед ним на колени.

– Мартин, пожалуйста… прошу…

Брут повернулся к ловцу, готовый приказать увести сумасшедшего. Но тут дверь комнаты отворилась, впуская коляску Корсана-старшего. Следом поспешно вошла его секретарша. Вот так-так, не иначе, старый чудак всю семейку пригласил.

– Что здесь происходит? – Николай с удивлением смотрел на стоящего на коленях старика.

– Ничего важного. – Мартин пошёл к двери клетки.

– Но профессор сказал мне, что Марина…

– Мне он тоже сказал. Очередная несбывшаяся надежда.

– Я не мог ошибиться! – голос Ирвинга дрожал. – Система зафиксировала новую сцепленную с вакуумом ячейку в локали Наукограда.

– Либо твоя система ошиблась, либо кто-то из этих двоих в клетках отлично притворяется. Впрочем, мы можем проверить достоверность информации. Я сейчас ликвидирую этих амёб, а ты сверишься со своим «Великим Ноо».

– Их здесь не двое, а трое, – раздался женский голос. – Может быть, система распознаёт плод?

Мартин удивлённо посмотрел на секретаршу. А ей кто слово давал? Произнёс саркастически:

– Родившихся после эксперимента младенцев мы уже проверяли, и неоднократно. Результат отрицательный, если кому-то из присутствующих сей факт неизвестен.

– Да, известен. Но те дети были зачаты задолго до эксперимента.

– Хватит пороть чушь.

Мартин БЫЛ уверен, что глупый разговор закончен. Но Ирвинг ухватился за идею, словно за соломинку:

– Нет, почему чушь? – кряхтя, он поднялся на ноги. – Мы ведь не пытались понять, когда именно человеческое сознание становится частью ноосферы. Априори считали, что это

происходит при рождении. Теперь ясно, что это не так. Но и не в момент зачатия – человеческий эмбрион не более разумен, чем, скажем, головастик. Значит, где-то в промежутке между этими двумя событиями. Сейчас Марина на седьмом месяце…

– Родившиеся семимесячными младенцы вырастают полноценными людьми, – подсказала Сэла.

– Верно. Головной мозг сформирован, плод превращается в индивидуум, в человека.

Мартину приходилось вертеть головой, так как он стоял как раз посередине между парочкой сумасшедших. Очень хотелось заткнуть им рты и уйти отсюда, не слышать ахинею, которую они несли. Но что-то останавливало. Или кто-то. Некстати вспомнился парк, тело на ветке пинии, девушка со странной штукой в руках. А ведь это сегодня было…

Неожиданно заговорил Огней. Обращался он почему-то к девчонке-секретарше:

– Значит, ребёнок Марины может родиться нормальным?

Ответить поспешил Ирвинг:

– Разумеется, он родится нормальным! Мы улавливали сигналы, но не могли их правильно интерпретировать. Сначала искали новорождённых, потом взрослых. А сигнал подавал плод в чреве матери!

– А во время родов ребёнок обычно погибал. Или вскоре после того, – ввернул и своё слово Корсан-старший.

– Да! Теперь всё стало на места. Ноо подавал мне сигнал, а я, такой дурак, не мог его понять.

– Если ребёнок Марины родится нормальным, – перебил старика Огней, – я его усыновлю.

Николай дёрнулся в коляске, словно хотел возразить. Но промолчал. А Ирвинг подскочил к ловцу, сжал его сильную руку своими сухими ладошками:

– Огней Корсан, я не сомневался в тебе. Ты сумеешь воспитать моего внука… Или внучку? Неважно, мы сегодня же сделаем ультразвуковое сканирование.

Он потребовал деловито – куда только делась недавняя истерика:

– Мартин, мне нужны новые образцы для исследований.

Старший куратор обвёл взглядом всех четверых. Хмыкнул.

– Хорошо, попробуем ещё раз.

Обернулся к Огнею:

– С завтрашнего дня экспедиции возобновляются. Понял, что нужно искать на этот раз?

Глаза ловца блеснули недобрым огнём:

– Вы же меня отстранили за трусость и халатность.

И тут Мартина прорвало. Гнев, который он старался удержать, выплеснулся наружу.

– Хватит кривляться, словно кисейная барышня! Если есть малейшая возможность спасти человечество, мы обязаны ею воспользоваться. Должны работать по двадцать четыре часа в сутки, а не сопли пускать! По двадцать пять, по тридцать часов в сутки, если понадобится! Всем понятно? Ты, – он ткнул пальцем в Огнея, – начинаешь прочёсывать полуостров. Собираешь всех младенцев не старше трёх месяцев от роду. Ты – возобновляешь работу лаборатории. Почему твои люди слоняются без дела? Раз выпросил у меня квантер, почему он простаивает? Срок – две недели, и результаты исследований должны быть у меня на мониторе. Убедительные результаты! Ты – готовишь чертежи своего трансформа для запуска в серию. Если машина действительно так хороша и не нуждается в топливе, заменим ею наши вонючие тарахтелки. Ты…

Мартин замолчал на секунду. Пухлый палец целился в лицо Сэлы.

– Тебе я тоже найду занятие. Но не дай бог, снова попадёшься мне на глаза с той штукой в руках!

Возразить девушка не посмела. Хищно усмехнувшись, Мартин вышел из комнаты.

Николай боялся верить в хорошее. Но предположение Сэлы подтвердилось: младенцы теперь рождались… конечно, назвать здоровыми этих хилых, тщедушных малюток, большинству из которых даже медики Наукограда помочь не могли, язык не поворачивался. Но они рождались разумными существами, людьми. Ноосфера планеты медленно, с большим трудом восстанавливалась. А это уже немало.

Ровно через две недели Мартин Брут устроил собрание. Большой зал Управления был забит до отказа. Кураторы, ведущие учёные, руководители всех уровней, просто значимые для жизни города граждане – не менее трети наукоградцев собралось здесь. Мягких кресел на всех не хватило, пришлось заносить стулья, размещаться в проходах. Кое-кто из молодёжи уселся на широких подоконниках. Для Корсана-старшего и дюжины таких же «колясочников» отвели место впереди.

В зале стоял гул голосов. Многие слышали об открытии Гамильтона: новость была слишком важна, чтобы удержаться в стенах лаборатории. Но чем она обернётся для Наукограда, люди пока могли только предполагать.

Мартин Брут вошёл через служебную дверь, направился к трибуне. Как всегда, энергичный, затянутый в тёмно-синий,

похожий на военную форму костюм. Гул стих мгновенно. У стоявшего на сцене стола, застеленного алой бархатной скатертью, старший куратор остановился, вперился взглядом в здоровенного чёрного кота, вальяжно развалившегося в самом его центре. Котяру этого знали все – любимчик заведующего хозсектором, самый важный кот в городе, «куратор по котам». И прозвище у него было под стать – Пан Котский.

Брут поднял руку, готовясь согнать зверя, но тот проснулся, посмотрел на него жёлтыми глазищами, сказал возмущённо: «Мя!» – и куратор передумал. Пошёл дальше к трибуне.

– Друзья!

Николай напрягся. Его коляска стояла как раз напротив, он даже глаза Брута видел со своего места. И невольно пытался угадать, о чём тот сейчас думает, что скажет.

– Нам с вами довелось стать свидетелями самой страшной катастрофы в истории человечества. Я знаю, многие называют это апокалипсисом. Но человечество не погибло! Оно пережило катастрофу. Оно станет сильнее, разумнее, чище после всех испытаний.

По залу прокатился всеобщий выдох. Взметнулось несколько рук – вопросы, возражения? Брут не обратил на них внимания.

– Разум оставшихся во внешнем мире людей погиб безвозвратно. К сожалению, мы должны это признать окончательно и смириться…

– Это не доказано, – неуверенный выкрик из задних рядов.

– И смириться! – с нажимом повторил Брут. – Но биологически эти существа одного с нами вида – вот в чём залог будущего возрождения. В Наукограде нас слишком мало, чтобы стать родоначальниками нового человечества. Зато за пределами города – огромный резерв генетического материала. Первейшая задача – сохранить его. Ловцы уже начали собирать новорождённых. К сожалению, внутриутробное развитие и первые дни жизни проходят в условиях чудовищных, да и наборы хромосом родителей далеки от идеала. Из этих детей не вырастить полноценное поколение. Да, мы и впредь будем спасать их по мере возможности. Но основной упор сделаем на другое. Мы будем отбирать самок репродуктивного возраста…

Взрыв возмущения в зале. Мартину пришлось вскинуть руку, чтобы приглушить его.

– Прошу прощения за термин, но называть этих существ женщинами – значит оскорблять присутствующих в зале дам. И советую отложить в сторону эмоции. Нам предстоит слишком трудное и ответственное дело, чтобы растрачивать на них силы. Будем говорить языком науки, языком прагматиков. Итак, мы

отберём физически здоровых, с приемлемой наследственностью самок, искусственно оплодотворим их, обеспечим сбалансированным питанием и уходом. И через год получим полноценных детей. Я провёл предварительные расчёты. Для создания стабильной популяции нам потребуется двадцать тысяч особей. На это число и будем ориентироваться. И времени терять нельзя. За прошедшие после катастрофы месяцы численность внешнемирцев сократилась по крайней мере вчетверо. Возможно, и больше, достоверных данных нет. Ежедневно продолжают гибнуть сотни годных для воспроизводства потомства самок. Это необратимые потери. Ловцы не справятся с поставленной задачей, поэтому я объявляю мобилизацию. Корсан, Борн, берёте в помощь психологов и отбираете в поисковые команды всех, кого посчитаете пригодными для этой работы. Медики и биологи Наукограда с завтрашнего дня переводятся на круглосуточную посменную работу. Готовьте больницу к приёму самок, обследованию, селекции, оказанию медицинской помощи при необходимости. Остальные займутся строительством питомника, руководить буду лично. К тому времени, когда дети появятся на свет, жильё для них должно быть готово.

– А где ты собираешься держать этих женщин? Самок, как ты их назвал. – Вопрос задал Сирий Курт, главврач наукоградской больницы. – У нас мест для них нет.

– Разумеется, не в Наукограде. Подберём для них помещение в ближайшем мегаполисе, оборудуем всем необходимым: автопоилки, кормушки. Бригады медиков станут дежурить там посменно. И проведём набор добровольцев в обслуживающий персонал.

– Добровольцев? – снова подал голос Курт. – И кто будет их курировать? Я бы не хотел…

– Тебе и не предлагаю. Ты так давно не выходил во внешний мир, что уже забыл, как он выглядит. Куратором «коровника» я назначаю… – Брут ткнул указательным пальцем, – Сэлу Фристэн. Решение окончательное, обжалованию не подлежит.

Николай растерянно оглянулся, ища взглядом притаившуюся на дальнем подоконнике девушку. Но та, кажется, и не собиралась отказываться от назначения. Смотрела, как всегда, спокойно и серьёзно.

– После того как мы получим первое полноценное поколение и наши врачи и воспитатели займутся им, придёт время второго этапа. Будем готовить планету для детей. Предки загадили её сверх всякой меры, нам придётся убирать за ними. Это работа на долгие годы, я не надеюсь, что увижу её результат. Но она того стоит! Мы вернём Землю людям. Сделаем её всю такой же чистой

и прекрасной, как наша Калиера.

На несколько секунд в зале установилось молчание. А затем его прорезал сильный мужской голос. Огней!

– Я так понимаю, будет ещё и третий этап?

Брут прищурился. Кивнул.

– Верно, Огней, будет. Я не хочу забегать вперёд, поэтому опишу его кратко. Человеческая цивилизация развивалась хаотично, подчиняясь законам эволюции. Прогресс замедлялся столетиями застоя, движение вперёд чередовалось с откатами. И закончилось всё отвратительно – всеобщим оглуплением, эпохой обдолба, передачей власти разумным машинам. Второй раз повториться подобное не должно. У нас есть уникальная возможность направить историю в верное русло. Мы заплатили за неё чудовищную, кровавую цену. Потомки нам не простят, если мы её упустим. Итак, третий этап. После того как очистим полуостров и жить станет возможно не только под куполом, мы построим экспериментальные поселения. Для каждого разработаем уникальную программу воспитания, систему общественных и межличностных отношений и будем внимательно, без спешки наблюдать за развитием этих сообществ. Поселение, социальная структура которого окажется наиболее жизнеспособной, наиболее соответствующей природе человека и при этом лучше всего раскрывающей его интеллектуальный потенциал, станет прообразом цивилизации будущего. Мы создадим её, основываясь не на инстинктах и эмоциях, а на рассудке и логике.

– Но человеческий разум оперирует не только логикой! Эмоциональное восприятие задействует те же когнитивные механизмы, что и интуиция. Вы предлагаете игнорировать квантовые процессы человеческого мозга?!

По голосу Николай не узнал спрашивавшего, пришлось оглянуться. В центре зала стоял невысокий человечек с ранними залысинами. Ага, Алекс Томински, первый ассистент Ирвинга. Самого Гамильтона на собрании не было. В лаборатории сидит по-прежнему? Что там такого неотложного, ведь эксперименты с ноосферой закончены?

Брут помолчал, разглядывая оппонента.

– Разумеется, нет. Мы же не роботы, не бездушные квантеры. Но интуиция не должна идти в разрез с логикой, а чувства необходимо учиться контролировать. Мы поставили перед собой поистине Великую Цель. Ради неё придётся отказаться от многого, подчинить желания необходимости. Но разве есть иной путь? Сегодня, сейчас я объявляю начало битвы за счастье человечества. Ради наших детей, ради Будущего!

Он вновь сделал паузу. Внимательно обвёл взглядом сидящих в зале.

– И ещё одно… Все, кто по-прежнему мечтает о суициде, после собрания остаются на местах. Я собственноручно расстреляю… нет, повешу каждого из них как дезертира. Вопросы, возражения?

С минуту в зале стояла тишина. Не иначе люди пытались представить Светлый Мир Завтра. А затем вверх потянулись руки. Сначала неуверенно, потом всё больше и больше.

Впрочем, возражений ни у кого не возникло, только вопросы. Брут отвечал терпеливо, обстоятельно. Однако и вопросы, и ответы относилось уже к частностям, главное было сказано. В конце концов старший куратор это тоже понял. Поднял руку, останавливая дискуссию.

– Не будем попусту растрачивать время. Вопросов наверняка много найдётся, но решать их можно и в рабочем порядке. А сейчас – все свободны. За работу, друзья!

Повернулся и сошёл с трибуны.

Собрание закончилось. Но прежде чем люди начали подниматься со своих мест, проснулся Пан Котский. Потянулся вальяжно, спрыгнул с трибуны и побежал по проходу к самой дальней двери. Сидевший рядом с Корсаном биохимик Ревский засмеялся.

– Смотри-ка, чёрный кот всем нам дорогу перебежал. Я слышал, у древних это хорошей приметой считалось.

Николай выкатил из Управления в числе последних – убедился, что желающих «записываться в дезертиры» нет. Съехал по пандусу на тротуар, навстречу шагнула Сэла. Девушка радостно улыбалась.

– Поздравляю с назначением, куратор «коровника», – помахал ей рукой Николай.

– Не надо называть дом будущих рожениц коровником. Я придумаю для него хорошее название.

– Но ты довольна, что всё так обернулось?

– Конечно! Я наблюдала за людьми, когда они выходили из зала. У большинства лица светятся! В Наукоград вернулась радость и надежда, значит, всё будет хорошо. А грязь, что успела накопиться, мы вычистим. Будем работать по тридцать часов в сутки, как говорил господин Брут, но вычистим.

– А ещё он говорил, чтобы вы не попадались ему на глаза со своими мётлами.

Девушка беспечно отмахнулась:

– У него теперь забот выше крыши, за нами следить времени

не останется.

Она сияла от предчувствия счастья, и Николай вдруг поверил: всё и в самом деле получится. Как славно, что эта странная девушка, увлечённая своей – может, и безумной, но такой красивой – мечтой очистить мир, оказалась рядом с братом. И то, что Огней решил усыновить ребёнка Марины, тоже замечательно. Николай хотел сам сделать это, но не судьба. Зелёный вирус вновь перешёл в активную стадию, значит, жизни осталось от силы год. Как раз успеет запустить «хамелеонов» в серийное производство, увидит первую партию. А потом… Эвтаназию в Наукограде пока не запретили, и вряд ли у Брута повернётся язык назвать его поступок дезертирством. Наоборот, одной обузой станет меньше.

Николай запрокинул голову, улыбнулся. Когда он утром ехал на собрание, пасмурно было. Сейчас пелена туч разорвалась, уплыла на северо-восток, в сторону погибшего мегаполиса. А над Наукоградом в бесконечно высоком небе светило солнце. Как предзнаменование. И ещё – день сегодня знаменательный, весеннее равноденствие. Граница зимы и лета. Прежний мир кончился. В нём было много бед, но было и счастье. Марина была… Зато в новом будет исключительно хорошее. Плохое Огней и Сэла в него не пустят.

Глава 7
Деактивация чувств

Ни одна весна за двадцать лет существования Наукограда не пролетела для его жителей так быстро и незаметно, как эта. Отцвели первоцветы на склонах Калиеры, вскипели бело-розовой пеной городские сады, но наслаждаться их красотой ни времени, ни сил у наукоградцев не оставалось. Слишком грандиозной была картина, нарисованная Мартином Брутом, слишком великой – поставленная цель. Осознать себя единственным оплотом человечества в океане хаоса, потопившем цивилизацию, непросто. Последние люди в диком, лишённом разума мире. Последняя надежда… И первая!

В начале апреля пополнившиеся новобранцами отряды отправились искать будущих рожениц. Те, кому эту работу не доверили, поехали готовить жилище для них. Помещение Брут подобрал быстро – огромные, тянущиеся на два километра склады Первой Продуктовой Корпорации. Место действительно удобное. Рядом – линия монорельса и станция, добраться от Наукограда можно за полчаса. Опять же неподалёку гостиница, где поселится обслуживающий персонал. И – что немаловажно! – территорию складов огораживал трёхметровый забор из пенобетона. Непреодолимое препятствие для всё ещё обитающих в Коке обдолбов, судя по тому, что миллионы упаковок «стандартных завтраков», «обедов» и «ланчей» так и остались не разграбленными. Пришлось устраивать временную свалку на площади мегаполиса и вывозить туда весь этот «калорийный и сбалансированный» мусор.

Первоначальное название «коровник» Сэла отвергла решительно. Предлагала взамен «коммуна», «терем», даже «пенаты», но ни одно из доисторических словечек не пришлось ко двору. А прижилось вовсе не подходящее – «улей». Впрочем, неприемлемым оно казалось только первое время. Когда разгороженные на клетушки ангары начали заполняться новыми обитательницами, гул под сводами и в самом деле поднялся такой, что впору поверить: генноинженеры сконструировали гигантских пчёл. Первые две сотни мамочек прибыли к середине апреля, первые пять тысяч – к началу мая. К лету задача, поставленная Брутом, была выполнена. Двадцать тысяч молодых, физически здоровых, хоть и лишённых разума женщин готовились дать жизнь поколению новых людей. Настоящих людей, не обдолбов! Ловцы старались отбирать представительниц

всех рас и национальностей, чтобы максимально сохранить генофонд. В Улье жили славянки и китаянки, англосаксонки и латиноамериканки, негритянки и японки, индуски и скандинавки, арабки и немки. Некоторые в прошлом были весьма популярны. Коренные наукоградцы, с детства отгороженные от внешнего мира информационной мембраной, не могли их узнать. Зато Сэла находила знаменитостей в каждой новой партии. Эта – звезда интернет-шоу Ка-Призз. Бывшая звезда. Эта – чемпионка мира по пляжболу Ло Сэлин. Бывшая чемпионка. Эта… Мила Кахая, одноклассница Сэлы по столичной гимназии. Какая насмешка судьбы – отец Милы был владельцем той самой ППК. Кто бы мог подумать, что его красавица дочь поселится на подстилке в закутке папочкиного склада? От этих узнаваний Сэле становилось жутковато, словно заглядывала в пустые глазницы погибшего мира. Но она одёргивала себя, успокаивала: как бы там ни было, этим женщинам повезло. Они не сгинули бесследно вместе с канувшей в небытие цивилизацией. Выжили и стали частью будущего.

Третьего июня Мартин Брут собрал совещание. Огней накануне вернулся из экспедиции в Полинезию. Неделю им пришлось жариться под экваториальным солнцем, прочёсывать забытые цивилизацией островки, дышать смрадом разлагающихся трупов на элитных курортах – и всё ради поставленной старшим куратором цели. Улов оказался скуден – полсотни хоть на что-то годных самок, – не сравнить с предыдущей экспедицией на Ла-Плату! И самое обидное, когда вернулись, Курт Сирий, надутый индюк, заявил, что самки больше не нужны, двадцать тысяч-де набрали. Лишних они обследовать не станут. Мол, медиков конвейер этот вымотал уже. А кого не вымотал?!

– Куда мне их девать, чёрт возьми? – взвился Огней. – Назад отвозить?!

– Мне без разницы! Иди к Бруту, у него спрашивай. Надоело за вас грязную работу выполнять!

Грязную работу, значит?! Ох, как захотелось Корсану схватить главврача за шиворот, закинуть в конвертоплан и самого отправить, скажем, в Гонолулу. Спасибо, Давид образумил. Посоветовал старшего куратора не тревожить, а везти самок прямиком к Сэле в Улей. Где двадцать тысяч помещаются, там и ещё для полусотни место найдётся. И врачи у неё в штате есть.

Решение оказалось правильным. Сэла самок приняла, даже охнула, когда начала осматривать:

– Это же Лайзи, мисс Мира!

Огней скептически окинул взглядом высокую грудастую

девку. Исцарапанная, грязная, репейники в спутанных волосах. И всё же девку можно было назвать красивой, если бы не пустота в глазах. Ох, как он ненавидел эту пустоту! Она каждый раз напоминала о Марине.

А утром позвонил Брут, вызвал на совещание.

В этот раз людей в Управлении собралось мало, потому Большой зал не понадобился, разместились в кабинете старшего куратора: сам Мартин, командиры ловцов, Сирий и куратор сельхозсектора Наукограда Гробер. Последний казался мрачнее тучи. Огней подивился такому странному подбору участников.

– Прежде всего хочу поблагодарить присутствующих, – начал Брут, едва подчинённые заняли места за длинным, от стены до стены, столом. – Первую из поставленных задач мы выполнили успешно. Коровник, или, как теперь его называют, Улей, подготовлен. Двадцать тысяч самок отобраны и оплодотворены. Казалось бы, мы можем более не беспокоиться о сохранности генофонда. Но…

Он замолчал, обвёл взглядом собравшихся в кабинете.

– Но – что? – поторопил Огней. Не любил он эту игру на публику! Хочешь сообщить что-то важное – говори прямо.

– Будущему потомству грозят две опасности. Первая – обдолбы и та зараза, что они в себе несут.

– Забор вокруг Улья высокий, – хмыкнул Ост. – И Журавский надёжную охрану выставил.

Брут насмешливо скривил губы.

– Ты давно там был? Я – вчера. Огней, ты, кажется, тоже вчера туда наведывался? Не дашь соврать. Как только ветер начинает дуть со стороны Кока – смрад невыносимый. Сотни тысяч трупов лежат прямо на улицах, гниют. Зимой мы не обращали на это внимание, потом руки не доходили заняться. Но теперь лето начинается, жара. Курт бьёт тревогу. И я её полностью разделяю.

– Так вы что, хотите заставить нас падаль собирать? – не поверил свои ушам Ост. – Мы ловцы, а не похоронная команда!

– А кто у нас похоронная команда? – зловеще поинтересовался Брут.

Обернулся к главврачу:

– Курт, сколько у тебя санитаров в штате?

– Семь человек.

– До катастрофы на полуострове жило пять миллионов. То есть сейчас вокруг нас гниёт четыре миллиона трупов.

– Больше, – буркнул Сирий.

– Больше. И ты думаешь, Ост, всемером наши санитары сумеют захоронить все эти горы разлагающейся плоти?

– Но почему мы?

– А кто? Медики и волонтёры Фристэн заняты Ульем по самые уши. Мои люди круглосуточно на строительстве Питомника. А вас с учётом «пополненцев» почти шесть сотен. Если не вы, то кто?

Возразить было нечего. Мартин удовлетворённо улыбнулся.

– Значит, задача ясна. К зиме полуостров должен быть очищен. Дальше перешейка не пойдём – ресурсов нет. Да и территории для расселения на первых порах хватит с избытком. Нам ещё планету чистить. А уж осваивать её заново будут следующие поколения.

– А с живыми что делать? – не унимался Ост. – Мы ведь не можем допустить, чтобы они бродили где попало. Наши люди теперь живут за пределами купола…

– Ты прав: мы не можем ждать, пока они сдохнут, и устраивать чистку повторно. Захоронить нужно всех разом.

– Живыми?!

– Зачем живыми? Мёртвыми, разумеется.

На минуту в кабинете установилась тишина. Потом Давид уточнил:

– Я правильно понял: вы приказываете нам убивать всех подряд? Полная зачистка? Как во времена Гитлина или как там его?

Брут улыбнулся, покачал головой.

– Нет. Я уже говорил тебе однажды, повторю для всех. Эти люди давно умерли. Деактивировать их физическую оболочку – не убийство, акт милосердия.

– Как-как? Деактивировать? Замечательное словцо вы откопали, господин старший куратор. Такое обтекаемое.

– Это точное слово. Итак, задача ловцов – деактивировать остатки обдолбов на полуострове, захоронить трупы во избежание эпидемии – здесь вы будете сотрудничать с Сирием, – установить заслон на перешейке. Вопросы, возражения?

– А я-то радовался, когда не нас, а Журавского с его дармоедами отправили Улей охранять, – хмыкнул Ост. – Теперь завидую. Там тётки хоть и безмозглые, зато красивые. А главное – живые.

– Значит, вопросов нет, – подытожил старший куратор.

– Кроме одного. Вы говорили о двух угрозах, – напомнил Корсан.

– Правильно, Огней, молодец. Внимательный. Вторая угроза – голод.

– Голод? – Огнею показалось, что он ослышался.

– За последний месяц количество ртов в Наукограде

увеличилось в пять раз. Наши теплицы и фермы не рассчитаны на такую нагрузку, куратор Гробер не даст соврать. Если мы не предпримем незамедлительных действий, Улей вымрет от голода.

– Ерунда какая! – возмутился Ост. – В каждом мегаполисе склады забиты продовольствием. Хватит не то что двадцать тысяч, двадцать миллионов прокормить!

– Это отрава, а не продовольствие.

– Подумаешь, обдолбам не привыкать. Они всю жизнь этим питаются.

– Мне плевать, что они ели раньше! Сейчас эти самки вынашивают будущее человечества. Нужно обеспечить их здоровой пищей.

– Мы вывезли какое-то количество натуральных продуктов из столицы, – неуверенно пробормотал Давид. – Если поискать, возможно, в других городах тоже найдём продовольствие. Но его не так много, как хотелось бы. А элитные фермы были полностью роботизированными, ни одна из них зиму не пережила. Мы как-то не подумали об эвакуации животных, людьми занимались…

– Вот-вот! Так что пусть-ка наши генетики и селекционеры поднапрягут мозги, – поддержал Ост. – Африканского слона сумели вывести, а суперпродуктивные породы индюшек и коров не смогут? Нет, голод – это не наша проблема.

– Всё будет, не сомневайся, – кивнул Брут. – И новые теплицы мы уже строим, и поголовье мясомолочного скота планируем увеличить. А лет через двадцать-тридцать, когда рекультивируем почву и очистим атмосферу, угроза голода исчезнет окончательно. Но сегодня требуется другое решение. И если с углеводами нам хоть как-то поможет Калиера, то с жирами и белками положение катастрофическое. Своими ресурсами Наукоград не обойдётся.

– А я понял, о чём речь, – подал голос Влад Джарта. – Старший куратор собирается переквалифицировать нас в охотников. Кажется, в сибирской тайге и амазонской сельве ещё встречаются дикие животные? Вепри, еноты, косули… Я прав?

– Почти. Только лететь так далеко не придётся, и уничтожать косуль и вепрей, которые и так на грани вымирания, мы не станем. Диких зверей теперь полно и на полуострове. И раз уж они подлежат деактивации, будет расточительством уничтожать белковое сырьё, когда Улей в нём нуждается.

Брут, увидев, что ловцы смотрят на него с недоумением, обратился к главврачу:

– Почему я должен всё разжёвывать? Объясни ты!

Сирий прокашлялся.

– В общем, дело так обстоит. Часть из тех самок, что вы

привозили нам, была отбракована. Недоброкачественная наследственность, латентные формы заболеваний, некоторые другие причины… Не так много, где-то процентов десять – предварительную селекцию вы провели добросовестно, господа. Но и десять процентов на таком громадном потоке составили тысяча восемьсот тридцать семь чело… э… голов. С ними надо было что-то делать. Мы со старшим куратором посовещались и решили… в качестве эксперимента… остальных нужно было чем-то кормить!

Он достал из кармана платочек, вытер покрывшийся испариной лоб, пригладил пушистые, чуть тронутые сединой бакенбарды.

– В общем, эксперимент прошёл удачно. Качество мяса вполне приемлемо, в вареном виде самки его охотно поедают. Однако теперь морозильные камеры практически опустели. Суточная потребность Улья выросла до шестидесяти туш, так что оставшихся запасов и на три дня не хватит.

Огней не верил своим ушам. Он видел, как побелело лицо у Давида, как отвисла челюсть Оста. Всё слишком походило на дурной фильм, на ужастик для обдолбов. Или на глупый розыгрыш. Вот только у Курта Сирия чувство юмора отсутствовало напрочь. А Мартин если и шутил… то лучше бы не шутил! И значит, всё, о чём они говорят сейчас, – правда. И как раз в этом вся соль.

Огней захохотал. Сидевшие рядом ловцы вздрогнули от неожиданности, уставились на начальника. Испуг на лице Влада, обиженное непонимание у Оста. А Давид по-прежнему бледен как полотно.

– Интересно, что же так рассмешило господина Корсана? – ядовито поинтересовался старший куратор.

– Это истерика, – буркнул главврач.

Припадок хохота продолжал душить, и Огней с трудом проталкивал сквозь него слова:

– Смешно – девок на мясо… Красавицы, модели, актрисы… просто чьи-то дочери и подруги… а мы их на фарш, на колбасу.

Приступ прошёл так же внезапно, как начался, и уже внятно Огней спросил:

– Мартин, а вы уверены, что мы начинаем строить именно то Светлое Завтра, о котором говорилось на мартовском собрании?

– Абсолютно! Мы поставили перед собой сложнейшую задачу, потому обязаны найти оптимальное решение. Я нашёл. Кто-то из присутствующих предложит другое?

Другого ни у кого не было. Во всяком случае, у Огнея точно. Только Давид спросил сдавленно:

– Сотрудники Улья знают, чем кормят своих подопечных?

– Пока нет. Кроме присутствующих здесь, посвящены лишь люди Гробера, работающие в разделочном цехе и морозильнике – у скотобойцев нервная система покрепче, чем у ловцов. На кухни Улья мясо поступает в разделанном виде. Не нужно спешить. Осознание того, что двуногие существа во внешнем мире – не люди, мы будем внедрять в головы наукоградцев постепенно. Думаю, те, кому предстоит очищать полуостров от трупов, примут этот постулат очень быстро. И персонал Улья скоро начнёт видеть в своих подопечных некую породу «овечек». Затем придёт черёд и всех остальных. Человек – создание гибкое, быстро привыкает к переменам. А они в этот раз кардинальные. Мораль, нравственность, этика, на которых нас воспитывали, больше не действуют, а новых философы пока не изобрели. Да и философов не осталось, всех вороны склевали!

Собственная шутка Мартину понравилась, и он улыбнулся. Затем продолжил:

– Когда-нибудь мы придумаем новую философию. И новую историю, в которой не будет этой грязи. Пока же единственное, на что мы можем опираться, – здравый смысл и целесообразность. А чувствами учитесь управлять. Если выжить хотите. Вопросы? Возражения? Тогда переходим к деталям.

Он включил проектор, и стена кабинета превратилась в огромную карту.

Как и следовало ожидать, первым в плане очистки стоял Кок. Мартин Брут не любил терять время. Совещание закончилось в одиннадцать утра, а в два пополудни к мегаполису подтянулась тяжёлая техника. На пустырях экскаваторы начали рыть траншеи, с запада на восток вдоль проспектов и улиц двинулись самосвалы и бригады уборщиков. Впрочем, в «похоронных командах» работали новобранцы, те, кого записали в ловцы весной. У профессионалов была другая задача. Они шли первыми, обследовали каждый дом, каждый закуток бетонных лабиринтов. Там, где находили падаль, оставляли метки для уборщиков. Если падаль подавала признаки жизни, деактивировали.

Живых было на удивление мало. За четыре часа работы тройка Корсана деактивировала чуть больше двух десятков особей. В других командах дела обстояли так же. В апреле, когда начали отлавливать самок, Огнею побывать здесь не довелось. Зато он отлично помнил осенние экспедиции, когда ловцы ещё искали людей. Мегаполис оставался всё тем же: знакомые улицы, гипермаркеты, центры развлечений. И одновременно он изменился до неузнаваемости. Навеки погасла иллюминация,

заглох рёв музыки и рекламных слоганов, вездесущие боты превратились в бесполезный мусор. И десятки тысяч очумелых пустоглазых обдолбов, что сновали по улицам, то и дело натыкаясь друг на друга и на ловцов, тоже становились мусором. В отличие от ботов, они разлагались и смердели так, что респираторы не помогали.

Зато те немногие, что сумели пережить зиму, вполне приспособились к животному существованию. Пусть разума у них не прибавилось, но инстинктами пользоваться научились. Вечером первого же дня зачистки ловцы едва не убедились в этом на собственной шкуре.

Группа Корсана как раз обследовала тридцатиэтажку в жилом массиве, когда-то носившем название «Пятый-Жёлтый». Это была уже четвёртая их высотка. В прежние времена лифт помог бы обойти все квартиры за считаные минуты. Но теперь от него осталось одно воспоминание. Нужно было подниматься по узкой бетонной лестнице, заглядывать в каждую дверь, а потом так же по лестнице спускаться. В пролёте между пятым и шестым этажами у Огнея нестерпимо заломило в висках. Вектор?!

Однако красноты в глазах не было, реальность не плыла. Только предчувствие нехорошее.

– Стой! – скомандовал идущему впереди Борису. – Назад, быстро!

Ведомый удивлённо оглянулся, но переспрашивать не стал, отпрыгнул на несколько ступеней: после гибели Карловича в интуицию командира верили беспрекословно. Вовремя. Из полуоткрытой двери вылетел здоровенный булыжник, врезался в стену, отскочил, с грохотом покатился вниз.

Огней и Борис выстрелили одновременно, так, что пластиковую дверь с петель сорвало. Кто-то взревел от боли и тут же заткнулся.

На полу за дверью лежал здоровенный детина, с ног до головы обросший густой шерстью. Пули размолотили его лицо всмятку. В висках продолжало стучать, но и без этого ясно, что обдолб здесь не один. Из глубины квартиры доносился тихий скулёж.

Здесь было даже не гнездо, а гнездовье. В углу самой дальней комнаты жались друг к другу четыре самки. Все молодые, одна на вид вовсе подросток, и не сказать, чтобы отощавшие. Дикарь умудрялся кормить свой гарем обильно и калорийно. А стоило перевести взгляд в противоположную часть комнаты, становилось понятно чем. Вдоль стены громоздилась гора из костей. Человеческих.

Огнею стало противно до тошноты. Не на кости смотреть – на

самок в углу. Значит, это не Брут придумал – обдолбы сами начали жрать друг друга. Не люди…

– Ты смотри, плохо Джарта искал, – присвистнул Верон. – Мы за ними в Гонолулу летали, а они здесь, под боком. Три из четырёх точно сгодились бы. Вон откормленные какие.

– Хорошо, что откормленные, – кивнул Огней. – Мясо сочнее будет.

Он поднял автомат, перевёл на стрельбу одиночными, подошёл. Ни одна самка не пыталась сбежать, уклониться. Лишь смотрели затравленно, вздрагивали и скулили всё громче при каждом выстреле. Оставалось поднести ствол ко лбу и нажать спусковой крючок. Действительно, какое же это убийство? Деактивация.

На последнюю самку, которую товарки прятали за своими спинами, Корсан потратил две пули. Самка кормила грудью младенца. Малютке выстрелы и шум были нипочём, продолжала сосать, деловито причмокивая, даже когда мамаша завалилась навзничь, превратившись в кусок парного мяса. Так и умерла, не отрываясь от сиськи. Только крошечная ладошка дёрнулась. Реальность мигнула пронзительно-алым, и тут же отпустила боль в висках.

– Огней, зачем? – возмутился Борис. – Ребёнок наверняка родился умственно полноценным. Может, он прошёл бы селекцию!

– Не прошёл, как видишь.

Жилой район Наукограда вытянулся широкой двухкилометровой дугой. От Управления, больницы и общежитий три улицы шли сначала с запада на восток, потом – на юго-восток и юг, вдоль гряды, опоясывающей Калиеру, до самой биостанции. Одна там и заканчивалась, упираясь в центральную аллею парка. Две другие изгибались, меняли направление, уходили на северо-восток. Именно там, на склоне горной гряды, стоял коттедж Огнея. Он поселился в нём три года назад, когда получил нынешнюю должность. Самоутвердиться хотел, вырваться из-под опеки мамы и старшего брата. А то куда это годится – в подчинении полсотни отчаянных мужиков, а начальник за мамкин подол держится. Да, три года назад мама была ещё жива… Когда она умерла – не от «цветных вирусов», просто сердце слабенькое – братья собирались вновь поселиться вместе. Но… не сложилось. Не в последнюю очередь из-за соседки, леди Гамильтон. Со старшим Корсаном Маринка сдружилась чуть ли не сразу, как семьи переехали в Наукоград, хотя какая может быть дружба между четырёхлетней крохой и тринадцатилетним

подростком? Позже, когда у Николая начали отказывать ноги, девочка ухаживала за ним, заботилась, словно и впрямь была родной сестричкой. А вот с Корсаном-младшим такой дружбы не получилось. Сначала Огней не обращал внимания на путающуюся под ногами мелюзгу… а в шестнадцать лет вдруг заметил и влюбился в синеглазую тёмноволосую зазнайку по уши, начал отчаянно ревновать её к брату. Повзрослев, понял: глупости всё это. В Николае Марина видит друга. А в нём – брата друга, с наличием которого приходится мириться. И от этого становилось ещё обиднее.

Родительский дом братьев Корсанов был замечательным во всех отношениях: Виктор Корсан жильё для детей, а возможно, и внуков выбирал тщательно. У коттеджа Огнея имелось единственное достоинство – стоял он напротив апартаментов Мартина Брута. Быть соседом самого важного человека в Наукограде, общаться с ним не только официально, но и почти приятельски льстило самолюбию. Ещё бы, в двадцать восемь лет получить ответственную должность, обойти Давида Борна и Оста Гурима, очень опытных ловцов, – есть чем гордиться.

Однако сегодня это достоинство дома оборачивалось недостатком. Мартина видеть не хотелось, отвечать на расспросы о подробностях первого дня операции, о настроении ловцов – и подавно. Доложил, что всё идёт согласно плану, и довольно. Но нет. Старший куратор наверняка заглянет на огонёк по-соседски. И даже не столько спрашивать станет, сколько «морально поддерживать». Потому сразу от проходной Огней набрал номер брата.

– Привет! Ты дома?

– Привет, братик. Дома, где же мне ещё быть? Лаборатория наша закрыта, всю документацию по трансформам Бруту ещё на прошлой неделе сдал. Так что теперь я, можно сказать, на пенсии.

– А на постой примешь?

– Всегда пожалуйста. Твоя комната свободна, сам знаешь.

Николай встречал его на кухне.

– Извини, праздничный стол не накрыл. Но коктейлем угощу. Мохито будешь?

– Что? А ты… тебе не тяжело?

Николай рассмеялся.

– Ага! Ты же ещё не видел. Вот и повод похвастаться. Алле-оп!

Моторчик коляски зажужжал, она развернулась… и Огнею захотелось ущипнуть себя за ухо. У брата было две левые руки! Одна безвольно лежала на коленях, а вторая протягивала Огнею

стакан с напитком.

– Ну как? Управляется напрямую нервными импульсами.

Огней осторожно принял напиток. Не удержавшись, потрогал пальцы протеза.

– Здорово. Сам сконструировал?

– Почти. Разработка моя, а в металл и пластик воплотить помог Рой Виен. Знаешь такого? Старшим инженером в лаборатории Гамильтона работал. Золотые руки.

– Угу. Гамильтон под себя всех лучших специалистов Наукограда подмял. Гений, мать его.

Огней опустился на стоящий у стола диванчик, привычно сдвинулся в самый угол. В детстве здесь было его место. И диванчик, и стол, и вся обстановка в кухне оставались прежними. После смерти отца мама ничего не меняла, а уж Николай – тем более. Разве что проходы сделал шире, чтобы коляска могла проезжать без помех.

Брат подъехал к столу, поставил свой стакан с мохито.

– Чем Гамильтон тебе так насолил?

– Ещё спрашиваешь! А кто всё это устроил? Кто миллиарды людей угробил? Даже дочь родную.

– Прекрати. В чём в чём, а в гибели Марины Ирвинг не виновен.

– Не виновен?! – Огней вскинулся. И тут же поник. – Да, ты прав. Это из-за меня она превратилась в…

– Здрасьте-приехали! А ты в чём виноват? В том, что Марина не вернулась домой вовремя? Скорее уж я должен себя корить – не заметил подмены картинки.

– Моя вина в том, что уступил её этому…

– Что ты мог сделать? Утащить её под венец под дулом пистолета?

– Да! Чёрт возьми, да! Под дулом пистолета, со связанными руками и ногами и с одурманенной головой. Только не отдавать этому животному. Он и до катастрофы животным был!

– Пойди убей его. Может, полегчает.

– С удовольствием! Эту тварь – с большой радостью.

Он схватил стакан, отхлебнул чуть ли не половину. Скривился:

– Безалкогольный!

– Принятые в Наукограде законы никто не отменял.

– Законов больше нет. Морали, нравственности, этики – тоже. Мартин это очень хорошо объяснил.

Огней ещё раз пригубил, вздохнул:

– Нужно было у Оста попросить. У него всегда фляжка с собой. Да и Семён, похоже, начал употреблять после

австралийской экспедиции.

Николай помолчал, спросил тихо:

– Тяжело сегодня было?

– Ерунда, не бери в голову. Очистка идёт согласно утверждённому плану. Думаю, за две недели с Коком управимся и дальше пойдём.

Они снова помолчали. И снова первым заговорил Николай:

– В гибели Марины не виноват никто. Она хотела стать частью внешнего мира, и она ею стала, как ни кощунственно это звучит. Будем уважать её выбор. А случившаяся трагедия слишком страшна, чтобы обвинять в ней кого-то. И… знаешь, я тебе уже говорил однажды: твои чувства к Марине всего лишь юношеская влюблённость. Пора взрослеть, братик.

Огней зло зыркнул на него:

– Это ещё к чему было сказано?

– К тому. Мне непонятны ваши отношения с Сэлой.

– А вот в это не лезь! С кем мне трахаться, я сам разберусь.

– Именно что «трахаться». Мне кажется, ты не понимаешь, какой она…

– Это ты, братик, не понимаешь. Забыл, наверное? Не притащи я её в Наукоград накануне эксперимента, она бы сейчас не куратором Улья была, а «пчеломаткой». И то в лучшем случае. А скорее, гнила бы на помойке, и никакой диплом по древней культуре не помог бы. Я спас её от того, что похуже смерти.

– Поэтому имеешь право делать с ней всё, что пожелаешь? – жёстко спросил Николай.

– Да! И она это осознаёт. Ноги мне целовать готова.

Огней залпом осушил стакан, стукнул им по столу:

– Всё, в следующий раз возьму у Оста какого-нибудь пойла.

Огней преувеличивал – ноги Сэла ему не целовала. То давнее её признание в любви стало первым и последним. И прав был Николай: отношения их складывались странно. Ни дружбой, ни любовным романом назвать это нельзя. Чем можно – Огней предпочитал не задумываться. Ни разу девушка не подошла к нему первой, не позвонила. Он тоже предпочитал не звонить, являлся в общежитскую комнатушку без предупреждения. И каждый раз видел, как вспыхивает радость в серых глазах. Сэла преображалась. Обычно серьёзная и задумчивая, она вдруг начинала радостно щебетать, то и дело выдавая очередную глупость. Хлопотала вокруг гостя, старалась накормить вкусненьким. В общем, вела себя так, как и должна вести вчерашняя внешнемирка. Огнею было смешно наблюдать за ней. И приятно. Напряжение уходило, лишние мысли, заботы

отступали на второй план.

А потом он брал её. Всегда неожиданно, обрывая на полуслове глупую болтовню. И каждый раз пытался уловить тот необъяснимый аромат, что ощутил в самый первый раз. Иногда казалось, что уловил. Мир вокруг вспыхивал тысячами крохотных радуг, не оставалось ничего, кроме ощущения счастья, бесконечной свободы и силы. Он мог летать в такие мгновения, мог приподнять весь Наукоград, всю Калиеру на своих плечах… Огней умел быть честным с собой. Все женщины, что были у него до Сэлы, теперь казались пресными и безвкусными.

Потом они лежали, обнявшись, в её тесной кровати, и эйфория уступала место ужасу. Огнею начинало казаться, что он попал в наркотическую зависимость от этой близости, от призрачного аромата. Он обещал себе порвать с Сэлой. Но проходила неделя или две, мрачная повседневность вновь наваливалась непосильным бременем. Спастись от неё – пусть на несколько часов – Огней мог в единственном месте. И он вновь шёл к Сэле.

Второй день очистки стал почти точной копией первого, с той лишь разницей, что начался он не в два пополудни, а в девять утра. «Пятый-Жёлтый», «Четвёртый-Жёлтый», бульвар Благоденствия – забирающаяся под маски респираторов вонь, почерневшие, прогнившие трупы под ногами, короткие автоматные очереди, урчание гружённых падалью самосвалов за спиной. Группа Огнея методично двигалась сквозь кажущийся бесконечным мегаполис. Где-то рядом шли Ост и Семён, невезучий Джарта обследовал старые развалины на побережье. Те районы были заброшены задолго до эксперимента, работы там куда меньше. Но и море воняло не в пример сильнее, чем разлагающаяся плоть.

На этот раз в Наукоград Огней не поехал, решил переночевать в гостинице Улья. У Сэлы.

По обыкновению, предупреждать о визите он не стал. Смыл с себя грязь и вонь Кока, переоделся в чистое и направился в скромные апартаменты куратора Улья.

– Сэла, привет! – окликнул с порога.

Запирать жилища наукоградцы перестали ещё лет пятнадцать назад. По привычке не запирали и комнаты в гостинице. Чего опасаться? Периметр, охватывающий сам Улей, гостиницу и станцию монорельса, надёжно охранялся. Вышки с крупнокалиберными пулемётами, мощные прожектора – ни один обдолб не проберётся. А вскоре и не останется поблизости обдолбов.

Ответа на приветствие не последовало. Удивлённый Огней прошёл через холл, заглянул в спальню. Пусто. А времени-то уже – девятый час, он не спешил с визитом.

Огней посмотрел на визифон. Позвонить, узнать, почему задерживается? Это будет ещё одним его маленьким поражением. Он и так слишком много позволил этой внешнемирке, слишком много личной свободы ей уступил.

Всё же он позвонил – Журавскому.

– Добрый вечер, это Корсан. Могу я узнать, Фристэн из Улья ещё не выходила? Как – в обед?!

Сердце нехорошо ёкнуло. И тут же – от входной двери:

– Здравствуйте, кто здесь? Огней?!

Он шумно выдохнул, крикнул Журавскому: «Всё, отбой!», – бросился навстречу.

– Огней…

Сэла остановилась посреди комнаты. Потом метнулась к нему. Повисла бы на шее, но он не позволил, перехватил руки. Неожиданный страх за девушку обернулся злостью.

– Ты где шлялась? Мне сказали, ты с работы ещё в обед ушла! Ты что, не понимаешь: во внешнем мире сейчас очень опасно. За периметр – ни ногой, поняла? Или хочешь, чтобы тебе какая-нибудь тварь двуногая шею свернула?!

Сэла удивлённо уставилась на него. И – засмеялась. Звонко, заливисто.

– Нет! – Она покачала головой. – Я за периметр не ходила. Я в Наукограде была. Только что вернулась.

Огней прикусил язык. Стало стыдно и за страх дурацкий, и за злость, и за звонок Журавскому. В самом деле, она ведь куратор! Не обязана отчитываться начальнику охраны о своих планах.

– Что, Мартин на совещание вызывал? – спросил кисло. – «Как нам лучше обустроить Улей»?

– Не угадал. Я была на свадьбе. Ксения Полёва замуж вышла, представляешь? Первая свадьба после катастрофы. Наукоградцы оживают. Снова женятся, потом женщины детей начнут рожать. Мы ведь это тоже умеем. – Она задиристо вздёрнула подбородок.

– Угу. В этом вы от обдолбок ничем не отличаетесь. И кто же оказался счастливчиком? Женихом?

– Томински, Алекс. Ты его знаешь?

– Томински?!

И жениха и невесту Огней знал с детства. Полёва была его одноклассницей в наукоградской гимназии, Томински учился в параллели Николая. Рослая статная Ксения рядом с большеголовым коротышкой, блистающим не по годам обширными залысинами, – картинка получалась ещё та.

Не удержавшись, Огней захохотал.

– Ты почему смеёшься?

– Представляю парочку. Эх, жаль, воочию увидеть такой цирк не довелось!

– Нельзя судить о людях по внешности. Они любят друг друга, это главное.

– Да ради бога! Пусть себе любятся и размножаются. Надеюсь, детки позаимствуют внешность мамы и мозги папы, а не наоборот.

Сэла укоризненно покачала головой.

– Огней, зачем ты пытаешься найти грязь там, где её нет? Почему не хочешь просто порадоваться счастью людей? Знаешь, свадьба была скромная, но очень красивая. Ксения попросила меня помочь оформить всё под старину, под эпоху классицизма. Мы сшили ей белое платье, фату, а для Алекса – чёрный пиджак и галстук.

Она вновь улыбалась. Была счастлива, радовалась за подругу. Огнею перехотелось смеяться, к горлу подкатила злость. Грязь он, значит, ищет? А вы чистенькие? Не знаете, какое Светлое Завтра строит для вас Мартин. И что за мясо привозят вам для «пчеломаток», не ведаете. Может, и не только для «пчеломаток»… Во всяком случае, ловцы старались в столовую Улья не заходить. А если и приходилось, мясных блюд избегали.

Злость требовала сообщить правду немедленно, стереть радостную улыбку с лица Сэлы. Огней стиснул зубы, подавляя это желание. Потянул к кровати, обрывая глупую болтовню о свадьбе:

– Пошли!

Сэла замолчала, оглянулась на дверь ванной комнаты.

– Я приму душ? Я быстро…

– Нет!

Кок простирался на тридцать километров вдоль морского побережья и на десять – в глубь полуострова. Третий по величине мегаполис Крыма. По численности населения он тоже был третьим – до катастрофы. Но теперь город казался Огнею необычно пустынным даже в сравнении с теми местами, где ему довелось побывать в поисках «пчеломаток». Ловцы легко укладывались в отведённый старшим куратором срок. Да что там! Они перевыполнить план могли. На десятый день очистки группа Огнея вышла на северо-восточную окраину мегаполиса, к элитным районам. Впереди, за аллеей поблекших пластиковых пальм, маячила старинная крепостная башня – приснопамятный «Мегакрут».

Но дойти туда ловцы не успели. Визифон на руке Огнея

внезапно заорал голосом Оста:

– Корсан, нам нужна помощь! Срочно! Мы на площади Становления. Здесь – такое!

Огней напрягся. Опасность? Но векторов перед глазами нет, в горле не першит, в голове не звенит, в висках не ломит.

– Что случилось? На вас напали?

– Хуже! Семён со своими ребятами подошёл, но мы и вдесятером не справимся.

– Занять круговую оборону и ждать! – приказал единственное, что в голову пришло.

До площади Становления было не так и далеко – два квартала, десять минут бегом. А уже через пять Огней понял, в чём дело. Вернее, увидел.

Это было то место, где Брут устроил свалку вывезенного из Улья продуктового мусора. И обдолбы оказались не такими уж и тупыми. Быстро сообразили, что к чему. И устроили Большую Жрачку.

Вся площадь и прилегающие к ней улицы кишели человеческими телами. Человеческими? На некоторых ещё уцелели обрывки засаленных, потерявших цвет тряпок, но большинство были совершенно голыми. Грязные, исцарапанные, тощие, больше всего они походили на червей в исполинской куче дерьма. Переползали с места на место, рвали когтями и зубами упаковки, чавкая и отрыгивая, заталкивали в себя содержимое. Были такие, что корчились в кале и блевотине, были, что уже и не шевелились – то ли заглотили для глотания не предназначенное, то ли просто обожрались до смерти, – но остальных это ничуть не беспокоило. Здесь же существа устраивались спать, испражнялись, совокуплялись. Они были не людьми – Брут сто раз прав.

К Корсану подбежал Ост.

– Вот, вот! Видишь?

– Так в чём проблема, не понял?

– Их здесь тысячи две, по крайней мере. Что с ними делать?! Может, Бруту позвонить? Он же бывший военный, наверняка знает о старых складах с химоружием. Травануть бы всех скопом…

Огней презрительно смерил взглядом помощника.

– Это мясо для Улья. Предлагаешь его отравить? Никаких ядов, исключительно механическая деактивация. А то, что мясо само в одно место сползлось – так это замечательно. Я уж опасался, что Кок вымер и «пчеломатки» голодными останутся.

Ост развёл руками.

– Тогда вызывай конвертопланы, попробуем с воздуха их

сделать.

– И это плохое решение. Половина разбежится, как только стук винтов услышит. Остальные начнут расползаться по норам, когда стрелять станем. Вдобавок сверху мёртвых от живых отличить трудно. Будем работать с земли. Тихо и аккуратно.

Ост чуть не плакал.

– Огней, их слишком много. Убить столько людей… У нас патронов не хватит!

– Не убить, а деактивировать. Запомни это слово, сколько раз тебе повторять! Что касается патронов…

Он постоял, задумчиво разглядывая копошащиеся груды тел. Затем забросил автомат за спину, достал тесак из чехла. Шагнул к ближайшему обдолбу неопределённого пола и возраста. Ухватил за колтун волос, запрокинул голову, быстро черканул лезвием по горлу. Существо посмотрело сквозь него осоловелыми от пережора глазами, икнуло. И выплеснуло на грязный бетон улицы алую струю.

Огней разжал пальцы, позволяя телу упасть, шагнул к следующему, повторил операцию. А дальше и шагать не требовалось – копошащиеся тела устилали всё вокруг. Подбирай и режь. Словно жнец в поле.

Он обернулся к подчинённым.

– Видите, патроны можно сэкономить. Чего ждёте? За работу! Неужто мы, дюжина профессионалов, не управимся с жатвой?

Семён поёжился.

– Огней, зачем так? Ладно уж из автомата. Нам сказали, что их надо отстреливать, – мы отстреливаем. Но так! Это… не по-человечески!

– Где ты видишь людей? Это – люди?! – он с остервенением саданул носком ботинка совокупляющуюся у его ног парочку. – Хватит сопли пускать! Тесаки наголо! Работать! Быстро!

Всё же жатва оказалась слишком тяжкой для двенадцати. Почти непосильной. Огней потерял счёт времени, а счёт срубленным он и не начинал. У некоторых обдолбов просыпался инстинкт самосохранения, они вскакивали, бросались наутёк. Приходилось догонять, а то и стрелять в спины. Другие начинали царапаться и кусаться, беспомощно елозя по прочной ткани комбинезонов. Но большинство встречали смерть равнодушно. Не люди!

Под конец рука онемела от усталости. Огней замахнулся, а ударить не получилось. Тесак выпал из пальцев, оставив только небольшую царапину на шее обдолбки – перемазанной нечистотами старухи с пустыми мешками вместо грудей и свисающими с живота складками кожи. Старуха заскулила

жалобно, выронила надкушенный синт-бургер, поползла прочь. Огней поднял тесак, устало пошёл следом. Догнал, перевернул на спину, опустился радом на колено. Ударил раз, второй, третий – никак не получалось попасть по горлу. Потом всё-таки попал, еле успел уклониться от брызнувшей в глаза горячей струи. И понял: всё, предел. На большее сил нет.

Большего и не требовалось. Работу они сделали, причём отлично. Но чего это стоило! Семён сидел на груде трупов и плакал, словно ребёнок. Ост держал за длинные чёрные пряди отсечённую женскую голову и глупо хихикал, разглядывая. Борис тёр испачканный кровью лоб, но и перчатки, и рукава комбинезона по самые локти были густо-алыми, так что становилось только хуже.

Огней посмотрел на часы и удивился: время едва перевалило за полдень. А казалось…

– Всё, на сегодня рабочий день закончен, возвращаемся в Наукоград, – скомандовал. – Уборщикам до вечера работы здесь хватит. Ост, брось эту дрянь! Звони Гроберу, пусть дополнительные транспорты высылает. Улей мы на месяц белковой прикормкой обеспечили.

Семён повернул к нему заплаканное лицо.

– Огней, мы же убийцы, монстры.

Корсан вскарабкался к нему, наступая на чьи-то спины, животы, груди – всего лишь на туши забитого скота, – похлопал по плечу:

– Выбрось дурь из головы. Мы теперь не ловцы, мы охотники, добытчики. А если ты себе чего-то там воображаешь… Отключи воображение. Деактивируй!

Есть не хотелось, несмотря на то что подошло время обеда. Зато клонило в сон. Смертельно. Огней едва вытерпел те полчаса, пока вагончик монорельса катил их к воротам Наукограда. По визифону отчитался о проделанной работе Бруту и возблагодарил судьбу, что тот занят на строительстве Питомника.

На проходной Корсан вытребовал электромобиль и водителя – развести ловцов по домам. Крутить педали или топать на своих двоих силы ни у кого не осталось. Ост и вовсе захрапел ещё в вагончике, выхлебав досуха свою флягу. Едва добрался до коттеджа, Огней, не раздеваясь, упал на кровать и провалился в сон, больше похожий на беспамятство.

Разбудил звонок интеркома. Огней сел, очумело потряс головой. В окна по-прежнему светило солнце, только отчего-то не с запада, как полагалось бы, а с востока. С минуту он пытался осмыслить сей феномен. Но интерком трезвонил и трезвонил,

пришлось вставать, шаркать к нему. Николай.

– Привет, братик! Ох и здоров же ты спать. Я тебя раз десять по визифону вызывал – глухо. Волноваться начал, но твои ведомые сказали, что ты дома, отсыпаешься, что Брут вам выходной дал «за перевыполнение плана». Вот и начал звонить на домашний, у него вроде «голосок» погромче.

– Выходной? – глупо переспросил Огней.

Посмотрел на календарик в углу экрана. Получается, он почти сутки спал?! Спохватился:

– Что-то случилось? Зачем ты меня искал?

Николай улыбнулся:

– Поздравить хотел, папаша. Или ты передумал?

Сонная одурь отпускала медленно.

– Что «передумал»?

– Ау, просыпайся! Марина сегодня ночью родила. Мальчика!

– Что?! Где ребёнок?

– Думаю, там же, где и мама. А ты…

Огней не дослушал. Он уже бежал к первому лабораторному корпусу.

Корсан не удивился бы, обнаружив у клетки Гамильтона. Но вместо профессора там стояла Сэла.

– Ты?!

Девушка обернулась. Улыбнулась приветливо.

– Добрый день, Огней. Меня срочно вызвал господин Курт вчера вечером, когда начались схватки. Это ведь первый ребёнок, которого рожает… – Она запнулась. – Главврач сказал, что я должна знать особенности поведения моих подопечных, быть готовой к неожиданностям. На счастье, она ведёт себя адекватно, как нормальная женщина. Инстинкт материнства заложен в нас куда глубже, чем разум.

Огней повернулся к клетке. Марина восседала в своём гнезде, бережно прижимая младенца. Ребёнок цепко держался за белую, налитую молоком грудь, сладко причмокивал.

У Огнея потемнело в глазах. Вспомнился самый первый день очистки, гнездо каннибалов, обдолбка, кормящая грудью ребёнка…

– Не сметь!

Он сорвался с места, заскочил в клетку, выхватил младенца из рук матери, выбежал наружу, с силой захлопнул дверь.

Сэла удивлённо смотрела на него.

– Огней, что случилось? Биохимики проверяли молоко, оно превосходно.

– Не сметь давать моего сына этой твари! Понятно?

– Хорошо, Огней, как скажешь. Только успокойся. Можно, я возьму?

Она протянула руки к ребёнку. Огней вдруг увидел, какой тот крохотный, хрупкий. Одно неверное движение – и сломаешь. Безропотно отдал младенца. Пробормотал неуверенно:

– Есть же какие-то смеси или… не знаю!

Он в самом деле не знал, как быть дальше. Нет, он не передумал: этот малыш будет его сыном. Он воспитает его так, как следует. Но… пока что ни времени, ни знаний для этого у него не хватало.

Огней упрямо сжал губы. В конце концов, внешнемирка обязана ему всем.

– Ты выйдешь за меня замуж. Моему ребёнку нужна мать.

Девушка удивлённо моргнула. Быстро посмотрела на существо, вцепившееся в прутья клетки, пожирающее взглядом собственное дитя.

– Но… Николай говорил: ты любишь Марину Гамильтон.

– Марина Гамильтон умерла. Эта тварь никакого отношения к ней не имеет! Понятно?!

Сэла поспешно отступила.

– Не кричи, ребёнка испугаешь.

Огней прикусил губу. Как он ненавидел сейчас этих мразей в клетках! Одну – за то, что всё ещё была слишком похожа на Марину. Другого – за то, что Марину погубил. Он пожалел, что нет под рукой ни автомата, ни тесака даже.

– Ты не ответила на моё предложение, – произнёс.

– Предложение? – Сэла грустно улыбнулась. – Я его принимаю. Знаешь, я полюбила тебя, как только увидела. Когда ты впервые вошёл в мой магазин. Ты, наверное, и не помнишь. На тебе был абсолютно нелепый балахон – маскировался под внешнемирца. Но стоило мне посмотреть в глаза… Взгляд льва в засаде. Не знаю, как объяснить. В тот миг я не думала о Наукограде, вообще не думала ни о чём… А потом ты меня спас, и, значит, у меня нет выбора, правильно?

– Правильно. Сына мы назовём Виктором, как моего отца. Не хочу, чтобы он считал родителями вот этих. – Он мотнул головой в сторону клеток. – Чтобы вообще о них знал.

Он взял Сэлу за плечи, бесцеремонно развернул к выходу:

– Пошли, нечего здесь делать.

Существо в клетке отчаянно взвыло.

На смену июню пришёл июль, затем начался август. Первое лето новой эры шло своим чередом, будто катастрофы и не было. И жизнь Улья нашла своё русло. Кормёжка и уборка по

расписанию, взвешивания и замеры – словно это и впрямь ещё одна ферма Наукограда, и в клетушках-стойлах жили козы либо овечки, а не существа, так похожие на людей. Похожие, но не люди. Мартин Брут не ошибся: обслуживающий персонал Улья быстро свыкся с этой реальностью. За исключением разве что куратора Фристэн.

Первое время подчинённые относились к Сэле настороженно. Некоторые – старожилы Наукограда – снисходительно. А уж о том, чтобы выполнять беспрекословно распоряжения, и речи не шло. Она ведь не Мартин Брут и не Огней Корсан. Без году неделя в городе, а уже куратор такого ответственного проекта! Сэла не отчаивалась. Главное – знать, что дело, которым занимаешься, правильное, и делать его с душой. А ещё – рядом с ней были друзья. Настоящие, каких никогда прежде у неё не водилось, хоть и мечтала о них с детства. Друзья, которым не нужно втолковывать прописные истины. Одни, в точности как и она, ощущали мир разноцветным архивом совершённых поступков. Другие, пусть и не видели чёрных радуг, но умели доверять и любить.

Наверное, именно уверенность в собственной правоте и поддержка друзей помогали изменить отношение окружающих. Сэла сама не заметила, когда, в какой день, после какого поступка или распоряжения она перестала быть «выскочкой, внешнемиркой». А скорее, никакого конкретного дня и распоряжения не было. Уважение и признание распространялись постепенно, как тепло очага в зябкой комнате. Сначала оно согрело волонтёров Улья, работавших с Сэлой плечом к плечу. Потом вахтовые бригады медиков и биохимиков унесли его под купол Наукограда. Теперь даже начальник охраны Журавский обращался к ней уважительно. И Мартин Брут во время совещаний больше не смотрел с иронией. Пусть разговаривал жёстко и отрывисто, но как равный с равной.

Однако больше, чем уважение сотрудников и признание руководства, ценила Сэла привязанность своих подопечных. Она не желала видеть в них животных. Тяжело, может быть, безнадёжно больные – но люди! И женщины будто понимали это. Они узнавали её, выделяли среди кормильщиков, уборщиков, медиков и прочих визитёров. Когда она появлялась в ангаре, не жались к стенам, наоборот, подбегали к решётке, протягивали руки, норовя прикоснуться. А стоило ей самой войти в клетушку, так и вовсе тёрлись о ноги большими кошками. Разве что не мурлыкали.

Почти всё свободное время Сэла проводила рядом с подопечными. Часто приходила с маленьким Виктором на руках.

Тогда женщины делались особенно тихими и ласковыми. Грудились у решётки, тянулись, агукали жалобно – просили дать подержать или хотя бы погладить. Гладить Сэла разрешала, держать – нет. Уговаривала: «Потерпите, скоро и у вас будут маленькие».

Чаще всего она останавливалась у клетушки Милы Кахая. Бывшая одноклассница радостно взвизгивала и начинала о чём-то «рассказывать». Сэла пыталась уловить связное в её лепете, увидеть искорку разума в прекрасных карих очах. Иногда казалось, что ей это удалось. На миг…

Однажды Ксения Полёва застала её вот так «разговаривающей». Спросила удивлённо:

– Сэла, что ты делаешь? Всё ещё веришь, что они смогут вернуться?

Сэла покачала головой.

– Неважно, во что я верю. Господин Гамильтон очень любил свою дочь, но это не помогло спасти её. А ведь любовь – самое сильное чувство.

Ксения помедлила. Тихо произнесла:

– Сэла, Алекс сказал мне по секрету: Гамильтон до сих пор продолжает свои эксперименты.

К концу лета Сэла Фристэн стала полноправным членом Совета кураторов. Единственным из руководителей Наукограда, кто упорно не желал принимать её всерьёз, был… старший ловец Огней Корсан. Это сделалось настолько очевидным, что в конце концов даже Мартин Брут не выдержал. Спросил во время закрытого совещания, посвящённого очистке:

– Огней, до меня дошла информация, что у тебя есть претензии к куратору Улья.

Корсан фыркнул презрительно.

– С чего бы? Говорят, «пчеломатки» её обожают. Не иначе за свою держат.

– Вижу, ты невысокого мнения о жене?

– Какое может быть мнение об этих обд… о жителях внешнего мира? Уж кто-кто, а я её помню прекрасно ещё с тех времён.

– Полное ничтожество? – улыбнувшись, подсказал Брут.

– Почти. Не приспособленная к жизни, с ворохом бесполезных и во внешнем мире, и у нас знаний в голове.

– Кажется, именно ты привёл её в Наукоград? Как раз накануне эксперимента.

– Да, но… Я много кого приводил! Пожалел убогую, признаю.

– Женился на ней тоже из жалости?

– Да!

Мартин прищурился.

– Странный ты, Огней Корсан. Специалист отличный, умеешь людей за собой повести. Но иногда бываешь… – Он прищёлкнул пальцами. – Недальновидным. Слепым даже.

Огней нахмурился.

– Что вы хотите сказать?

– «Неприспособленная» Сэла проникла в Наукоград накануне тотального оглупления. Затем забралась к тебе в постель – мне отчего-то думается, что это была её инициатива, нет? Стала твоей женой и тем самым – приёмной матерью первого ребёнка нового поколения. Параллельно вошла в Совет кураторов…

– Это вы её назначили!

– Правильно. А почему? Ты ни разу не видел связанных с ней векторов?

– Нет. Я их давно не вижу.

– А я – вижу. Во время мартовского собрания весьма отчётливый висел над твоей жёнушкой. Синий.

– Синие – это ведь хорошо? Благоприятная вероятность.

– Вот-вот, потому и назначил. И не ошибся: вроде бы Улей процветает. Но что-то в твоей Сэле есть эдакое. Не разобрался я в ней пока. А когда разберусь…

– Что сделаете?

Брут улыбнулся вновь.

– Может, назначу своим преемником. А может… Ладно, давай поговорим об очистке.

Если в Улье, на строительстве Питомника и новых оранжерей всё шло по плану, то очистка полуострова грозила затянуться. С Коком ловцы уложились в отмеренный срок. Но дальше начиналась восточная промзона. Против ожидания несколько тысяч обдолбов успели мигрировать туда. И выкурить их из лабиринтов коммуникаций, раскинувшихся на сотни километров, было куда сложней, чем устраивать жатву на площади Становления. На это ушёл весь остаток июня и половина июля. А потом Брут вдруг отправил Давида с полусотней ловцов обследовать южный берег. Напрасно Огней пытался объяснить старшему куратору, что жизни там давно нет, что от ядовитых испарений люди сбежали сто лет назад. Что отвлекать на эту работу лучшие звенья, когда каждый человек на счету, нецелесообразно. Брут был непреклонен. Возможно, обдолбы лишь предлог, и он хотел испытать в экстремальных условиях первую сошедшую со стапеля тройку трансформов? В любом случае начинать зачистку центрального Крыма пришлось в усечённом составе.

До катастрофы Сиф был самым многолюдным мегаполисом полуострова. И он таким оставался. Как ни странно, почти треть его жителей перезимовала успешно. Зато в конце весны – начале лета здесь прокатилась вторая волна массового мора. Август выдался жарким, не успевшие сгнить и усохнуть трупы раздувались, словно воздушные пузыри, взрывались от малейшего прикосновения, вонючая жижа ручьями текла по улицам, собиралась в жирные лужи. Не было и речи, чтобы работать по восемь-десять часов, как в первые дни очистки. Четыре утренних часа, потом – прочь из ядовитого ада. Огнею казалось, что они не пройдут этот бетонный скотомогильник никогда. Те из обдолбов, кто был ещё жив, едва передвигались. Покрытые язвами и коростой, выглядели они так отвратительно, что сразу становилось понятно: на корм не годятся. Иногда их даже не добивали – забрасывали в кузова самосвалов вместе с трупами, сгружали в траншеи, засыпали землёй. Некоторые пробуждались от сонной одури, пытались выкарабкаться из могилы, спастись. Наблюдать за этим стало у ловцов одним из немногих развлечений. Кто успеет первым – обдолб или бульдозер, катящий перед собой земляной вал? Обычно успевал бульдозер. Если обдолб побеждал в забеге, то получал приз – пулю в лоб.

В середине августа неожиданно похолодало, прошли дожди. Потоки воды смыли липкую грязь с улиц, даже воздух как будто очистился. Ловцы приободрились, хоть и пережившие второй мор обдолбы становились весьма прыткими. Но охота на них была уже привычной работой.

Огней начал заказывать мясо в столовой Улья. Куда деваться? Теперь и он жил в гостинице. Сэла должна быть рядом со своими подопечными, маленький Виктор – возле мамы. Огнею оставалось принять этот расклад.

Он как раз отпиливал ножом кусок от сочной, большой, в тарелку размером, отбивной и старался не думать, с какого животного её срезали, – в меню значилось «свиная», но кто знает правду? – когда услышал:

– Привет, Корсан.

Огней поднял глаза. У его столика стояла чуть полноватая женщина с коротко стриженными пепельными волосами.

– Добрый вечер. – Он её не узнал.

– Я давно хотела тебе сказать… Зимой, когда ты послал на смерть моего мужа…

Словно током ударило – жена Карловича! Вдова, вернее.

– Когда ты Стэна убил, я вне себя была. Не знала, что мне делать. Если бы не дети… И после… У нас ведь справедливости больше не сыскать, Великая Цель всем правит. А теперь я иначе

думаю. Это хорошо, что Стэн тогда погиб. Что не стал таким же, как ты и твои дружки. Убийцы!

Огнея подбросило.

– Ты!

Слушать возражения женщина не собиралась. Развернулась и быстро пошла к выходу. Пришлось кричать в спину:

– Думаешь, сама не такая? Чистенькими себя тут считаете?!

Он хотел добавить о мясе, без которого Улей передохнет, о зверёнышах, что рано или поздно подрастут по ту сторону перешейка. Но тут на плечо легла крепкая ладонь. Семён.

– Брось, Огней. Она дура, сама не понимает, о чём говорит. Пошли лучше к нам. Ост празднует.

– По какому поводу? – Огней перевёл дыхание, успокаиваясь.

– Как же! Своего тысячного отмечает.

Между ловцами и в самом деле шло негласное соревнование. Причём засчитывались исключительно те обдолбы, что годились на корм, а не в скотомогильник. Добыть собственноручно тысячу туш – достижение немалое. Впрочем, Огней в соревновании не участвовал.

– …Я её специально подбирал… О, а вот и наш командир! – Ост был уже изрядно навеселе. – Ребята, командиру налейте.

Корсану тут же подвинули стакан с резко пахнущей жидкостью. В качестве закуски – ломти обжаренного мяса на блюде посередине стола. Выбирай, какой на тебя смотрит. Интересно, какими глазами «смотрит»? Карими? Голубыми? Зелёными?

– …значит, бабу обязательно, молодую и красивую. – Ост продолжал разглагольствовать. Свой стакан он из руки не выпускал, то и дело размахивал им, и коричневатая жидкость выплёскивалась на скатерть. – Чтоб запомнилась. Тысячная всё-таки.

Огней подивился подобной разборчивости. Сам он пол и возраст обдолбов давно перестал замечать. Они делились на две категории – мясо и мусор.

– Подхожу, беру за загривок. А она так смотрит на меня, смотрит… Зеленоглазая… А потом будто поняла. Закрыла глаза, и слёзки по щекам. Щёки грязные, в пыли. И на них – дорожки светлые. Тут я её тесаком – хрясь! Хрясь! Хрясь! Срубил головешку.

– Скальп на память содрал? – мрачно поинтересовался сидевший рядом с ним Влад.

– А? Не, не додумался.

– Я со своего тысячного обязательно сдеру. Мне полсотни осталось.

– Что ж ты раньше не подсказал? Эх… – Ост взглянул на свой полупустой стакан. – А ну её, память!

Выпил залпом. Остальные последовали его примеру. Жидкость оказалась очень крепкой, но на вкус приятной.

Корсан потянулся за куском мяса, чтобы закусить, но Семён вдруг навалился на плечо, зашептал в ухо:

– Огней, с женой у тебя как?

Не дожидаясь ответа, пояснил:

– Я со своей не могу. Как увижу её голую, наваждение начинается – будто зарезать её должен. Что делать?

– Фантазию деактивируй, сколько раз тебе говорить. Не путай этих тварей с людьми.

– А я их с людьми не путаю. Скорее, наоборот…

Он отстранился, посмотрел на Огнея неожиданно трезво:

– Ленка Карлович нас убийцами назвала. Что касаемо обдолбов – глупость это, конечно. Тогда уж все наши фермеры убийцы. Но я, знаешь, чего боюсь? А если мы не только обдолбов?.. Раньше и мысли такой не возникало. А сейчас гляжу на тебя, на Оста и думаю: смог бы я вас пристрелить, если понадобится?

– И что?

– Смогу.

Огней напился первый раз в жизни. Пробовать спиртное ему доводилось и раньше, до катастрофы: профессиональный ловец должен знать всё о своей клиентуре. Но именно пробовал, дегустировал. Он не ожидал, что три стакана способны опьянить до такой степени. Хорошо, их квартира на втором этаже гостиницы. На пятый мог бы и не взобраться.

Сэла спала. Огней постоял возле кровати, разглядывая жену. Вспомнились жалобы Семёна. Хлюпик, размазня. Вот он, Огней, может, да ещё и как! Никакие очистки его импотентом не сделают.

Стащил штаны, рубаху. Навалился сверху на жену. Захотелось поиметь её грубо, жестоко. Не любовью заняться, не сексом даже, а оттрахать, словно силиконовую куклу, какими так любила баловаться внешнемирская элита.

Сэла проснулась, попыталась отстраниться. Зашептала:

– Огней, не нужно так. Это нехорошо, это грязь.

– Грязь?! – Он взревел. – А ты у нас чистенькая вся из себя, да?

– Огней, тише! Ребёнка разбудишь.

Ему было наплевать:

– Мы, значит, грязные, а вы чистые. А для кого мы стараемся?

Ты хоть знаешь, кто ваш Улей кормит и чем?

– Знаю. Я ведь куратор, обязана знать.

– Что? – На миг Огней протрезвел. – Знаешь о человечине?

– Да. То, что мы творим, – отвратительно. Но если это единственный способ спасти женщин и их детей… Из двух зол приходится выбирать меньшее.

– Вот как ты заговорила! Прав, прав был Брут! А я не понял сразу, не раскусил. Ты хитрая, лживая сука!

– Огней, ребёнок!

Маленький Виктор и в самом деле проснулся, заплакал. Сэла вскочила с кровати, хотела броситься к колыбели. Но Огней не пустил, схватил за руку.

– Думаешь, я поверил, что у тебя с тем копом из «Мегакрута» ничего не было? И с ним, и с другими?! Да ты в сто раз грязнее, чем я! Зачем я тебя привёл! Лучше бы ты сдохла вместе со своими обдолбами, со своим сумасшедшим дедушкой! Ты, а не Марина!

– Огней, перестань! – Сэла тщетно дёргала руку, пытаясь освободиться. – Посмотри, на кого ты похож? Ты пьян. Ты сейчас сам не лучше обдолба.

– Что?!

На секунду багровая муть застелила глаза. А когда схлынула, Сэла уже лежала на полу. Никогда прежде Огней не поднимал руку на женщину, на того, кто слабее. А сейчас хотелось бить, бить и бить. До смерти! Он бы так и сделал, попробуй жена закричать или защититься хотя бы. Но Сэла лежала молча, только смотрела на него снизу вверх.

Корсан взвыл от бессильной злобы и опрометью выскочил из квартиры.

Две с половиной недели Огней старательно избегал встреч с женой, нос не показывал в Улье. Потом не выдержал. Ощущение налипшей на душу грязи усиливалось с каждым новым днём очистки. А ведь избавиться от него так легко. Достаточно коснуться пальцами нежной кожи, вновь уловить аромат…

Они столкнулись в холле гостиницы. Сэла стояла у лестницы, разговаривала с Роем Виеном. Огней открыл рот, собираясь поздороваться, а она его уже заметила, повернулась. И улыбнулась.

– Привет, Огней.

Огромный синяк выцветал у неё вокруг глаза, делая улыбку болезненной, мученической почти. Огнею стало стыдно.

– Привет. Сына зашёл повидать. Он где?

– Дома. С ним Ксения сидит.

Виен насупился, шагнул наперерез.

– Огней Корсан, ты – мерзавец! – бросил в лицо.

Злость вскипела мгновенно, кулаки сжались сами собой.

– Успела наябедничать? Защитничка себе нашла, да?

Инженер был одного роста с Корсаном и, пожалуй, чуть тяжелее. Но в силе, ловкости, умении драться сравниться с ловцом не мог. Огнею захотелось, чтобы Виен бросился на него первым. Тогда уж он отведёт душу!

Но драки не получилось. Сэла стала между мужчинами, оттолкнула инженера:

– Рой, уходи! Завтра договорим. Здесь – наши семейные дела. Мы сами разберёмся.

Инженер надул губы, но спорить не стал. Развернулся, пошёл к выходу. А Сэла шагнула к Огнею. Осторожно прикоснулась к руке.

– Хорошо, что ты пришёл. Виктор скучал.

Ни в голосе, ни во взгляде её не было и тени заискивания, страха, робости даже. Радость была.

Огней отвернулся. Пробормотал:

– Я и правда пьяный тогда был, как обдолб. Не знаю, что на меня нашло. Больно я тебя, да?

– Нет. Тебе больнее, я знаю. Боль – это нестрашно. Страшно – когда болеть больше нечему.

В последние дни сентября квантовая лаборатория возобновила работу. Не то чтобы Брут сомневался в выкладках Ирвинга, да и врачи подтверждали: ребёнок Марины Гамильтон родился здоровеньким и физически, и умственно. Однако, как говорится, доверяй, но проверяй. Потому старший куратор приказал отобрать десять «пчеломаток», срок беременности которых приближался к пороговому, и отправить в лабораторию для наблюдений и всесторонних исследований.

Лаборатория работать начала, но возвращать Гамильтону весь прежний персонал Мартин не собирался. Выделил всего двух ассистентов и двух лаборантов: «Управитесь! У меня и так каждый человек на счету». Это при том, что наблюдать за подопытными приходилось круглосуточно.

Ассистенты и лаборанты работали посменно, по двенадцать часов. А сам Гамильтон и вовсе переселился в лабораторию, спал урывками, часами не отрывался от мониторов, сопоставлял массивы чисел, накладывал друг на друга графики, высчитывал корреляцию по сотням параметров. Пытался понять, чем мозг декогерированного отличался от мозга нормального человека. Получалось, ничем, кроме одной «малости». Он не желал работать.

Один за другим активировались сознания не рождённых пока младенцев. Вновь и вновь подтверждали они правоту теории. Мартин Брут был доволен. После каждого сообщения улыбка на его лице делалась шире. Какая разница, почему матери остаются неразумными? Главное, в их чревах растёт поколение настоящих людей. Вот только одной из этих женщин была Марина. Потому Ирвинг разделить радость старшего куратора не мог.

Последний из десяти «подключился» к ноосфере вечером 15 октября. Мартин выслушал доклад, поблагодарил за работу. И объявил исследования квантовиков на этом законченными. Теперь своё слово должны сказать акушеры и педиатры – через два с половиной, три месяца.

В два часа пополуночи Ирвинг позвонил старшему ассистенту Томински.

– Что случилось? – Заспанное лицо Томински с недоумением смотрело с экрана интеркома. – Мы же закончили исследования?

– Завершили работу для старшего куратора. Но не исследования по рекогеренции. Мне нужно, чтобы вы кое на что взглянули, Алекс.

Томински страдальчески наморщил лоб. Бедняге довелось отработать почти полную смену накануне.

– Профессор, отложить нельзя? До утра хотя бы?

– Алекс, вы мне нужны незамедлительно! Слышите? Немедленно.

Ассистент лишь вздохнул.

«Немедленно» заняло у Томински минут сорок. Он осторожно заглянул в просмотровый зал, спросил:

– Профессор, вы здесь?

Ирвинг поднял голову из-за монитора:

– Алекс, а вы не торопились. Никак пешком добирались?

Томински развёл руками:

– Мы же теперь энергию экономим, темно на улицах. С велосипеда я упасть боялся.

Он зевнул. И попросил вдруг:

– Холодно. Можно, я кофе сделаю?

– Мать честная, Алекс! Я вызвал вас не для того, чтобы вы кофе пили! Идите сюда и посмотрите на эти данные.

Томински двинулся через зал. Почти вся аппаратура – кроме визуализатора, естественно, была включена. Её даже прибавилось в количестве: Ирвинг обзавёлся электроэнцефалографом, компьютерным и магнитно-резонансным томографами для обследования «пациенток».

– Скорее же! Как вы медленно ходите! – Гамильтон вскочил, схватил ассистента за руку, подтолкнул к монитору, на котором

красовались разноцветные графики. – Ну? Вы видите то же, что и я?

Томински постоял. Затем присел в освободившееся кресло, осторожно коснулся графика пальцами, вызывая столбец исходных данных.

– Это… информационный всплеск при подключении сознания плода. Мы зафиксировали его ещё весной, когда…

– Да, разумеется! Вы смотрите, с чем он коррелирован.

Минут пять Томински молчал, поворачивал графики на экране, растягивал, сдвигал. Потом неуверенно предположил:

– Эпифиз, правильно? Этот сигнал датчики сняли с эпифиза?

Ирвинг удовлетворённо кивнул.

– Да. Эпифиз, шишковидное тело. Я проверил все десять серий. Это не случайное совпадение. Видимо, именно этот орган является индикатором связи человеческого сознания с ноосферой.

Томински пожал плечами.

– Вполне может быть. Недаром ещё Рене Декарт назвал его «седалищем души»…

– Только эзотерики не надо, – отмахнулся Гамильтон. – Десяти серий недостаточно. Нужны ещё объекты. Нужно как-то уговорить Мартина…

Томински с сомнением покачал головой. И вдруг спросил:

– Профессор, если эпифиз – индикатор, то что с ним происходит при отключении сознания?

– Предлагаете кого-нибудь декогерировать? – саркастически осведомился Ирвинг.

– Нет, что вы! Но помните: весной у нас умер один младенец как раз во время обследования? Можно проверить… Я сейчас найду этот архив.

Он развернулся к соседнему монитору, но Гамильтон опередил.

– Я сам! Алекс, посторонитесь! Такой маленький, а так много места занимаете!

Ассистент послушно отодвинулся. И тотчас зазвенел визифон у него на запястье. Томински склонился к экранчику:

– Да, милая, я скоро буду. Не волнуйся. Спи, пожалуйста.

Поднял глаза на Гамильтона, пояснил чуть виновато:

– Это моя Ксения. Беспокоится, не спит.

– Что ещё за Ксения? А, помню, ваша подружка.

– Моя жена.

Они замолчали. Гамильтон просматривал архив, выискивая запись полугодовой давности, Томински сидел рядом, то и дело зевая. В конце концов Ирвинг смилостивился:

– Алекс, сделайте себе крепкий кофе. А не то вы меня

проглотите.

Нехитрая процедура заняла у ассистента минут пятнадцать, не меньше. Потом он вернулся, вновь сел рядом с Ирвингом, который уже составлял график корреляции. Отхлебнул источающий ароматный дымок напиток, улыбнулся блаженно.

– Профессор, скажите, что вы думаете о векторах? Я полагаю, что реальность вариативна, все возможные события находятся в нелокальной суперпозиции. Тогда «векторы» – это градиенты на матрице мер сцепленности событий. Они указывают точку пространственно-временного континуума, где событие проявится, станет локальным. В результате эксперимента возникло смещение нашего восприятия. Теперь некоторые люди ощущают этот градиент. Вдобавок могут предвидеть, насколько благоприятны последствия реализации. Они как бы заглядывают в будущее. Фантастика, скажете? А почему бы и нет? Моя Ксения говорит, что все человеческие поступки сохраняются в ноосфере. Но мы-то с вами знаем, ноосфера – не что иное, как кубиты физического вакуума, сцепленные с человеческим сознанием. Такой себе «архив пустоты», в котором нет ни времени, ни расстояния. Если рассмотреть эту гипотезу в свете квантовой парадигмы, получится, что в «архиве» должны храниться абсолютно все события, – как проявленные в физической реальности, так и те, вероятность которых осталась нереализованной. Теоретически мы можем изменять не только будущее, но и прошлое, принципиальной разницы между ними нет. Достаточно как-то переместиться от одного пространства событий к другому, извлечь из «архива» нужную нам вероятность и реализовать её. Как говорит моя Ксения, «совершить правильный поступок».

Он хихикнул. Гамильтон покосился на него.

– И что вы ещё «полагаете»?

– Полагаю, что если наш мозг работает как квантер, то зачем нам приборы для исследования вакуума? Может быть, когда-нибудь люди научатся управлять квантовой сцепленностью единственно своим сознанием. Произвольно выбирать пространство событий и проявляться в нём.

– Алекс, вам не надоело фантазировать? Посмотрите лучше на график.

Две головы – седая и лысая – склонились к монитору.

– Та же картина, – пробормотал Томински. – Значит, и в самом деле, индикатор.

– Да, но в первом случае сигнал с эпифиза опережал, а здесь запаздывает.

– В пределах погрешности… А вот зубец всплеска другой

формы. И амплитуда… Это не одиночный кубит, как было при подключении.

Помедлив, он добавил:

– Я уже встречал такое раньше.

Гамильтон быстро повернулся:

– Когда?

– Во время эксперимента с «Ноо-зелёным». Вы как раз вышли из лаборатории, не увидели. Это было похоже на цунами. Вначале – отлив, спад информационных потоков, а потом – зубец, индикаторы зашкалило. И сразу поплыла синяя паутина на визуализаторе.

Гамильтон помолчал, разглядывая ассистента. Быстро отвернулся к экрану.

– Я должен это увидеть!

Всё было так, как рассказал Томински – спад и зубец. И после этого – нулевой уровень везде, за исключением локали Наукограда.

– Всё логично, профессор, – продолжал рассуждать ассистент. – Сознание внешнемирцев погибло, никакого отличия от физической смерти. Видимо, мы не до конца разобрались с природой Ноо. Если «Зелёный» и «Синий» находились в суперпозиции, то, воздействуя на первый, мы неминуемо задели второй. Только непонятно, что спасло Наукоград?

Он бубнил и бубнил, мешая сосредоточиться. Ирвинг пожалел, что вызвал его. Да, нужен был внешний катализатор для мозгового штурма, взгляд со стороны. Но теперь Томински только мешал.

– Алекс, идите-ка домой. Вас – как там её? Ксения? – заждалась.

Томински не заставил себя упрашивать. И едва дверь за ним закрылась, Гамильтон понял: сегодня он увидел нечто важное. Корреляция событий, на первый взгляд не связанных друг с другом, происходящих на различных уровнях реальности – на физическом и информационном. Но, с другой стороны, они очень даже связаны, так как в обоих участвует сознание. На физическом уровне оно является функцией мозга, на информационном – частью ноосферы. С этим неувязки нет, странность в другом. Почему при включении сознания в логический массив используется один кубит информации, а при отключении – сотни? Что на самом деле происходит в этом «архиве пустоты»?

Ирвинг с удивлением заметил, что за окнами лаборатории брезжит поздний октябрьский рассвет. А он так и не пришёл ни к каким выводам. Да, корреляция всплесков на графиках не случайна. Но данных недостаточно, нужны новые эксперименты,

новые подопытные. Как ни дико это звучит, им следовало бы ещё кого-то декогерировать, чтобы разобраться в процессе. Или убить…

Ирвингу стало зябко. Вспомнились рассказы лаборантов: во внешнем мире ловцы истребляют декогерированных людей тысячами. Нет, сотнями тысяч! И нечего противопоставить этому безумию, которое Мартин Брут назвал «милосердием к обречённым».

Впрочем, если Томински прав, если декогеренция ничем не отличается от физической смерти, то все внешнемирцы уже год как мертвы. Он, Ирвинг Гамильтон, их убил. Потому что поверил в собственную гениальность, не стал проверять теорию на прочность…

А самое страшное – он погубил Марину. Обещал Елене, что позаботится о дочери. И – убил.

Гамильтон встал, пошатываясь, пошёл в свой кабинет. Там – укрытый в стене сейф. В сейфе – маленькая коробочка. В коробке – две ампулы. Он раздобыл их ещё до того, как Брут запретил эвтаназию.

Ирвинг аккуратно выложил ампулы на ладонь. Если декогеренция ничем не отличается от смерти…

И – вспышка догадки. Да, он не знает, как вытащить Марину из пустоты. Но подтвердить или опровергнуть слова Томински он может хоть сию минуту.

Одну ампулу он вернул в сейф, вторую спрятал в кармашек жилета. И направился к клеткам.

В большой клетке слева теперь было тесно. Ирвинг настаивал, чтобы для подопытных из Улья оборудовали отдельное помещение. Но Брут посчитал это излишним, и беременных подселили к Марине. Сейчас женщины спали, прижавшись друг к другу, обнявшись, стараясь согреться – на отоплении лаборатории старший куратор тоже экономил. Хорошо хоть, пол позволил застелить матрацами и перинами – не на голом пластике спят.

Ирвинг заглянул в клетку и с ужасом понял, что не может узнать дочь в клубке кое-как прикрытых одеялами тел. Первое время он пытался одевать Марину в чистое и тёплое. Но хватало этого ненадолго – во время припадков похоти та рвала любую одежду в клочья. Потом пришло лето, тепло. И лабораторию закрыли, некому стало пялиться на прелести бывшей леди Гамильтон. Нужда в одежде отпала. В конце концов Ирвинг привык к наготе дочери.

Впрочем, сейчас он шёл не к Марине. Пока не к ней. Стараясь не разбудить женщин, Гамильтон шагнул к клетке справа. Взял из

шкафчика ошейник с поводком, которым пользовались лаборанты, когда водили подопытных «на процедуры», отомкнул дверь, вошёл.

Существо, давным-давно называвшее себя Динарием, лежало, скорчившись, в углу клетки. Дин сильно сдал в последнее время. Отказывался от пищи, на ноги почти не поднимался, по коже пошли гнойники. Даже на самок перестал реагировать. И Марина больше не рвалась к нему. Сидела часами у решётки, смотрела на бывшего возлюбленного. А по щекам текли слёзы.

Ирвинг осторожно потряс существо за плечо.

– Эй, просыпайся.

Дин вздрогнул, боязливо повернул голову. В мутных закисших глазах стоял ужас. Словно предчувствует.

– Пошли. Мы должны это сделать. Ради Марины. Если ты и правда любил её.

Он надел на существо ошейник, потянул за поводок. Дин подчинился сразу. Но встать не смог: ноги не держали. Попробовал и тут же рухнул на четвереньки.

– Ничего, тут недалеко, дойдёшь, – подбодрил Ирвинг. – Главное, не шуми.

Медленно они прошли мимо клетки со спящими женщинами. Путь по коридору занял у Дина не меньше десяти минут, хоть расстояние до процедурной – полсотни метров. Потом ещё нужно было засунуть его в камеру томографа.

Ирвинг подключил датчики, проверил сигнал. Всё надо сделать очень тщательно, не ошибиться. Нового подопытного Брут не выделит.

Он вынул из кармашка ампулу. Снял колпачок с иглы.

– Не бойся, – пообещал, – это не больно. Совсем. Ты просто заснёшь. Ради того, чтобы она проснулась.

На миг показалось, что в глазах существа блеснуло понимание. Лишь на секунду. Затем он ввёл иглу в вену.

Томински ошибался. Декогеренция и физическая смерть – не одно и то же. Ирвинг сразу увидел зубцы на графиках. Мозг сообщил сознанию, что он умер. Сознание передало эту информацию ноосфере. Тот самый единственный кубит, что и при подключении. Но что тогда означал огромный всплеск, который они зарегистрировали?!

Додумать Гамильтон не успел. Нечеловеческий вопль сотряс лабораторию, едва не вышиб его из кресла. В нём было столько тоски и безысходности!

Ирвинг закрыл глаза. Прошептал:

– Прости, Марина. Я должен был это сделать. Теперь я знаю, ты – жива.

Глава 8
Градиенты вероятности

Первые дети родились в конце декабря, накануне Нового года. Официально этот праздник в Наукограде больше не отмечали, летоисчисление решено было вести с 22 марта, с памятного собрания, так удачно совпавшего с весенним равноденствием. А первого января было не до праздников. Когда-то Курт Сирий жаловался, что обследовать двадцать тысяч женщин за полтора месяца, составить на каждую хромосомную карту, подобрать оптимального донора, искусственно оплодотворить – задача почти непосильная. Теперь об этом вспоминали с усмешкой. Принять роды у двадцати тысяч – вот настоящий подвиг! И если в конце декабря – первой половине января всё только начиналось, то в феврале рождалось иногда по пятьсот детей в день. Разумеется, Брут постарался подготовиться: волонтёры Улья прошли ускоренные акушерские курсы. Но курсы курсами, а настоящих акушеров с опытом на весь Наукоград было трое. Плюс два ветеринара со скотоводческой фермы – благо разница не велика.

Сначала принимали роды посменно, во главе каждой – специалист-акушер. Когда стало ясно, что людей не хватает катастрофически, о сменах забыли. Работали по пятнадцать, по двадцать часов кряду – кто сколько сможет. День от ночи с трудом отличали. И Сэле, как куратору, доставалось больше других. Везде успеть, за всем уследить, немедленно решить возникающие на ровном месте проблемы. А когда совсем прижимало, надевала халат и сама бежала в родильню. Даже на Виктора времени не оставалось. Пришлось отвезти его в Наукоград: Николай помог, подыскал нянечку – соседскую девочку-школьницу.

И всё-таки они справились. Потеряли всего трёх мамочек и пятнадцать младенцев – сам Курт Сирий признал, что ожидал смертность на порядок выше, и подобный результат сродни чуду. Фразу услышали, Сэлу начали называть волшебницей, кто полушутя, а кто с восхищением. Это и в самом деле походило на волшебство – двадцать тысяч девятьсот двадцать шесть малышей (рождались и двойни, и тройни) пришли в этот мир во многом благодаря ей. Одно огорчало – Мартин Брут не позволил оставить детей в Улье. Их даже не показывали мамашам, «чтобы тем легче было перенести разлуку». Так-то оно так, но Сэла ощущала себя лгуньей – обещала ведь своим подопечным, что и у них будут

маленькие. Брут специально повёл её в Питомник, показал тёплые удобные ясли, игровые манежи, продемонстрировал голографические модели интернатов, которые построят в ближайшие годы. Пришлось признать: да, там детям будет гораздо комфортнее, чем в едва приспособленных, летом душных, а зимой холодных складах-ангарах. И смириться с необходимостью. Очередной.

Взамен в Улей начали завозить доильные аппараты, специально изготовленные для нового вида «домашних животных». Когда Сэла увидела эту штуку первый раз, она на минуту дар речи потеряла. А потом принялась звонить Бруту. «Чем ты недовольна? – удивился старший куратор. – Сама же ратовала за грудное вскармливание. И я тебя поддержал. Согласись, мы не можем каждый раз возить малышей на кормёжку. Но доставлять в Питомник парное молоко вполне реально. Или ты своих подопечных вручную доить собралась? Стадо в двадцать тысяч голов? Тебе людей не хватит для такой работы. Аппарат обрабатывает тридцать особей одновременно, причём действует быстрее и эффективнее любого дояра. Вдобавок массаж, диагностика, гигиенические процедуры – всё автоматизировано. Поверь, «пчеломатки» тебе только спасибо скажут». И вновь пришлось поверить, признать и смириться.

Утешало Сэлу, что первый, самый тяжкий год новой эры заканчивался. Вот уже и март, весна. Не за горами равноденствие, Праздник Начала. И – следующий год, который обязательно будет лучше и легче предыдущего. А следующий – ещё лучше. И Светлое Завтра рано или поздно наступит.

Сэла сама не поняла, отчего проснулась задолго до рассвета. Сон дурной приснился? Она его не запомнила, спала как убитая. Шум в комнате? Тоже нет. Маленький Виктор всё ещё у няни в Наукограде. Огней заканчивает зачистку где-то у перешейка, да и не живут они вместе давно.

Она откинула в сторону одеяло, села на кровати. Прислушалась – не к звукам, к ощущениям. В висках слегка ломило, и глаза чесались. У неё так всегда бывает, если где-то близко появляется большая чёрная клякса. Но откуда информационная грязь в Улье? В её Улье! Рой следит тщательно, вычищает гадость, едва та появится. Наверное, отсюда и «чудо»…

Вчера Мартин Брут вывез в Питомник последнюю партию малышей. Поблагодарил волонтёров, объявил, что расслабляться рано, ведь основная работа впереди – будто этого кто-то не знал! – но двухнедельный отпуск сотрудники Улья заработали. Все, кроме дежурной смены, вчера вечером и уехали в Наукоград

– отдыхать, отсыпаться, с родными пообщаться нормально, без спешки. Сэла собиралась последовать их примеру, но в последнюю минуту отложила поездку до утра. Не столько из-за накопившейся усталости, хоть и это свою роль сыграло, сколько неясная тревога беспокоила. То, что теперь называлось «красными векторами». Стрелка была блеклой, размытой, и куда указывает, не понять. Но она была.

Вчера вечером ещё мелькала, а теперь – исчезла. То, что могло случиться, произошло. И в результате появилась чёрная клякса?

Сэла оделась, вышла из гостиницы. Тихо, темно. Прожектора на вышках светят так, что звёзды на небе едва различимы. Но чёрную радугу она бы увидела…

Сэла медленно пошла в сторону Улья. Ворота заперты, за трёхметровым забором – тишина и спокойствие. Там уж точно грязи быть не может: она проверила накануне. Сейчас женщины спят спокойно – до утренней дойки полчаса почти. Вчера Мартин ещё пять аппаратов прислал. Из Наукограда машина пришла так поздно, что и разгружать не стали, не то что монтировать. Завтра… то есть сегодня уже Рой займётся.

Она стала как вкопанная. Автофуры с доильными аппаратами у ворот Улья не было. Разумеется, это ничего не означало – водитель мог перегнать машину в другое место. Однако пространство внутри периметра просматривается как на ладони. Гостиница, станция монорельса, будочка проходной у ворот. Водитель не поедет в темень внешнего мира. Значит, фуру загнали в Улей? Среди ночи? Зачем? И кто распорядился?

Она направилась к проходной.

– Дежурный!

Тут же распахнулось окошко в калитке, выглянул охранник. Узнал. И вроде как испугался.

– Здравствуйте, госпожа Фристэн.

– Доброе утро. Здесь машина стояла с доильными аппаратами. Кто распорядился загнать её в Улей?

Глазки у парня забегали.

– Не знаю. Когда я на смену заступил, её уже не было. Может, господин Журавский? Чтобы обдолбы не залезли, не поломали чего…

– Какие обдолбы внутри периметра?

Сзади громко просигналили. Парень едва не подпрыгнул от этого звука. Оглянулся, вновь посмотрел на Сэлу. Было заметно: он не знает, что предпринять. Наконец попросил:

– Подождите, пожалуйста, я быстро!

Окошко в калитке захлопнулось, заурчал сервомотор,

тяжёлая плита ворот вздрогнула, поползла в сторону.

За воротами стоял большой четырёхосный самосвал. Каждое колесо – ростом с Сэлу. Она никогда прежде не видела эту машину в Улье. И водителя, что сидел в кабине, не помнила. Не из волонтёров и не из хозяйства Гробера.

И тут же поняла, что ошиблась. Человека этого она знала, просто не ожидала встретить здесь и сейчас.

Она решительно заступила дорогу.

Водитель, чернявый скуластый мужчина, высунулся из окна кабины. Ощерил зубы в улыбке.

– Эй, подруга, посторонись! Не ровён час, перееду.

– Вы ловец Джарта, правильно? Что вы делаете в Улье?

И Джарта её узнал. Перестал улыбаться, нахмурился.

– Мусор вывожу.

– Какой ещё мусор?

– Обыкновенный. Брут приказал. Сэла, освободи дорогу, не мешай работать.

Дорогу Сэла уступила. Но раньше, чем самосвал взревел и тронулся с места, вскочила на лесенку, ведущую к кабине и дальше – в кузов.

– Сэла!

Джарта распахнул дверь, выскочил, попытался перехватить, помешать. Поздно.

В первый миг Сэла не поняла, чем загружен самосвал. Какие-то булыжники неправильной формы с прилипшей к ним то ли травой, то ли… Но спасибо прожекторам – уже во вторую секунду наваждение исчезло. Кузов был полон человеческих голов. Коротко стриженных – по распоряжению Сирия Курта обитательниц Улья стригли, так легче бороться с насекомыми – женских голов. Сотнями глаз они глядели в ночное небо. И на Сэлу смотрели.

Голова Милы Кахая лежала на расстоянии вытянутой руки. Гримасы предсмертного страха на лице бывшей одноклассницы не было, разве что удивление. Превозмогая дурноту, Сэла дотянулась, подняла. Аккуратный срез в верхней части шеи, под самым подбородком. Ножом так не отрезать и топором, пожалуй, не отрубить. Тут же всплыл в памяти курс истории Позднеевропейского Средневековья. Гильотина! Быстро и эффективно, вполне в духе Мартина Брута. Значит, те пять новых «аппаратов», что он прислал, были вовсе не доильными!

Она ясно представила, как это происходило. Женщины привыкли доверять людям, работавшим в Улье. Они безропотно шли за своими убийцами, покорно ложились под нож. Некоторые успевали удивиться, когда мир перед глазами вдруг

переворачивался. Испугаться не успевал никто. Они не знали, что нужно бояться.

Сэла бережно опустила голову назад в кузов. Обернулась к ловцу.

– Зачем?!

Джарта дёрнул плечом.

– Моё дело маленькое. Мне приказали мусор на скотомогильник вывезти, вот я и везу…

– Сэла! Госпожа Фристэн! – к самосвалу бежал вызванный дежурным Журавский. – Зачем же ты туда… Эх, зря…

Сэла спрыгнула на землю, шагнула к начальнику охраны.

– Журавский, что происходит? Это ваших рук дело?

– Как ты подумать могла? Да никто из моих ребят за такую работу не возьмётся. Мы же понимаем…

Он покосился на кабину самосвала, куда поспешил вернуться Джарта. И когда машина, взревев, рванула в темноту, добавил:

– Ночью Брут бригаду ловцов присылал, самых отъявленных. Я своим ребятам и на территорию заходить запретил, пока они там орудовали. Чтобы, не ровён час, под горячую руку не попали. А то этим без разницы, что обдолбы, что люди.

Он поёжился, зевнул. Ворота Улья закрылись, самосвал со страшным грузом скрылся в окружающей периметр темени. Вокруг снова было тихо и покойно. Но теперь Сэла знала, где притаилась чёрная радуга.

– Почему вы меня не разбудили?

– Так Брут приказал, я же объясняю. Говорит: «Ты Сэлу не тревожь, она и так вымоталась за эти месяцы. Пусть отдыхает».

Они помолчали. Сэла стояла, не в силах отвести взгляд от ворот. Наконец выдавила:

– Огней Корсан… тоже здесь?

– Не знаю, может быть. Они всё сами делали, я туда не совался, издали наблюдал. Сначала штуки эти с ножами разгрузили, занесли в двенадцатый ангар. Потом рефрижераторы подогнали, транспортёр смонтировали, чтобы, значит, сразу из ангара мясо грузить. Ну и… начали. Полночи у них работа шла, только-только закончили. Семь рефрижераторов загрузили и самосвал этот. Я так думаю, в двенадцатом никого живых не осталось.

Он покачал головой. И посоветовал:

– Сэла, иди-ка ты спать. В двенадцатый ходить пока не надо, на тебе и так лица нет. Я сам погляжу, что там и как.

– Спать?

Она с удивлением посмотрела на начальника охраны. Как можно заснуть после такого? Хотя это же Журавский.

В одном он был безусловно прав. Идти на место недавней бойни не нужно. Нет смысла – алая стрелка потухла, превратив полторы тысячи жизней в чёрную лужу. Изменить это невозможно.

Она повернулась и пошла прочь от ворот.

Инженер Виен ждал её на пороге гостиницы. Вскочил, шагнул навстречу.

– Сэла, они их…

– Да. Весь двенадцатый ангар. Рубили головы, словно животным. Рой, как мыслимо подобное?

– Они теперь могут. Они же в себе всё человеческое «деактивировали». Я боялся, чтобы с тобой беды не случилось.

– Со мной-то что могло…

И осеклась, представив и свою голову в том самосвале. «… этим без разницы, что обдолбы, что люди». Отступать дальше некуда. Они и так чересчур многое признали необходимостью. Гораздо больше, чем следовало.

– Рой, я немедленно еду в Наукоград к Бруту. А ты иди в Улей, попробуй там хоть что-то почистить.

Инженер удивлённо поднял брови.

– Разве такое можно вычистить? Ячейка переполнена грязью. Придётся ждать сброса.

– Ждать нельзя, опасно. Я представить боюсь, во что оно превратило людей, которые это сделали.

«И очень надеюсь, что Огнея среди них не было», – добавила мысленно.

– Хорошо, – кивнул Виен, – попробую. Но тебе ехать к Бруту незачем. Что ты ему скажешь?

– Ему? Ничего. Потребую созвать общее собрание, объясню, какое «Светлое Завтра» можно построить подобными методами. Расскажу о ячейках, об архиве, об информационной грязи, сводящей на нет самые лучшие замыслы. Они поймут, они же наукоградцы!

Всё ещё была ночь, когда Сэла подъехала к коттеджу старшего куратора. И снаружи темно, и в доме. Спит, отдыхает после «праведных» трудов. Сэла слезла с велосипеда, надавила кнопку звонка на ажурной калитке.

Прошла минута, вторая, третья. Сэла звонила раз за разом – тихо. На вызовы визифона старший куратор тоже не отвечал. Но если он собрался отсидеться за стенами, то ничего у него не выйдет. Сэла отступать не собиралась.

Не дождавшись, она вошла во дворик. И, словно в ответ, вспыхнул свет над порогом. Дверь отворилась. Мартин Брут,

кутаясь в длинный, до пят, махровый халат, вышел на крыльцо.

– А, вот кто мне спать не даёт. Доброе утро, Сэла.

– Доброе?! Сегодня ночью по вашему приказу…

– Не шуми. Я знаю, что сделано по моему приказу. Вижу, и ты уже в курсе. Журавский не удержался, разбудил? Или векторы?

– Зачем вы это устроили? Ночью, тайком… Как член Совета кураторов, я требую созвать общее собрание!

– Не шуми, ещё раз говорю. Так было нужно. Свою задачу эти существа выполнили. Кормить и дальше двадцатитысячное поголовье нецелесообразно. Пять тысяч наиболее продуктивных Сирий с биохимиками отобрали для формирования молочного стада. По меньшей мере год они нам ещё послужат, а то и два-три – педиатры и диетологи не пришли пока к единому мнению. Остальных придётся забить. Ловцы будут работать по ночам, чтобы никого не тревожить. К тому времени, когда твои люди выйдут из отпуска, всё будет чисто. Я признаю, что мясо лучше хранить в живом виде, чем в замороженном. Но ресурсы нам этого не позволяют, увы. Зато вопрос продовольствия на ближайшие годы решим.

– Вы сами не понимаете, что творите.

– Что тебя пугает? Ловцы зачистили полмиллиона животных на полуострове. Ещё пятнадцать тысяч погоды не сделают.

– В том то и дело, что сделают. Когда вы приказали убивать лишившихся разума людей, вы говорили, что это акт милосердия, что все они обречены на смерть куда более страшную. И это было правдой. Но женщинам Улья ничего не грозило! Они могли жить, а их вырезали, словно скот. Когда вы отправляли ловцов заготавливать мясо – человеческое мясо! – вы говорили, что иначе нам нечем будет кормить беременных. И это было правдой. Страшной, отвратительной, но правдой. А сейчас морозильники забиты доверху. Запасов в них хватит года на три с лихвой – я ведь не дура, я умею считать. Достаточно времени, чтобы фермеры увеличили поголовье скота и птицы на столько, на сколько потребуется. И это страшное мясо будет больше не нужно. Мартин, зачем вы приказали убить моих подопечных?

– Сэла, ты не хочешь меня слышать. Экономическая целесообразность, ничего личного. Повторяю: эти самки нам больше не нужны. Диетологи подсчитали, что пять тысяч наиболее продуктивных да ещё при эффективном питании, повышающем лактацию, смогут обеспечить молоком всех детей Наукограда. Включая тех, которых будут рожать наши женщины. Остальные – лишние рты. Зачем нам их кормить, отвлекать на обслуживание людей? Другой работы нет? Что касается запасов продовольствия, то тут ты тоже не права. Да, мяса запасено

достаточно. Но всё это дикое зверьё, успевшее подцепить невесть какие болячки. Мы решались скармливать его только твоим подопечным, да и то после тщательной ионной и термической обработки. То ли дело сами «пчеломатки». Сочное, калорийное мясо, здоровый, откормленный домашний скот.

Перед глазами Сэлы вновь возник заполненный головами кузов. Мир вокруг поплыл.

– Вы собираетесь кормить человечиной наукоградцев?

– Эти существа – не люди, я устал твердить одно и то же. Пришло время окончательно привить Наукограду элементарную истину. Воздействовать на разум через желудок, так сказать.

– Мёртвыми мы ничем не отличаемся.

Мартин Брут прищурился.

– Верно. Интересную мысль ты подсказала мне. Запомню. Что касается собрания – будет тебе собрание. Скоро Праздник Начала, сможешь там выступить. К тому времени ловцы заготовку закончат и ты успокоишься, обдумаешь свои предложения, чтобы глупостей не нагородить при всём честном народе. А после официального мероприятия организуем большой пикник в Калиере. Как тебе такое предложение? Любишь пикники на природе? Хотя ты же внешнемирка, вкуса натурального шашлыка не знаешь. На пикнике твоих «козочек» и оценим. На угольках, с дымком – ум-м-м! У меня уже слюнки текут. Так что иди-ка лучше домой, отдыхай, отсыпайся. Ты же в отпуске! Наконец сможешь уделить должное внимание сыну. Понимаю, он тебе не родной, но ведь ты его всё равно любишь? И у мужа твоего с завтрашнего дня отпуск. Может, помиритесь. Огней заслужил награду, хорошо потрудился.

Сэла вздрогнула. Оглянулась на домик Корсана-младшего.

– Где «потрудился»? Он сейчас… здесь?

– Потрудился на очистке, разумеется. А где он ночует, с кем спит, тебе лучше знать, ты ведь жена. Пойди проверь.

Он кивнул на тёмные окна коттеджа напротив, засмеялся. Так, что мороз по коже продрал.

Сэла покачала головой.

– Я думала, вы для чего-то захотели убить обитательниц Улья. Но вы действительно верите в эту вашу «целесообразность». Цель оправдывает средства, да? Вы ошибаетесь, Мартин. Дурные средства уничтожают благородную цель.

Она развернулась, медленно пошла прочь. Сесть в седло, крутить педали не могла: мир вокруг плыл, трескался, расслаивался на множество вариаций. И каждая оказывалась хуже предыдущей.

Верно говорят: раз уж день с самого утра не задался, то хорошего от него не жди. Для начальника охраны Улья Журавского он «не задался» ещё с ночи, когда звонок старшего куратора поднял с постели. Ловцы с безжалостными, замороженными глазами, громадные ножи на пружинах, заполненные обезглавленными телами рефрижераторы… А тут ещё и Сэла проснулась не ко времени, потребовала объяснений. Что он мог ей ответить? Старый служака, он привык выполнять приказы командования беспрекословно. Хоть этот приказ Мартина Брута ему очень не нравился. Утешало, что непосредственным исполнителем стать не пришлось. Иначе как жил бы дальше? Хоть «пчеломатки» и бессловесные твари, но ведь когда-то тоже людьми были.

По распоряжению Сирия Курта, заверенному старшим куратором, самок начали сортировать по ангарам ещё за неделю до резни. Обоснование – оптимизировать рацион в зависимости от удоя и биохимического состава молока. Теперь стала ясна и ещё одна причина – чтобы ловцам удобней было мясо заготавливать. Завози гильотины в очередной ангар и режь всех подряд.

Утро в Улье начиналось как обычно, будто и не было ночной бойни. «Пчеломатки» досматривали сладкие предутренние сны, дежурная бригада прошла на первую дойку. Люди ни о чём не догадывались, как и их подопечные. Почему ворота двенадцатого ангара заперты? Почему охранники смотрят так мрачно? Эти вопросы пока никто не задал вслух. Управятся дояры с работой, тогда и спросят. Журавский опасался, что отвечать придётся ему. Потому что Сэла Фристэн исчезла.

Ловцы работали чисто. Отрубленные головы вывезли на скотомогильник, тела отправили в мясохранилище, даже кровь брандспойтами смыли. Пусто в клетках. Словно полторы тысячи обитательниц ангара, ещё накануне вечером скуливших, плакавших по отобранным детям, ночью сквозь землю провалились. Лишь пять гильотин выстроились в ряд у ворот, напоминая о случившемся. Да ещё запах стоял в воздухе. Дух смерти.

В первый миг Журавский испугался, заметив движение у гильотин: кто-то из ловцов окончательно свихнулся? Не уехал со своими, затаился в пустом ангаре, поджидает, готовый прикончить первого встречного? Но тут сопровождавший командира охранник повёл фонарём, и наваждение рассеялось. Никакой не ловец, один из волонтёров, Виен.

Потом опять кольнула тревога: как он сюда пробрался, ворота ведь заперты, во дворе охрана? Впрочем, этот Виен – тип ушлый,

такие ключики мастерить умеет, любой замок отомкнут, хоть магнитный, хоть сенсорный. Другое дело, что ему здесь понадобилось?

В руках Виен сжимал длинную палку с пучком стерженьков на конце. Сэла придумала такие для уборки Улья. И название дала смешное – «метла».

Виен не просто сжимал своё орудие, а словно пытался смести что-то, разлитое на бетонном полу. Кровь?

Журавский присмотрелся. Нет, крови не видно. Только лужи воды, кажущиеся чёрными в полумраке.

– Эй, ты что здесь делаешь? – Он шагнул к волонтёру.

Виен вздрогнул, только сейчас заметив охранников. Подался назад, выставив метлу перед собой.

– Стойте! Сюда нельзя приближаться!

Журавский опешил от такой наглости.

– Это мне нельзя? Я начальник охраны, мне кругом можно. А вот тебе – нельзя!

– Стойте, ещё раз говорю! Больше ни шагу!

Он приподнял метлу, и луч фонаря раздробился на острых концах стержней, заиграл крохотными радугами. Деревянные прутья не могли так светиться.

Журавскому вновь сделалось страшно. Он положил руку на кобуру, расстегнул. Охранник последовал его примеру. На круглом лице парня тоже отражался испуг.

– Брось эту штуку на пол. И иди к воротам. Медленно.

Ещё шаг. Пальцы ощутили прохладный металл рукояти, возвращая уверенность.

– Не двигайтесь! – Виен не собирался подчиняться. Взмахнул своей странной метлой, шагнул наперерез.

Журавский понял, что если и ошибся, то не сильно. Пусть не у ловца, но у этого парня точно крышу снесло. А с сумасшедшими сейчас разговор короткий.

Журавский выхватил пистолет, поднял стволом вверх.

– На пол! Быстро!

Нажал спусковой крючок и бросился на сумасшедшего, готовый сбить с ног, скрутить…

Выстрела он не услышал. Крошечные радуги вдруг метнулись навстречу, выросли мгновенно, затопили всё.

И обернулись чернотой.

Мартин Брут не ожидал, что этот день принесёт ему столько неприятностей. Как хорошо всё было спланировано, как удачно складывалось! Ловцы без лишнего шума почистят Улей от избыточного поголовья, пока Фристэн и её волонтёры

наслаждаются отпуском – дежурную смену Журавский уж как-нибудь заставит помалкивать. И одновременно заготовят материал для «пищевой прививки», так необходимой высоколобым чистоплюям Наукограда.

Был и третий «заяц», которого следовало убить этим же выстрелом. Брут поручил заготовку ловцам не только потому, что скотобойцы Гробера не управились бы с такой прорвой двуногого мяса. Закалённые очисткой полуострова ловцы стали единственной реальной силой на планете, способной решать любые поставленные перед ней задачи. И сила эта подчинялась не Совету кураторов, а персонально Мартину Бруту. Это тоже требовалось показать высоколобым.

Однако как ни планируй, а жизнь неминуемо внесёт коррективы. Неугомонная Фристэн разбудила ни свет ни заря и с ходу испортила старшему куратору настроение. Общее собрание ей, видишь ли, подавай! Не ко времени это. Слишком в большом авторитете ты нынче, девочка. Ляпнет на собрании какой дурак: «Избрать Сэлу Фристэн старшим куратором! Мартина Брута – в отставку!» – так, пожалуй, и проголосуют. А дорога к Светлому Завтра ещё не укатана, соскользнут, пустят всё прахом. Потерпела бы ты годиков пять-десять, набралась здорового цинизма, отведала плоти своих подчинённых, – оговорился, подопечных, разумеется! – глядишь, я бы тебя и сам рекомендовал. А сейчас – не ко времени. «Мёртвыми мы ничем не отличаемся», – ты сама это сказала. Так тому и быть.

Мысли эти крутились у Мартина в голове, пока он шёл к Управлению. А едва поднялся к себе в кабинет – новая неприятность. Да нет – беда.

Звонили из Улья. Дежурный охранник:

– Господин старший куратор, у нас ЧП! Журавский пропал.

– Что значит «пропал»? Уехал, не предупредив? Ты на его виз звонил?

– Не уехал он – пропал! Он двенадцатый ангар проверял после… того, что ночью было. И как сквозь землю провалился.

– Ты что, бредишь?! Совсем свихнулся?

Дежурный испуганно отшатнулся. Подтолкнул к экрану интеркома другого охранника, круглолицего веснушчатого парня.

– Это не я, это он. Он с господином Журавским был.

Круглолицый закивал, соглашаясь.

– Мы зашли в ангар, а там волонтёр Виен с метлой. Господин Журавский приказал ему к воротам идти, а он на него метлой махнул, и всё, нет господина Журавского. Исчез, не сходя с места.

Мартину показалось, что это не охранники, а он сам сошёл с ума. И тотчас вспомнилось: прошлогодний парк, болтающееся в

петле тело, Фристэн с метлой. И ещё раньше – она же с пучком наломанных прутиков. Да, метлу эту Сэла придумала. Древний инструмент для уборки мусора. А Виен – не тот ли самый, что у Гамильтона работал? Его главный наладчик квантеров.

– Виен куда потом делся?! – гаркнул он.

– У нас он, в дежурке. Мы его связали, а он клянётся, что не виноват, ничего не знает.

– Виена доставить ко мне в Управление, немедленно! Его «метлу» – тоже. И ты, – Мартин ткнул пальцем в круглолицего, – приехать не забудь. Показания дашь.

Задержанного доставили через полчаса. Мартин не ошибся с предположением: это был тот самый Рой Виен, инженер Гамильтона. Охранники забыли упомянуть, что в горячке подстрелили парня: хорошо, навылет и ничего серьёзного не задето – в бедро и плечо.

Ни стоять, ни сидеть Виен не мог. Его опустили на выстланный ковролином пол кабинета. Наспех завязанные бинты успели набухнуть кровью. «Пятна останутся», – машинально отметил Брут.

– Что произошло в ангаре?

Лицо Виена было белым как мел, на лбу выступила испарина. Понятно, обезболивающее ему не давали. Тем лучше. Разговорчивее будет.

Инженер покачал головой.

– Не знаю. Не понимаю, что случилось…

– Врёт! – перебил круглолицый охранник. – Знает он. Он нам кричал: «Не подходите, опасно!» И метлой своей махал.

– Этой?

Мартин подошёл к охраннику, взял у него из рук метлу, осмотрел. Деревянная рукоятка, связка прутьев на конце. Метла как метла, на первый взгляд. Но стоило присмотреться – под внешним слоем прутьев серебристо поблёскивали другие, металлические.

– Ого! Агрегат непрост. Для чего он?

Инженер закусил губу, отвернулся. Мартин легонько ударил его метлой по раненой руке.

– В чём была опасность?

– Там грязи много.

– При чём тут грязь?

– Не было там грязи! – опять возразил круглолицый. – Ловцы всю кровь смыли.

– Кровь смыли, грязь осталась. Информационный мусор после массового убийства. Концентрация очень высокая. Я не успел

вычистить ячейку, капли хватило, чтобы слив открылся. Я не знал, что человек туда провалиться может. Я не виноват!

– Куда провалиться?

– В пустоту, в физический вакуум!

Мартин отпрянул невольно, выронил метлу. Рявкнул на охранников:

– Вон отсюда, быстро! Ждать за дверью!

Логическая цепочка мгновенно выстроилась в голове: Виен – информационный мусор – физический вакуум – квантеры. И ещё одна, совсем коротенькая: Виен – метла – Сэла Фристэн. От понимания происходящего стало жутко и холодно, словно отключили отопление в Управлении. Враг вовсе не уничтожен! Но как такое могло произойти, ведь квантеров больше нет?

Есть. Один, в лаборатории квантовой физики. Гамильтон клялся, что этот не опасен, что он отключен от ноосферы. Но разве можно верить сумасшедшему? Он, Мартин Брут, дал слабину, оставил Врагу соломинку. И этого оказалось достаточно. Каким-то образом электронные твари сумели пролезть в человеческий мозг, подчинить, заставить действовать в своих интересах. А может, эти – уже и не люди? Нелюди.

Он снова подступил к лежащему на полу инженеру:

– Кого ещё успели захватить? Ты, Фристэн – кто ещё?

Виен смотрел на него испуганно.

– Не понимаю, о чём вы говорите? Вызовите врача, я ранен, вы что, не видите?

– Врача? Тебе не врач теперь нужен, а, скорее, наладчик. Так ты сам наладчик и есть. Что, не получается устранить повреждение? Повторяю вопрос: кто ещё с вами? Как это происходит? Как тебя захватили?

– Кто захватил?

– Этот ваш, «Зелёный Ноо».

Испуг в глазах инженера сменился откровенным ужасом. Он попробовал отползти к двери, но Мартин быстро наступил на раненую ногу. Виен скривился от боли.

– Ай! Брут, вы сошли с ума!

– Ничуть.

Мартин злорадно ухмыльнулся. Мозги Враг переделать сумел, а вот тело человеческое пока ему не по зубам. Больно, значит? Это хорошо. Болью многого добиться можно. Конечно, специалистов, умеющих это делать, не осталось. Но ради такого случая он сам проведёт допрос. Только чуть позже. Допрашивать двоих всегда эффективней: одного болью до беспамятства доводишь, а второй в это время на вопросы отвечает. К счастью, Фристэн сейчас в Наукограде. Пока существует купол, она всё

равно что в ловушке. И её подручные, сколько бы их ни было, тоже. Пусть в подчинении Мартина нет военной полиции, зато есть ловцы, умеющие обращаться с нелюдями так, как те того заслуживают.

Брут поставил башмак на пропитанные кровью бинты, перенёс на него половину своего веса. Виен взвыл от боли.

Расчёт оказался верен: сработало не хуже, чем сигнал интеркома. Дверь приоткрылась, в кабинет заглянула испуганная секретарша. Из-за её спины вытягивали шеи охранники.

– Господин Брут?

– Этого – в дежурку. Запереть и глаз с него не спускать.

Виена уволокли, а Брут вернулся за стол. Сел, набрал номер лаборатории квантовой физики.

Этот день стал самым худшим в жизни Ирвинга Гамильтона. Он так надеялся, что не доживёт до него. Дожил…

Началось всё с вызова визифона. Взгляд старшего куратора был ледяным:

– Гамильтон, что ты делаешь в лаборатории? Все исследования были закрыты четыре месяца назад. Почему квантер до сих пор не деактивирован?

– Я…

Но Брут не ждал объяснений:

– У тебя полчаса времени, чтобы убраться оттуда. Потом лаборатория будет уничтожена со всем содержимым. И вопрос с тем существом, что ты держишь в клетке, решить не забудь. Или я решу.

– Мартин, подожди!

Брут отключил связь.

Несколько минут Ирвинг сидел ошеломлённый, не в силах ни о чём думать, что-то делать. И тут в лабораторию ворвался Томински.

– Профессор, беда! Роя арестовали! Говорят, в него стреляли, ранили.

Ирвинг устало посмотрел на ассистента. Новость пробивалась в сознание медленно, тяжело.

– Стреляли? Он-то что натворил?

– Я же вам рассказывал! Моя Ксения и Рой – Дворники. Они пытаются чистить отрицательную информацию, чтобы та не накапливалась.

– Бред…

– Может, и бред. Но нужно что-то делать, освободить Роя. Вы ведь можете, правда? Вас уважают в Совете кураторов. И с Брутом вы дружите. Я сказал Ксении, что вы сделаете…

Ирвинг внезапно разозлился.

– Ах, я сделаю, значит! А вы знаете, Алекс, что Брут звонил мне только что? Он собирается уничтожить лабораторию и квантер. Не из-за дурацких ли идей Виена и вашей подружки? Это они его разозлили, верно? Брут мою дочь убить готов, а вы хотите, чтобы я помогал? Да я палец о палец не ударю ради этих глупцов! Понятно вам?!

Томински попятился.

– Но…

– Убирайтесь! Все убирайтесь!

Голова вдруг закружилась, в глазах потемнело. Когда очнулся, в кабинете никого уже не было.

Он медленно встал. Открыл сейф. Достал коробочку. Вынул ампулу. Последнюю.

Брут сказал: «Реши вопрос, или я сам». Как он будет решать, Ирвинг предпочитал не думать. Значит, эта ампула для Марины. А потом – пусть уничтожают лабораторию со всем содержимым. С бывшим руководителем, например…

Он вышел из кабинета. Расстояние до закутка с клетками – один лестничный пролёт и пятьдесят шагов по коридору – показалось Ирвингу бесконечно длинным. Он боялся не успеть, не уложиться в отведённый старшим куратором срок.

Марина сидела в своём гнезде, размазывала по ладошке мякоть банана. Больно защемило сердце – какая она грязная, худая! У Ирвинга не было сил, чтобы отмыть дочь как следует, и кормить её становилось всё труднее. Яркие прежде глаза потускнели, чёрные тени легли вокруг них. Марина медленно, но неуклонно опускалась, теряла человеческий облик, как перед тем опустился Динарий.

Стон вырвался из груди Ирвинга. Он зажал в ладони ампулу, выдернул задвижку на дверце клетки, шагнул внутрь. Существо повернуло голову, безразлично посмотрело на него.

Синяя звезда в тёмном небе.
Синие точки на экране.
Пустота в синих глазах.
Никогда не узнают они отца.
Только память останется.
Ячейка во вселенском архиве…

И будто током ударило! Перед глазами запрыгали графики корреляций, назойливое бормотание Томински прорвалось из памяти: «…архив пустоты», «…зелёный и синий находились в суперпозиции», «…проявится в пространстве событий». Лоскутки

фраз начали обрастать логическими связями, теоретическими обоснованиями, данными экспериментов и наблюдений. Не существует никакого «зелёного» и «синего», это он, Ирвинг Гамильтон, произвольно разделил их. Когда выводили из суперпозиции отдельные квантеры, ноосферу в целом это не затрагивало. Но стоило выстрелить из коллайдера по всему массиву, и событие не осталось незамеченным. Ноосфера попыталась защититься, сохранить в архиве всё, что возможно. Не скопировать свои логические ячейки – создать идеальную копию произвольного квантового состояния невозможно, теорема о запрете клонирования доказана ещё в двадцатом веке, – а перевести их в нелокальное состояние. Люди вовсе не были декогерированы, подобно квантерам. Всё произошло с точностью до наоборот. Полная рекогеренция! Неудивительно, что попытки обратного воздействия закончились неудачей. Сцепленность невозможно увеличить, она и так равнялась единице.

Вероятно, нечто подобное происходит при физической смерти, когда сознание перестаёт существовать в виде локального элемента реальности. Подобное, но не то же самое. Во время эксперимента эпифиз не передавал сигнал о гибели биологической оболочки. Значит ли это, что процесс обратим? Но как вернуть упрятанную в архив информацию?!

И снова – графики, графики, графики… Всплеск, ещё один, запаздывание, опережение. Почему опережение? Погрешность измерений? Или эпифиз – не индикатор, а спусковой крючок? Если инвертировать сигнал, снятый с семимесячного плода в момент сцепления с ноосферой, и подать на шишковидное тело подопытного…

Ампула вывалилась из пальцев, звякнула о железо решётки. Колпачок отломился, капелька яда смочила присохшую к пластику пола грязь. С минуту Ирвинг смотрел на неё, не понимая, что это. Потом вспомнил. Тряхнул головой. Разумеется, то, что он сейчас придумал – не больше, чем гипотеза. За свою жизнь он выдвигал и опровергал сотни таких. Чтобы подтвердить её правоту, нужны скрупулёзные исследования, эксперименты. Время необходимо!

Времени у Гамильтона не было. И не было подопытных для экспериментов. Оставалось рискнуть. Не собой – это как раз легко! – дочерью.

Он подошёл к Марине, взял за липкую, перепачканную ладонь.

– Пойдём, милая. Не знаю, может быть, я убиваю тебя. Но ничего другого я не смог придумать.

Полчаса отведённого старшим куратором времени истекли,

когда Ирвинг пристёгивал дочь к кушетке у электроэнцефалографа. Он не знал, возможно, Брут и его помощники уже в вестибюле корпуса или поднимаются по лестнице. Потому спешил, хотя торопиться не следовало – требовалось не только придумать, как перенастроить аппаратуру, но и проделать это собственноручно. Эх, если бы рядом был кто-то из ассистентов! А лучше – Рой Виен. Инженер понял бы всё с полуслова и сделал тщательно, аккуратно. Но Виена арестовали за какую-то глупость. Почему глупость? Именно с этой «ерундой» он, Ирвинг Гамильтон, собирался экспериментировать.

Мартин Брут запаздывал. Ирвинг успел соорудить нехитрое приспособление для подачи модулированных электрических импульсов, инвертировать сигнал, когда-то полученный с эпифиза внука. Оставалось самое ответственное. И самое страшное.

Между «процедурной» и просмотровым залом – стена и двадцать метров пространства. Теперь Ирвинг видел дочь только на экране монитора. Она лежала, неотрывно уставившись в глазок камеры. Будто ждала чего-то.

Гамильтон нажал клавишу ввода, запуская процесс.

Женщина на кушетке вздрогнула: электрический импульс прошёл вдоль позвоночника. Частоту Ирвинг рассчитал, но достаточна ли амплитуда, чтобы запустить эпифиз? Неизвестно. Эти данные можно было получить только экспериментально.

Время шло, эпифиз не откликался. Неужели гипотеза неверна? Или стоит усилить импульс? А потом ещё раз усилить? И ещё… Мучить дочь до тех пор, пока сердце не остановится? Или пока Брут не заявится и не прекратит всё разом? Нет уж, если он решил рисковать, то будет рисковать до конца.

Ирвинг нарастил мощность импульса до критической. Либо он сейчас убьёт дочь, «решит вопрос», как сказал старший куратор, либо… Он нажал «ввод».

Тело женщины дёрнулось, выгнулось, пытаясь разорвать перехлёстывающие грудь и бёдра ремни, забилось в судорогах. Как же ей больно… Лишь бы не зря. Ирвинг поспешил отвернуться от экрана видеонаблюдения. Ну же, ну!

Эпифиз ожил. Знакомый зубец на графике. Запаздывание. Почему так долго?! Ага, вот он, ответный сигнал. Какой крошечный… Один кубит?

График словно взорвался, выплеснулся за обрез экрана, не успевая подстроить масштаб шкалы. Ирвинг перестал дышать. Это – оно? Получилось? Сознание возвращается в локальное состояние?

Бесконечно долгие миллисекунды всплеска прошли, масштаб

вновь изменился, а он всё продолжал следить за графиком. Выхолощенному, превращённому в громадный калькулятор квантеру понадобится не менее десяти минут, чтобы проанализировать свежий скансрез вакуума, обнаружить в нём изменения. Если они есть, конечно.

Где-то слева, в конце зала, запищало противно, назойливо. Ирвинг поморщился. Писк никакого отношения к происходящему не имел, он лишь отвлекал, мешал. Не хотелось даже вставать, идти туда, чтобы разобраться.

Писк не смолкал, напротив, становился всё громче, резче. И кажется, что-то начало мигать красным. Пришлось обернуться.

Мигал сенсор тревоги на мониторе датчиков, контролирующих состояние «пациента». А графики на экране были похожи на дохлых змей. Альфа-ритм мозга – ноль, дыхание – ноль, пульс – ноль.

У Гамильтона похолодело внутри. Он попытался вскочить, но ноги сделались такими слабыми, не устоять.

– Николай, ты дома?

Сэла осторожно заглянула в полуоткрытую дверь.

– Здесь я, здесь. Заходи.

Корсан-старший попытался поправить подушку, чтобы можно было опереться на неё спиной. Вышло скверно: правая рука не желала подчиняться. Сэла всё поняла, подбежала, обняла за плечи, помогая сесть.

– Спасибо. Видишь, как удачно ты зашла. А то так и лежал бы до полудня, пока сиделка не явится. Если ты ещё скажешь, что принесла мой любимый клубничный пирог, я поверю, что ты и впрямь волшебница, желания умеешь угадывать.

Николай улыбнулся, приглашая продолжить игру. Эта новая Сэла – знающая себе цену, заслужившая уважение наукоградцев красивая молодая женщина – нравилась ему ещё больше, чем тот перепуганный птенец, которого он полтора года назад привёл к себе в лабораторию. И дважды, трижды дурак Огней, не понимающий, какое счастье он рискует потерять. Или уже потерял?

Сэла игру не поддержала. Тяжело опустилась на стоящий у кровати стул.

– Нет, я не принесла пирог, прости. И я не волшебница. Я пришла за помощью. Мне больше не к кому идти.

Николай растерялся.

– Я всегда рад помочь тебе, ты же знаешь. Но… даже не представляю, что могу сделать? Я месяц с кровати не поднимаюсь. Левую руку Рой мне смастерил, а правую вот никак

не дождусь.

– Рой арестован по приказу Мартина Брута. Только что Давид узнал – ловцы и меня ищут.

– За что?! Неужто за ваши игры в Дворников?

– Это не игры, Николай. Сегодня ночью ловцы начали «очищать» Улей. По плану Брута три четверти живущих там женщин будут убиты, разделаны, заморожены и использованы в качестве мяса для наукоградцев. Оставшихся, «наиболее продуктивных», сделают молочным стадом.

– О боже… Он что, хочет построить цивилизацию каннибалов?

– Цивилизацию «чистого разума», не отягощённую этикой и моралью. Но это ещё не всё. После резни Улей затопило информационной грязью. Журавский погиб, случайно прикоснувшись к чёрной радуге, когда Рой открывал слив. Брут обвиняет нас, Дворников. Заподозрил какой-то чудовищный заговор. Я не знаю, чего он опасается, но Давид получил приказ немедленно уничтожить лабораторию Гамильтона. И всех, кого он там застанет.

– Час от часу не легче. Знаешь, Мартин шутить не будет. Ради своей цели он ни перед чем не остановится. Тебе и твоим друзьям лучше бежать из Наукограда.

– Как? На проходной меня сразу схватят. Давид мог бы угнать трансформ ловцов, но на аэродроме тоже охрана усилена, посторонним не пробраться. Единственный выход из-под купола…

Она посмотрела Николаю в глаза, и он понял. Они произнесли одновременно:

– …твой…

– …хамелеон Теслы!

– Он всё ещё в ангаре? Он ведь может вылететь из-под купола, как тогда?

– Конечно. Вверху силовое поле купола анизотропно, защищает от проникновения извне, а не изнутри. После того как Брут получил первую промышленную партию, об экспериментальном образце, кажется, вообще забыли. Как и обо мне. Значит, так, чип-ключ от ангара у меня в столе, в верхнем ящике. Вызывай Борна, остальных своих – пусть бегут туда. Нет, твой визифон наверняка на прослушке, давай я обзвоню. И немедленно улетайте! Планета большая, затаитесь где-нибудь на время. В конце концов, Мартин Брут не вечный.

Сэла покачала головой.

– Немедленно улетать мы не можем. Во-первых, нужно забрать детей…

– Каких детей?

– Из Питомника. Потенциальных Дворников. Ксения умеет распознавать по ауре, помнишь, я тебе рассказывала? Их немного, две дюжины всего. И Роя мы оставить не можем. Давид попытается его освободить.

– Сэла, это слишком рискованно! Брут не дурак, скоро вспомнит о моём хамелеоне. Может, уже отправил к ангару охрану.

– Без детей улетать смысла нет. И без Роя. Нас ведь всего четверо пока, каждый незаменим, понимаешь? Алекс Томински пятый, но он не Дворник, просто Ксения его не оставит.

Николай помедлил. Затем кивнул.

– Хорошо. Подкати сюда мой «наукомобиль». И одеться поможешь – заранее извини за неглиже. Нанесу-ка я визит старшему куратору. Развлеку его, пока вы собираться будете.

– А как же… Я надеялась, ты с нами полетишь?

Николай грустно улыбнулся.

– Я бы с радостью. Но в этом нет смысла. Мой вирус переходит в терминальную стадию. Я и так задержался в этом мире дольше, чем планировал. Может, хоть не зря.

Когда они были на пандусе, ведущем из коттеджа на улицу, Сэла тронула его за плечо.

– Николай… ты не в курсе, Огней сейчас где?

– Понятия не имею. Последний раз я его видел месяц назад. А ты?

– Ещё в декабре. Он приходил повидать Виктора. Брут сказал, что у Огнея отпуск с сегодняшнего дня.

– Да? Могу ему позвонить, если хочешь.

– Не знаю. Если он тоже был ночью в Улье…

Дослушивать Николай не стал, набрал номер брата.

Огней ответил почти сразу:

– Привет, братик. Рад тебя видеть. Как ты там?

– Живой. А ты сейчас чем занимаешься?

Вместо ответа Огней поднял руку с визифоном. Объектив камеры выхватил приборную доску, штурвал конвертоплана.

– Летишь? К нам?

– Угадал. Старший куратор наконец-то обо мне вспомнил. Отпуск предложил. А то я уж заподозрил, что меня окончательно в новобранцы записали. Ладно, братик, скоро увидимся. Я на посадку захожу.

Зачистка Сифа стала для Огнея и всех, кто её проводил, барьером, окончательно отсёкшим прошлое от будущего. Светлое Завтра неудержимо поднималось над горизонтом. В нём не было

места для глупых условностей, нелепых запретов, стыда. Дозволено всё, что полезно. Меру полезности определял Совет кураторов. А там, где Совет не успевал это сделать, каждый решал для себя. В начале очистки считалось само собой разумеющимся возвращаться каждый вечер в Наукоград, к семьям, в родные коттеджи. После Сифа поездки туда и обратно начали казаться излишней обузой. Куда проще разбить походный лагерь, а домой наведываться раз в неделю. И не только из-за того, что дорога утомляла. Вернее, не столько. В глазах друг друга они все были героями, защитниками, добытчиками. А вот в городе то и дело ловили на себе косые взгляды «высоколобых» и волонтёров Улья. Кому такое понравится? Несколько раз дело доходило до драки.

Западную промзону ловцы сделали легко, в точном соответствии с планом. Зачем прочёсывать подземные коммуникации в поисках обдолбов, если можно устроить ловушки с халявной жратвой и они сами в них сползутся? А те, кто не выполз вовремя, не выползут никогда: выходы взрывали, заливали бетоном, закачивали ядовитую морскую воду – благо берег рядом. Урожай в промзоне был не богат, но это уже никого не пугало. Морозильники заполнены, а на пути ещё Джан.

Джан – последний, самый северный мегаполис полуострова – стоял посреди бескрайней, от моря до моря, свалки. И сам весьма походил на высеченную из бетона гору мусора. Здесь охотились весело, не напрягаясь, с шутками и прибаутками. Придумывали развлечения, отмечали тысячных. Расслабились. И потеряли пятерых.

Разумеется, обдолбы были ни при чём. В Джане их уцелело немного, да и те прятались от зимних холодов в подвалах и колодцах теплоцентралей. Сидели там, жались друг к другу и только визжали, когда их цепляли багром за ребро или ключицу и выдёргивали на свет божий. Беда пришла, откуда никто не ждал. Семён Лагунов слетел с катушек. Вечером, во время очередного празднества, в ответ на неудачную шутку схватил автомат, расстрелял четверых новобранцев, а затем сбежал в Наукоград. Дома перерезал горло жене, выпотрошил её, аккуратно разделал тушу и направился к коттеджу Карловичей. Он бы и там устроил резню, несомненно. Если бы его не остановили. Огней собственноручно застрелил бывшего друга.

Он всё сделал правильно. Спас от страшной смерти женщину и двух детей, зачистил лишившегося разума обдолба. Но… в лагере его начали сторониться. «Смог бы я вас пристрелить, если понадобится?..» Другие предпочитали увиливать от ответа на этот вопрос. Огней доказал: он – может.

Формально он по-прежнему оставался старшим ловцом, руководителем очистки. Но как-то так получилось, что распоряжения теперь отдавали Ост и Влад Джарта. А когда прошли Джан, даже ведомые Огнея отказались с ним работать. Пожалуй, единственный, кто не отвернулся от командира, был Давид. Но Борн числился на особом счету у старшего куратора, в зачистках не участвовал, в лагере появлялся редко. Его команда выполняла «ответственное» задание – на новых машинках-трансформах патрулировала воздушное пространство полуострова. Кого опасался Брут? Ворон, что ли? Так и те подались на север, когда в Крыму падали не осталось.

Профессионалы работать в личной тройке Корсана не хотели. Зато среди новобранцев недостатка в желающих не было. Ему выделили двоих, и обе, не иначе как в насмешку, девки! Огней сначала хотел отказаться, а потом подумал: к чёрту, какая разница? Главное – сильные, тренированные, выносливые. И кровью замараться успели. Самую малость – по полусотне обдолбов не наберётся. Но для начала годилось. К тому же вполне зрелые женщины, не мокрохвостки зелёные. Одной за тридцать, и вторая не намного отстала. Смотрят на командира преданно, с восхищением – для них он по-прежнему герой, супермен, способный предвидеть опасность. Не знают, что векторы погасли для него ещё в июне…

Было и дополнительное преимущество у ведомых женского пола. Среди ловцов женщина – редкость, одна на десятерых. Потому мужикам приходится выкручиваться, кто как сможет. А у Огнея с этим забот нет. Пусть у обеих его ведомых в Наукограде мужья, а у старшей ещё и дочь-школьница: какая разница? То в Наукограде. В походном лагере другие порядки. Здесь Светлое Завтра уже наступило. Хотя бы частично.

Да, даже вдвоём эти женщины не стоили и половины Сэлы. Но Сэла осталась в прошлом. После того глупого инцидента с синяком Огней несколько раз пытался подступиться к жене. И натыкался на ледяную стену. Она не кричала, не отталкивала, не вырывалась. Стояла неподвижная, как статуя. А брать её насильно Огней не мог – не обдолб же он! И самое страшное – аромат исчез! Или он больше не мог уловить его?

В конце концов он не выдержал, первым спросил: «Что, между нами всё кончено?» Жена подумала, покачала головой. «Нет. Но если люди хотят быть близки, им надо сделать шаги друг навстречу другу. Я свою половину пути прошла до конца. Очередь за тобой». Но что он должен сделать?! Огней не понимал. Может быть, в ту ночь, когда он стоял на пороге коттеджа Карловичей и мёртвый Семён лежал у его ног, а Ленка Карлович ползала на

коленях и шептала: «Детей пощади, умоляю!» – словно не Лагунов, а он, Корсан, пришёл их убивать, нужно было не возвращаться в лагерь, а идти прямо к Бруту? Швырнуть автомат, крикнуть: «К чёрту! С меня довольно!»? А потом ехать в Улей, проситься волонтёром на любую работу, убирать дерьмо в стойлах, подмывать промежности «пчеломаткам»? Огней не сумел себя пересилить. А после твердил упрямо, что порученное задание надо выполнить, и выполнить хорошо. И уже потом…

В конце февраля ловцы вышли к перешейку. Очистка полуострова закончилась. Теперь следовало возвести кордон, организовать охрану – рутина. Профессионалы один за другим уходили в отпуск, уезжали в Наукоград. Вскоре под командой Огнея остались одни новобранцы, переквалифицированные в строителей. С одной стороны, так было спокойней. С другой – бесило. И когда Мартин Брут позвонил рано утром, предложил отдохнуть пару недель, Огней возражать не стал. Он твёрдо решил – карьеры старшего ловца с него довольно. Пусть назначают Оста, Влада, Давида – кого угодно. Он сыт по горло «Светлым Завтра». По уши!

Задержать Сэлу Фристэн оказалось не так просто, как Брут предполагал. В коттедже Огнея она, естественно, не появлялась, в коттедже Виена её тоже не нашли. Ни в общежитии, ни в Управлении, ни в больнице куратора Улья не видели. Слишком поздно Мартин вспомнил о мальчишке: няня сообщила, что приёмная мама забрала малыша за пятнадцать минут до звонка старшего куратора. Куда они направились, неизвестно. Единственная достоверная информация – Фристэн оставалась под куполом. Но где именно? Пока не выяснилось, кого Враг успел обработать, под подозрением были все.

А тут ещё в затылке начало ломить, перед глазами мутные круги поплыли – верный признак зарождающегося вектора. Ни разу Мартин не ощущал себя так скверно. Не иначе Враг готовился нанести решающий удар. Знать бы где? И как назло, Борн с отчётом о деактивации последнего квантера запаздывал. Неужто Гамильтон не послушал предупреждения? Идиот старый…

Давид Борн был Мартину симпатичен. Всегда уравновешенный, спокойный, рассудительный, что так выгодно отличало его от Корсана. И профессионализма, опыта не занимать. Вот кому быть старшим ловцом. Устроить ему, как и остальным, «причастие» в Улье…

А может, наоборот, не нужно Борна марать? Да, ловцы – это реальная сила. Но удастся ли с ней совладать? «Старая гвардия»

обосабливалась с каждым днём всё сильнее, превращалась в касту неприкасаемых. Акция в Улье только увеличит трещину между ними и остальными наукоградцами. Сейчас, когда Враг вновь поднял голову, ловцы необходимы. Но после окончательной победы не исключено, что от них придётся избавиться. Без малого пять сотен новобранцев во главе с Борном, да ещё оснащённые трансформами – сила не меньшая, чем профессионалы. И куда более предсказуемая.

Решать вопрос с самим Корсаном Мартин собирался безотлагательно, потому и вызвал его в Наукоград. В душе Брут всегда был «охотником на зайцев», любил убивать двух одним выстрелом. Фристэн стала слишком популярной, нелегко будет объяснить согражданам, кто она на самом деле. И не надо. Куда легче и полезней превратить её в мученицу. Светлому Завтра необходимы мученики, их кровь укрепит фундамент нового мира. Вспыльчивого, болезненно самолюбивого Корсана достаточно чуть подтолкнуть в нужном направлении. После того, что устроил его приятель Лагунов, подобный исход никого не удивит. Наоборот, ещё один аргумент в пользу предстоящей чистки среди ловцов… Но всё-таки: почему Борн задерживается?

Мартин уже собирался вызывать своего протеже, когда раздался сигнал интеркома. Секретарша.

– Господин старший куратор, к вам Николай Корсан. Говорит, что дело не терпит отлагательства.

Мартин удивился. Этому ещё что понадобилось? Хотел отказать. И передумал. Калека, которому жить осталось от силы месяц, Врагу вряд ли интересен. Значит, Корсану-старшему можно хоть в какой-то мере доверять. До тех пор, пока он не знает, какую роль старший куратор уготовил для его братца.

Коляска вкатилась в кабинет с тихим жужжанием. Мартин невольно ужаснулся, взглянув на посетителя. Корсан осунулся, пожелтел, левый глаз был едва приоткрыт.

Всё же Мартин спросил:

– Добрый день, Николай. Как у тебя дела?

– Плохо, – без обиняков ответил калека. – Собственно, поэтому я к вам и приехал. Мне нужна помощь.

– Всё, что могу, ты же знаешь.

– Всё не нужно. Только одна услуга. Вы запретили эвтаназию. Мне не выдают яд в аптеке. А для других способов сил у меня, увы, не осталось.

Мартин вздохнул.

– Я понимаю, как тебе тяжело. И обещаю что-нибудь придумать. Потерпи…

– Нет, вы не понимаете! Я не могу ждать. И так уже слишком

долго терплю. Я терпел, когда отказали ноги. Когда отказали руки – сначала одна, потом и вторая, – тоже терпел. Но теперь пришла очередь мозгов. Я не хочу превращаться в овощ, в обдолба! Хотя к обдолбам вы и то милосерднее. Не просите их «терпеть», сразу деактивируете. Мне остаётся только позавидовать им.

– Как ты можешь сравнивать? Сознание этих существ умерло больше года назад!

– Вот-вот, причём мгновенно, они даже понять ничего не успели. А моё будет умирать медленно, по крупице. И я ещё долго буду это осознавать. Но конец – одинаковый. И такого финала я не хочу. Я сделал для Наукограда достаточно, чтобы рассчитывать на вознаграждение. Ничтожное вознаграждение – одна ампула с ядом.

У Мартина голова раскалывалась от боли, злые мелкие иглы впивались в нёбо, в горло, слёзы выступали из глаз. Он не выдержал, схватился за виски.

– Николай, что я могу сделать для тебя в данную минуту? Если ты приехал за ядом, то у меня в кабинете его нет. Могу предложить пистолет, если желаешь!

– Спасибо за щедрое предложение. Но только если вы меня и застрелите. Боюсь, сам не смогу, ещё сильнее покалечусь. И ковёр вам кровью запачкаю. Лучше позвоните в аптеку и прикажите выдать мне ампулу.

– Ты прекрасно понимаешь, что я не могу этого сделать. Не могу нарушить приказ, который сам отдал.

– Можете, если об этом никто не узнает. Позвоните Сирию, вызовите его к себе. И прикажите выдать мне ампулу. Всё останется между нами. Надеюсь, у вас в кабинете нет прослушки?

– Не паясничай. В Наукограде никого никогда не прослушивали.

Мартин закрыл глаза, пытаясь уменьшить боль. И – увидел! Да, с закрытыми глазами стрелка была прекрасно видна!

Он вскочил, бросился к окну. К сожалению, оно выходило в парк, а вектор указывал в противоположную сторону. Туда, где поднимались лабораторные корпуса. И не надо было видеть, чтобы догадаться, какой именно грозит опасностью.

Мартин рванулся к двери кабинета. Но калека оказался на удивление прытким. Миг – и коляска перегородила дорогу.

– Мартин, стойте! Я никуда вас не выпущу.

Брут взвыл от досады. Развернулся, подскочил к столу, вырвал листок из блокнота, нацарапал несколько слов, сунул калеке.

– Держи! Распоряжение Сирию. Он даст тебе столько яда,

сколько пожелаешь. А сейчас – с дороги! Мне нужно быть в квантовой лаборатории, немедленно.

Когда коляска Корсана выехала из Управления, Брута и след простыл. Николай понятия не имел, что могло приключиться в лаборатории квантовой физики. Возможно, старший куратор отправился проверять, выполнено ли его распоряжение о деактивации квантера. Не выполнено: Давид Борн совсем другим занят. Как бы там ни было, Бруту сейчас не до экспериментального хамелеона.

Звонить Сэле Николай не рискнул, набрал номер интеркома ангара. Хоть Брут и уверял, что прослушкой не занимается, верилось в это мало.

Едва загудел зуммер автоответчика, попросил:

– Сэла, это я, Николай. Если ты там, ответь.

Экранчик визифона зажёгся почти мгновенно.

– Да, мы с Алексом уже здесь. Ксения забрала детей, ждём её. У Давида тоже всё получилось, с минуты на минуту они будут на месте.

– Хорошо. У Брута неотложные дела появились, так что ему не до вас. Но медлить всё равно не стоит. Удачи вам! И прощай.

– Да. Спасибо, Николай. Ты… – Сэла запнулась —…очень хороший человек.

«Надеюсь», – мысленно ответил Корсан и отключил виз. Звонить он больше никому не собирался.

Первоначально Николай планировал забрать у Сирия яд, вернуться домой и… Но, когда крошечная ампула легла во внутренний карман куртки, вдруг подумал: а зачем ехать домой? Умереть в собственной постели не получится: ему не выбраться из коляски без посторонней помощи. Да и опостылела кровать. Вовсе не подушку и потёртую драпировку на стене он хотел видеть в последнюю минуту жизни.

Воочию Мартин увидел вектор, едва вывел электромобиль из подземного гаража Управления. Стрелка была странная. Необычно размытая, она словно пыталась одновременно указывать на две разные точки. Одну Мартин узнал – квантовая лаборатория. Вторая была значительно южнее, скрыта за громадой главного производственного корпуса. И самое странное – стрелка то и дело меняла цвет.

Он переехал мостик через речку, остановился, не зная, как быть. Он не мог находиться в двух местах одновременно, вмешаться сразу в два события! А векторы требовали именно этого. И тут, будто подсказка, зазуммерил виз на запястье.

Секретарша.

– Господин старший куратор, вам срочный вызов. Из дежурной части звонят.

Сердце нехорошо ёкнуло.

– Соединяй!

– Хаспат'ин Хрут! Хаспат'ин Хрут!

Мартин узнал веснушчатого охранника, что привёз предателя Виена. На парня смотреть было страшно: лицо перекошено, сведено судорогой, язык заплетается так, что слов не разобрать. Не требовалось и спрашивать, чтобы угадать причину – парализатор!

– Арешт'вный шбешал… Приш'ловес, Борн… приказ от вас… Мы пштили… А он – штрелял… Ребят вырубил… Меня менше шадело… Увёл арештов'нова…

– Куда они ушли, знаешь?

– Борн шкажал Виену… «В ангар… там Шэла и вше…» Я чуть очухался… вам швонить…

В какой ещё ангар? Неужели на аэродром подались? Но там охраны полно. Или все ловцы уже подчинены Врагом? Тогда остаётся взять пистолет и немедленно застрелиться.

И тут Мартин вспомнил, что находится за главным производственным корпусом. Ангар лаборатории транспорта с экспериментальной моделью трансформа! Именно на него указывал вектор, туда направлялись враги. И Сэла Фристэн скрывалась там. А код доступа в ангар – только у Корсана-старшего. Вот для чего он ломал комедию – задержать пытался. Никому нельзя доверять.

Обиднее всего, что Враг просчитывал каждый шаг Мартина, словно в мысли его заглядывал. Выхватывал именно тех людей, на которых старший куратор хотел бы опереться в строительстве нового мира: Фристэн, Борн, кто ещё?

До ангара рукой подать, и времени прошло немного. Пожалуй, он успеет задержать беглецов. Подкрепление можно вызвать по дороге. Мартин вдавил педаль сцепления… И опомнился.

Это же приманка, западня! Борн специально оставил одного из охранников в сознании, упомянул ангар и Сэлу, чтобы сбить со следа старшего куратора. Пока он будет ловить беглецов, в лаборатории квантовой физики может произойти всё, что угодно. Возможно, в эту самую минуту Враг берёт под контроль энергостанцию, готовится взорвать Наукоград? Или замыслил нечто худшее…

Но оставить без внимания ангар он тоже не мог. От Фристэн и её шайки зависит будущее – векторы не ошибаются.

Мартин быстро набрал номер.

Звонок старшего куратора застал Огнея в дверях проходной.

– Огней Корсан, ты уже в Наукограде?

– Почти. А я как раз собирался вам звонить. Только что узнал: вы приказали задержать мою жену, Сэлу Фристэн. Что это значит? Что вообще творится в Наукограде?

– Нехорошее творится. Рассказывать подробно времени нет. Срочно езжай к лаборатории транспортников, твой брат в опасности. Фристэн и Борн затеяли скверное дело – хотят вернуть Врага. Останови их, пока не поздно.

– Мой брат?! Что с Николаем?

– Нет времени! Позже, позже! Задержи их до моего прихода. Любой ценой! Иначе они погубят и Николая, и себя, и всех нас. Весь Наукоград угробят! Огней Корсан, ты сделаешь это? Я могу на тебя рассчитывать? Хотя бы ты не предашь?

Брут смотрел почти просительно. Видно было: несладко ему сейчас, загнали старшего куратора в угол. Потому и вспомнил о Корсане.

Огней кивнул.

– Хорошо. Жду вас в ангаре. Я разберусь, что у вас тут происходит.

– Будь острожен! Они уже убили Журавского, изувечили нескольких охранников.

Это предупреждение прозвучало даже не смешно. Огней не стал на него отвечать.

«Срочно езжать» означало не крутить педали велосипеда, а конфисковать на проходной электромобиль и мчать по всё ещё полупустому – половина народа в отпусках, отсыпаются – Наукограду от ворот до самой юго-западной оконечности, туда, где каменистые склоны подступают к лабораторным корпусам и потрескивают электрические искры на башенках-излучателях силового поля. Огней пронёсся по проспекту, свернул в сторону набережной, не снижая скорости, вывернул к пищефабрике. Водитель экстренно затормозившего молоковоза высунулся из кабины, что-то закричал вдогонку. Некогда, дружище, некогда! Старший ловец Корсан спасает мир. И своего несчастного брата в придачу.

Судя по всему, сегодня ангар транспортников был популярен. На парковке стоял электромобиль с паучьей сеткой на радиаторе – эмблемой ловцов, – и парочка велосипедов прислонилась к стене. Огней остановил машину, недоезжая метров двадцать, выпрыгнул на бетон, прислушался. Ворота ангара распахнуты настежь, но изнутри не доносилось ни звука. Тишина, безлюдье,

тёмный зев ворот – всё это смахивало на ловушку. И то, что Давид уже был здесь, лишь усиливало ощущение опасности. Потому Огней снял автомат с предохранителя и скользнул в сторону от ворот, к велосипедам и неприметной дверце служебного входа рядом с ними. Судя по зелёному глазку над замком, здесь тоже было не заперто.

Появления Корсана никто не заметил: заговорщики были увлечены работой. Ещё один электромобиль, с красным крестом – именно для него распахнули ворота, – приткнулся задним бортом к стенке эстакады. Тент был опущен, Сэла стояла в кузове, подавала какие-то белые свёртки сидящему на эстакаде Борну. Тот принимал их бережно, вставал, поворачивался, передавал груз свесившейся из распахнутого люка трансформа Ксении Полёвой. Из-за плеча врачихи выглядывала лобастая голова Томински.

С полминуты Огней наблюдал за происходящим. И вдруг понял, что за свёртки грузят в трансформ. Это же дети! Закутанные в одеяльца младенцы. Открытие ему очень не понравилось. И ещё больше не понравилось, что в ангаре не видно инвалидной коляски брата.

Сэла передала последний свёрток. Теперь в кузове оставались только она и малыш в красной курточке и ярко-жёлтой вязаной шапке. Той самой, что принёс Огней, когда последний раз приезжал в Улей проведать сына. Не угадал с размером, шапка оказалась слишком велика для головки малыша. «Ничего, – сказала тогда Сэла, – на вырост будет». На вырост, значит… И где же она собиралась растить его сына?

Огней закусил губу. Борн как раз передал свёрток Полёвой и стоял спиной к нему, высоко подняв руки. Самое время вмешаться.

– Всем стоять! Не двигаться! – приказал.

Рука Давида дёрнулась к кобуре с парализатором. Огней повёл стволом.

– Спокойнее, Борн! Медленно сними портупею и отбрось подальше. Медленно, я говорю! Или дырку в голове заработаешь.

Давид помедлил, потом подчинился. Портупея с кобурой отлетела в сторону. Не очень-то далеко, так, чтобы остаться на пандусе, ведущем к эстакаде. Огней отметил эту уловку.

– Огней! – опомнилась наконец Сэла. – Я тебе всё объясню…

– Конечно. Ты всё объяснишь.

Корсан ткнул стволом в сторону Полёвой и Томински:

– Вылезайте и становитесь рядом с вашим дружком. В машине ещё кто-нибудь есть?

– Рой, – призналась врачиха. – Но он ранен, спит. Я дала ему

успокоительное.

– Ладно, поверю. Пока.

Огней вновь взглянул на жену:

– А тебе что, особое приглашение? Быстро к ним!

Сэла кивнула, наклонилась к Виктору-маленькому.

– Ребёнка не трогай! – рявкнул Огней.

– Он плакать будет.

– Не твоё дело! Куда ты собиралась увезти моего сына? И где Николай?

– Я не знаю…

– Не ври! Ключ от ангара был только у него. Что вы сделали с моим братом?

– Послушай, Огней… – начал было Давид.

Но Корсан его оборвал:

– Заткнись, Борн. Я знаю: вы все тут шибко умные собрались. Начнёте потчевать сказками, какие вы белые и пушистые и в какой грязи выделался я. Надоело! Теперь вы меня послушайте. Мы все вместе подождём Мартина Брута. И вот тогда выслушаем обе версии. Попробуем слепить из ваших сказочек правдивую историю. А пока я хочу поговорить с братом. Удостовериться, что у него всё в порядке.

Он набрал номер. Сигнал шёл и шёл, но ответа не было. Сэла стояла, прижимая к груди Виктора-маленького, смотрела напряжённо на мужа, тоже ждала ответа. Не дождавшись, предположила:

– Огней, Николай может не ответить уже. Он очень страдал последние дни. Он хотел…

Она не договорила, но Корсан и так понял. Николай очень страдал… Огней прекрасно понимал, что брату недолго осталось, но гнал от себя эти мысли, старался забыть. Даже не навещал…

Бессильное отчаяние холодом прокатилось по телу. И злость.

– Врёшь! Часа не прошло, как я разговаривал с ним. Он не мог… Это ты! Ты с ним что-то сделала, чтобы добыть ключ от ангара! – Он закричал, пытаясь криком заглушить абсурдность обвинения. – Ты отобрала у меня брата! И сына хочешь украсть, да?! Куда вы бежите?

– Всё равно куда, – хмуро пробормотал Давид. – Лишь бы подальше из этой клоаки.

– Молчать! Не тебя спрашиваю!

– Огней, мы не замышляем ничего дурного. Если хочешь, лети с нами, – заговорила и Полёва. – Только Брута ждать не нужно. Он не станет ничего объяснять. Он и нас, и тебя убьёт ради своего «Светлого Завтра».

Огней засмеялся.

– Брут? Нет, это я вас прикончу, если вы что-то сделали с моим братом. Вы все считаете меня убийцей? Правильно, я и есть убийца.

Визифон в который раз выдал сообщение: «Нет ответа», и он сбросил повтор вызова. Выбрал из списка другой номер.

– А Брут… Вот сейчас мы его позовём сюда и проверим, на что он годится.

– Не надо, пожалуйста, – вновь попросила Ксения.

Давид выругался шёпотом, Томински втянул голову в плечи, стал ещё ниже ростом, кажется, принялся поскуливать.

Сэла молчала. Стояла, обнимала сынишку и неотрывно смотрела в одну точку – не на Огнея, не на дверь за его спиной, не на ворота ангара, – просто в стену. А брови её поднимались всё выше, словно видела нечто, чего увидеть не ожидала. Чего вообще быть не могло.

Огней прекрасно понимал: нет там ничего и быть не может. Но не выдержал. Быстро повернул голову, взглянул на жёлтую гофрированную стену ангара. И тут же краем глаза заметил движение – Борн бросился к лежащему в десятке шагов от него оружию.

Автоматная очередь гулко прогрохотала под сводом ангара. Почти заглушила крик:

– Огней!

Вскочить на ноги Ирвинг не смог, потому крутнулся на кресле к экрану видеонаблюдения. И не поверил глазам – кушетка в «процедурной» была пуста. Расстёгнутые ремни валялись на полу. Он моргнул, пытаясь прогнать наваждение, потянулся, чтобы ущипнуть себя. И услышал за спиной:

– Папа?

Леди Гамильтон стояла в дверях зала, прикрывая руками наготу. Грязные космы волос падали на лицо, но скрыть ярость, сверкающую в синих глазах, они не могли.

– Почему я в лаборатории? Почему я голая и грязная? Ты что, эксперименты надо мной проводишь?! Что ты со мной сделал?

– Доченька… – только и смог пробормотать в ответ Гамильтон.

Рука, прикрывавшая лоно, дрогнула, поднялась к животу. Ярость в глазах женщины сменилась тревогой.

– Мой ребёнок? Что ты сделал с ребёнком? Ты…

Ирвинг опомнился. Отчаянно замотал головой.

– Нет, доченька, нет! Ты благополучно родила сына. Ему уже год скоро.

Марина моргнула. Удивлённо обвела взглядом пустую

лабораторию, мёртвый экран визуализатора.

– Как год? И где все? Где мой ребёнок?! Что вообще произошло?

Ирвинг неловко поднялся из кресла. Стараясь не упасть, заковылял к дочери.

– Твой сыночек у Сэлы… Ах да, ты же её не знаешь! Это жена Огнея Корсана. Он усыновил малыша и назвал в честь своего отца Виктором. Я расскажу, Мариночка, всё расскажу. Главное – ты вернулась! У меня получилось, я теперь знаю, что делать. Мы всё сможем исправить.

Он протянул руки, пытаясь обнять, но Марина отстранила его:

– Папа, ты что? Я же голая! И грязная… У вас тут есть хоть какая-то одежда? Что-нибудь накинуть на себя? А то стою, как… не знаю кто!

– Одежда? – Ирвинг вспомнил о плаще, висящем в кабинете. – Да, да, есть. Пойдём!

Он повернулся к двери зала. Марина шагнула за ним, но тут же остановилась.

– Нет, лучше сюда принеси. Неловко мне, знаешь ли, голой по институту разгуливать!

Когда Мартин вбежал в вестибюль первого лабораторного корпуса, в затылке у него так ломило, что впору караул кричать. И сине-алая муть перед глазами, словно сам внутри вектора оказался. Потому Гамильтона он увидел, лишь едва не налетев на него.

Профессор спешил по коридору, сжимая в руках плащ, и радостно улыбался. Это поразило Мартина больше всего. Ох, как давно он не видел старика улыбающимся!

– Гамильтон, ты почему до сих пор здесь? Что с квантером?

– С квантером? На счастье, всё благополучно. Пожалуй, его я тоже смогу подключить.

– Что?!

– Но это неважно. Главное, теперь я умею декогерировать людей. Да-да, декогерировать, а не рекогерировать! Мы вернём всех, Мартин. Слышишь? Всех!

– Ты спятил? Сознание внешнемирцев погибло, это сто раз доказывали!

– Кто доказывал? Чушь собачья все ваши доказательства. Вот у меня имеется настоящее.

Он схватил старшего куратора за руку, потянул за собой:

– Идём, идём, покажу!

Он окончательно сошёл с ума, несомненно. Именно

сумасшествие добавляло ему силы, позволяло тянуть за собой Брута, который весил чуть ли не втрое больше. А тот никак не мог остановить тщедушного старика.

Они ворвались в просмотровый зал. И Мартин остолбенел от неожиданности, когда абсолютно голая женщина, поджидавшая их там, громко ойкнула, вырвала из рук Гамильтона плащ, отскочила в сторону, поспешно натягивая его. И, густо покраснев, вымолвила:

– Здравствуйте, дядя Мартин.

Только по голосу Брут понял, кто перед ним. И волосы зашевелились на голове.

Ирвинг победно уставился на него, уперев руки в бока.

– Как тебе моё доказательство? Видишь, я вернул дочь, хоть никто не хотел в это верить.

– Так это ваш эксперимент, да? – Марина Гамильтон подалась вперёд. – Что вы натворили? Почему я ничего не помню? Я везла Дина в Наукоград, когда… Что с Дином?!

Мартин смотрел на них, переводя взгляд с дочери на отца. Всё оказалось куда хуже, чем он опасался. Давняя догадка о том, что тела лишившихся разума людей Враг сохранил для собственных целей, подтверждалась. Вот и началась реинкарнация электронного монстра. Он, подобно Фениксу, возрождался из пепла, воспользовавшись плотью и кровью своих создателей. Как это происходило, Мартин не понимал. Возможно, ещё один вирус, на этот раз перестраивающий клетки мозга? Тогда Фристэн и её приспешники – разносчики инфекции, мост между электронным разумом и человеческим. Их нужно уничтожить, немедленно. Будем надеяться, в ангаре всё пойдёт по плану.

– Твой Дин умер. А вместе с ним – ты и ещё четыре миллиарда жителей Земли, – ответил он женщине.

Повернулся к старику:

– Ирвинг, ты понимаешь, что натворил? Вернул Врага, которого мы уничтожили с таким трудом.

– Мать честная, Врага! – Гамильтон засмеялся. – Мартин, нет никакого врага и никогда не было. Единственный враг человечества – оно само. Вернее, его леность, косность, инертность. «Великий Ноо» – хоть «зелёный», хоть «синий» – это и есть человечество. И квантеры – продолжение нас. Расширение нашего разума, наши новые органы чувств, оперирующие на информационном уровне. Человек – уникальное существо. Он живёт в двух реальностях одновременно, и в физической, и в информационной. Бессмысленно задавать вопрос, возник ли наш разум благодаря существованию ноосферы планеты или ноосфера

явилась результатом деятельности нашего разума. Между этими событиями нет причинно-следственных связей, они находятся в суперпозиции. Разум – великий дар, и люди не имеют права от него отказываться, ограничивая себя животными потребностями. Не вправе добровольно превращаться в быдло, в обдолбов. Катастрофа преподнесла человечеству жестокий урок. Я долго думал, что спасло Наукоград. А теперь понял – только здесь люди жили так, как и должны жить разумные существа. И ещё: мы уцелели, чтобы вернуть остальных. Да, пока я умею выполнять только одиночные декогеренции. Но это не принципиально. Мы можем использовать широкополосное излучение, чтобы инициировать пусковой импульс. Перепрограммируем станцию сканирования, задействуем спутники. Мы вернём всех, кто уцелел, и мир изменится. Никто больше не захочет быть обдолбом.

Нет, Гамильтон не был сумасшедшим. С абсолютной ясностью Мартин понял: руководитель лаборатории заражён тем же вирусом. Не исключено, что это случилось ещё до эксперимента. Враг предвидел всё заранее. Именно Враг организовал катастрофу его, Мартина, руками – не очистить планету от людей он хотел, а превратить их в себя. У него почти получилось. Всего шаг оставался до победы, полной и окончательной. Да, в новом мире ни один человек не пожелает становиться обдолбом. Потому что людей в том мире не будет!

– У нас получится, Мартин, увидишь, – продолжал вещать Гамильтон. – Начнём с женщин, что вы собрали в Улье. Завтра же мне нужно десять… нет, сто для экспериментов. И моих сотрудников, разумеется, верни. Роя Виена – в первую очередь. Что за ерунду ты придумал, Мартин, – арестовывать моего лучшего инженера? Чем он тебе не угодил? Тем, что способен видеть информационную грязь? Моя дочь обладает таким же даром. Я думаю, стоит прислушиваться к их предостережениям, чтобы вновь не ступить на ложный путь.

Все опасения подтверждались. Да – инфекция. Да – разносчики. И теперь понятно, кто заразил Гамильтона и Корсана-старшего.

Рука Брута легла на кобуру пистолета. Марина Гамильтон тихо охнула, отступила. Но Ирвинг ничего не замечал.

– Мартин, мне нужен мой инженер, немедленно! И мои ассистенты. Схема излучателя уже здесь. – Он постучал себя по голове. – Если модулировать пусковой сигнал…

– Папа!

Пуля вошла в лоб Гамильтона как раз над переносицей. Затылок взорвался ошмётками кости, крови, мозга. Гениальный

физик, уничтоживший цивилизацию, умер мгновенно, не успев понять, что умирает.

Мартин повернулся к женщине. Заразу следовало вырвать с корнем. Ещё не поздно это сделать.

Леди Гамильтон попятилась. Округлившиеся от ужаса глаза смотрели на ствол пистолета, костяшки пальцев, сжимающих отвороты плаща, побелели.

– Дядя Мартин, не надо…

Брут нажал спусковой крючок.

– Огней!

Инвалидная коляска на всей скорости, которую могла развить, неслась от ворот ангара. Огней растерялся. Только и воскликнул: «Николай?!», как передок машинки ударил его под колени.

Увернуться Огней не успел, опрокинулся навзничь. Автомат вылетел из руки, звонко грохнулся о бетонный пол.

– Николай, что ты делаешь?! Это же я, ты что, не видишь?!

– Вижу, братик, вижу!

Коляска развернулась на месте, стала, не позволяя дотянуться до оружия. Огней оглянулся на беглецов. Борн сидел на эстакаде, не обращая внимания на струящуюся по рукаву куртки кровь, дёргал затвор заклинившего, искорёженного пулями парализатора. Полёва приняла на руки Виктора-младшего и помогала выбраться из кузова Сэле. Белый как полотно Алекс Томински жался к фюзеляжу трансформа, готовый юркнуть в спасительный люк.

– Улетайте! – закричал им Николай. – Быстрее! Сейчас здесь будут ловцы!

– Стоять! – Огней вскочил на ноги. – Никто никуда не летит! Я не позволю! Не отдам своего сына!

– Это не твой сын. Тебе не нужен ни сын, ни жена, ни Марина, ни я. Тебе никто никогда не был нужен, братик. Ты даже сам себе не нужен.

– Всё сказал? Тогда отвали к чёрту!

Томински, Борн, Полёва с ребёнком уже были внутри трансформа. Сэла медлила. Снова посмотрела на невидимую точку на стене ангара, потом – на Огнея. На миг их взгляды встретились.

– Стой! Ты не можешь сбежать! – закричал ей Корсан-младший. – Ты говорила, что любишь меня! Врала, да?!

Сэла ничего не ответила. Молча отвернулась, исчезла в люке трансформа. Но отчего-то казалось, что последнее слово осталось за ней. Очень важное слово. Только понять его не получается!

Злость, ощущение собственного бессилия от невозможности исправить происходящее захлестнули Огнея. Он рванулся к эстакаде, что было силы оттолкнул коляску брата. Прочь, прочь с пути! Люк трансформа опускался, отсекая его от Сэлы.

– Стой, я сказал!

Позади что-то загремело, хрустнуло. Громко вскрикнул Николай.

Огней оглянулся. Слишком сильно он толкнул инвалидную коляску. Машинка не устояла, опрокинулась на бок. Колёса беспомощно вращались в воздухе, а пассажир распластался на бетоне, уткнувшись в него лицом.

– Николай?

Огней бросил взгляд на трансформ, готовый оторваться от эстакады, взлететь к открывшемуся в потолке ангара проёму. Бежать вдогонку?

Несколько секунд он медлил, затем шагнул к брату.

– Николай, ты сильно ушибся? Прости, я не хотел…

Корсан-старший молчал. И не шевелился. Искусственная рука его нелепо вывернулась в суставе.

– Николай?

Огней присел рядом, осторожно перевернул брата на спину. Веки Корсана-старшего вздрогнули, приподнялись. Губы шевельнулись.

– В кармане… ампула…

Огней быстро распахнул куртку на груди брата.

Колпачок ампулы отломился при ударе, игла глубоко вошла в тело, проткнув джемпер и рубаху.

– …осторожно… яд…

Огней выдернул ампулу. Бледно-жёлтой жидкости осталось едва на треть.

– Чёрт… Чёрт! Братик, потерпи. Я сейчас врача…

– Поздно…

Губы Николая скривились в грустной улыбке. Прошептали непонятное:

– …где брат твой…

Веки вновь опустились. Николай Корсан был мёртв.

Тощий долговязый мужчина возник из ниоткуда. Бросился на Мартина, вцепился в руку, стараясь вырвать оружие. Закричал:

– Марина, беги! Уходи через радугу! Помнишь, я говорил? Сто лет!

На миг Мартин растерялся: таким неожиданным было появление незнакомца. Незнакомца ли? Однажды они уже сталкивались лицом к лицу. В тот самый день, когда Гамильтон

предложил провести свой эксперимент, сдать планету Врагу. Тогда в руках долговязого была непонятная штука. Метла, как потом назвала этот прибор Фристэн.

Пришелец был моложе и проворнее Мартина. Но навыками рукопашного боя он не владел. Старший куратор освободился от захвата, оттолкнул противника в сторону. Тот бросился на него снова… И споткнулся, напоровшись грудью на пулю.

– Уходи через радугу… – Слова захлебнулись в хлынувшей горлом крови.

Следующие две пули Мартин послал в лицо пришельца. И ещё две – в ту тварь, что звалась Мариной Гамильтон. Выстрелил и только потом повернулся.

Женщина исчезла. Секунду назад стояла, испуганно закрываясь руками – словно ладошка способна остановить утяжелённую девятимиллиметровую пулю! – а теперь исчезла. Мартин ошарашенно завертел головой. Нет, в дверь она не успела бы выскочить. Окна закрыты, спрятаться негде.

Он всё же бросился через зал, переворачивая столы, распахивая дверцы шкафов. Марины Гамильтон не было нигде. Куда она могла спрятаться?!

Мартин сосредоточился, стараясь вспомнить слова пришельца. «Уходи через радугу»? «Сто лет»? Что это означает? Не сквозь время же они путешествуют!

А если сквозь время? Тогда… Получается, битва ещё не закончена?

Взгляд Брута упал на матово-чёрный куб в углу зала. Квантер! Последний электронный монстр на планете. Прежде он, как и его собратья, располагался в едином информцентре Наукограда, но после учинённой по приказу старшего куратора расправы Гамильтон перетащил любимчика в своё логово.

Мартин подошёл к квантеру.

– Всё кончено, приятель. Ты умеешь красиво проигрывать? Куда тебе! Ты ведь не человек, в тебе нет горячей крови. Бесчувственная холодная тварь, готовая на всё ради своих целей. Ты и людей хотел сделать такими же бездушными, рассудочными, не способными любить и ненавидеть? Двуногими ботами?

И вдруг вспомнил, как сам призывал оставить в стороне чувства, искать оптимальные решения. Строить Светлое Завтра, опираясь на разум и логику.

Мартину стало страшно. Неужели и он инфицирован? Враг орудует в его голове?! Только не это! Он вскинул пистолет, выстрелил, ещё раз, ещё. Пули завизжали, уходя в рикошет от бронированного кожуха квантера.

Остановился, только когда курок беспомощно клацнул,

сообщая, что обойма пуста. Этот тихий после грохота и визга пуль звук заставил опомниться. Мартин с недоумением посмотрел на пистолет. Хмыкнул, спрятал в кобуру. Что на него нашло? Усомниться в своей правоте – первый шаг к поражению.

– Нет, приятель, со мной ты так легко не управишься. Я выиграл битву сегодня. И сделаю всё, чтобы наши потомки победили в будущем. А ты скоро сгоришь вместе с этим логовом.

Он развернулся и пошёл к выходу. Не глядя, переступил распростёртые на полу тела.

Звонок Джарты застал его в вестибюле.

Серебристая птица взмахнула крыльями, оттолкнулась от эстакады, взмыла к синему мартовскому небу. И почти в ту же секунду в распахнутые ворота ангара вбежали ловцы. Влад Джарта, Ост, ещё кто-то – много, чуть ли не десяток.

– Корсан, ты что, упустил их?! – заорал Ост.

У всех – автоматы наперевес. Половина направлена вслед серебряной птице, половина – в лицо Огнея. И он понял. В самом деле, ловушка.

– Что стоишь? – продолжал наседать Ост. – Останови их, пока не поздно! Или хочешь, чтобы всё, что мы сделали, оказалось напрасным? Чтобы всё повторилось заново?

Заново? Перед Огнеем пронеслась череда картин: пустота в синих глазах Марины, младенец, мёртвыми губами сжимающий сосок мёртвой матери, заполненные гниющими трупами рвы. Тело Николая, распластанное на бетоне… «где брат твой?»

– Нет, – он покачал головой. – Не хочу.

Он поднял автомат, шагнул к воротам. Трансформ прошёл сквозь купол и летел над морем довольно низко. Дурак Борн. Повернул бы на северо-восток, и через две минуты отроги Калиеры укрыли бы от обстрела. А так – серебристая птица словно на ладони. Ох, дурак…

Или нет? Прощальный взгляд Сэлы, её непроизнесённое слово… Огней вдруг понял, что должен сделать. Прошептал беззвучно, чтобы стоявшие полукругом ловцы не расслышали: «Сэла, я готов пройти свою половину пути. Сейчас!»

Он переключил автомат на стрельбу трассирующими. Целился тщательно, да и кое-какие хитрости любимой машинки брата знал. Потому не мог промахнуться.

Длинная очередь прогрохотала над площадкой перед воротами, эхо ударилось о стену ангара, отразилось, побежало по Наукограду, разгоняя утреннюю – всё ещё утро?! – тишину. Смертоносные алые стрелы полетели вдогонку серебряной птице.

Догнали. Птица будто споткнулась в воздухе. Завалилась на

правое крыло, кувыркнулась. Попыталась выпрямиться. И, окончательно сорвавшись в штопор, рухнула в море.

Взметнулся гейзер брызг. Опал. Словно и не было ничего. Только круги на воде.

Тонкие губы Джарты скривились в хищной усмешке.

– Ты что наделал, Корсан? Ты хоть знаешь, кто был в этом трансформе? Заместитель старшего куратора Сэла Фристэн, старший ловец Давид Борн, и.о. куратора по науке Томински. Ты убил трёх членов Совета! Не говоря уже о детях.

Огней хмыкнул.

– Какие важные персоны. И давно Борн стал старшим ловцом?

– С сегодняшнего дня. А ты отстранён по профнепригодности. Ты псих, Огней Корсан!

– Ты обдолб! – поддержал приятеля Ост. – Ты хуже обдолба! Ты нелюдь, Враг. Я это понял, ещё когда ты Семёна расстрелял. И Стэна специально подставил. Боялся, что он тебя подсидит.

Они сыпали обвинениями, одно нелепей другого. Они оскорбляли его, стараясь унизить, задеть. Они знали, что делают, эти строители Светлого Завтра. Или строительный материал для его фундамента? Они не оставляли ему выбора.

– Кончайте. Я всё понял, – устало кивнул Огней, вновь поднимая ствол автомата. – Да, если вы – люди, то я – нелюдь.

Разоружить его никто не пытался. У ловцов был другой приказ, и они его выполнили. Эхо автоматных очередей снова прокатилось по улицам Наукограда.

Глава 9
Либертия

Нет ничего.

Даже её самой. Не существует.

Во всём мире осталась только эта безмерная Пустота. Тихо, спокойно, бесцветно. Лишь маленький сгусток жизни пульсирует в океане Ничто. Но он не нарушает общий покой. Он здесь не один, есть и другие – такие же безмятежные и незаметные. Редко-редко, настолько редко, что можно сказать – никогда, какой-нибудь сгусток осмелится нарушить Пустоту всплеском, но тут же затихнет. Забудет.

Тишина.

И покой.

Пустота.

Только они по-настоящему прекрасны.

Только они имеют смысл.

Только они. Во всей Вселенной.

Сколько времени прошло? День? Месяц? Год?

Если верить отцу, почти полтора.

Отец.

Всплеск.

Что? Кто посмел? Кыш отсюда. Вечность не терпит суеты. Вечности не нужны непрошеные гости. Тишина, и покой, и исконное Ничто.

Всплеск. Новый и новый. Ещё и ещё. Никогда ранее Пустоту не тревожили так дерзко и настойчиво. Кто посмел? У кого хватило наглости?

У профессора Гамильтона.

Он всё же нашёл выход. Достучался до дочери. И Пустота отступила.

Ирвинг Гамильтон.

Её безумный гениальный отец.

Она смотрела на него, состарившегося за один день. Нет. Не за день. За полтора года. Папа постарел, Дин погиб, её ребёнка воспитывает другая. Даже влюблённый в неё Огней счастливо живёт с какой-то Сэлой. Женился. Ещё и сына её забрать посмел.

Она вышла из одной Пустоты, чтобы тут же окунуться в новую.

Нет ничего.

Одно ничто сменяется другим, и не видно тому конца. Вся наша жизнь – цепочка пустот. И вот снова. Сумасшедший подметальщик сказал сместиться на сто лет. Сто так сто. А что там? Неважно. Пустота, смерть? Ерунда. С первой она уже знакома, а вторая… Мартин и так её, считай, убил. И отца тоже. Да и подметальщика…

Неважно. Ничего не имеет значения. Шаг, второй. Может, остаться? Здесь спокойно, здесь ещё не забыли маленький сгусток жизни, крохотную каплю энергии, делившую с ними океан Ничто. Помнят и ждут. А там… там… В памяти с трудом, но всплывает лицо долговязого уборщика. Он отдал жизнь за неё: имеет ли она право теперь останавливаться? Где-то вдали слышится плач сына, на которого и взглянуть не довелось. Удастся ли когда-нибудь?

Идти. Надо идти.

Сделать шаг.

Открыть глаза.

Марина открыла глаза. Над ней раскинулось непривычно голубое небо. Рука обо что-то поцарапалась. Розовый куст. Красивый. И огромный! Словно не роза, а сирень. А сами цветы! Бархатные, тёмно-алые, размером с мужскую ладонь. Даже в Наукограде таких не было, не говоря уже о внешнем мире. Марина вдохнула полной грудью. Какой чистый воздух. Где же она? Неужели в будущем? Сбылась мечта отца, и они очистили всю планету, перевоспитали обдолбов, восстановили природные богатства? Хотя, судя по тому, что она успела увидеть…

Марина поднялась на ноги, вышла из-за куста, огляделась. Тропинка вела к небольшому озеру, по чистой синей воде плавали утка с селезнем. А на берегу пристроилась ещё одна парочка. Людей. Они самозабвенно занималась любовью, не замечая ничего вокруг. Марина содрогнулась. И удивилась себе: зрелище вполне естественное и красивое разбудило в ней мутное, неприятное чувство, словно давно забытый кошмар вернулся. Она попыталась вспомнить, что в её прошлой жизни могло вызвать такое отторжение? Безуспешно. Да и неважно это. Пока есть более насущные задачи. Например, понять, куда она попала. И… Ой! Марина только сейчас сообразила, что на ней, кроме отцовского плаща, нет никакой одежды. Он, конечно, большой и удобный, но всё же. Да и грязная она, и волосы непонятно на что похожи. Что же с ней было? Неужели она все полтора года жила, как… как… обезьяна? Не думать об этом, не думать. Фу, ну и запах. От неё воняет? Позор какой! В незнакомом месте и в таком виде. Окунуться, что ли, в озеро, пока нет никого? Влюблённые на берегу – не в счёт. Обрушься на них небо, не заметят.

Марина неуверенно шагнула и замерла. К ней шёл молодой парнишка с торчащим светлым чубом и улыбался во все тридцать два. Марина попятилась за розовый куст, плотнее завернулась в плащ, но убегать не спешила. Не похоже, чтобы парень собирался причинить ей зло.

– Привет, красотка! – радостно выпалил он, приблизившись. – Ты у нас новенькая?

Всклокоченный вид «красотки», кажется, его совсем не смущал.

– Д-да, – выдавила из себя Марина, пытаясь вжаться в куст. Куст кололся.

– Так я и думал! Я же всех красоток в посёлке знаю. А друзья, – он махнул в сторону небольшого лесочка, – говорят: ерунда, у нас новеньких не бывает. Много они понимают, а? Это одному куратору известно, что бывает, а что нет. Тебя куратор привёл?

– А… ага.

Парнишка скользнул по ней взглядом.

– Вижу, тебе у нас понравится.

Марина несмело улыбнулась. Что он имел в виду? Здесь все ходят вонючие, нечёсаные и в плаще на голое тело? Но сам-то нормально выглядит!

– Кстати, я Павел. А ты?

– Марина…

– Где живёшь? Мой дом стоит как раз напротив круглого театра. Лучший дом в городе. И театр тоже шикарный. Была уже в нём?

Марина покачала головой.

– Ты обязательно захочешь увидеть новый спектакль. Давай вместе сходим? Сегодня премьера «Рома и Джули», принципиально новая концепция. Его сверхзадача – найти ответ на вопрос: «Почему до сих пор существует слово «нельзя», когда вокруг всё можно?»

– Интересный вопрос.

Марина наконец пристроилась так, что розовый куст её почти не колол, но более-менее прикрывал. Да и парень начинал ей нравиться. Вроде умный. И добрый. А что странного вида её не замечает… Это из вежливости.

– Кроме того, готовится ряд сюрпризов для зрителей. Итак, синеглазая Марина! На премьере садимся рядом?

– Наверное. Я пока ещё не освоилась…

Парень хмыкнул. Чего это он?

– Не мог бы ты мне помочь? Мне одежда нужна. Какая-нибудь. И… Э… – хотела сказать «жильё», но не решалась. – В

общем, одежду бы раздобыть. И обувь. Для начала.

– А с твоей что случилось?

– Дома осталась. – Она прикусила язык.

– Тебе холодно?

– Нет, просто…

– Что? – Павел выглядел удивлённым.

Марина открыла рот, готовая сообщить, что нельзя разгуливать по улицам, завёрнутой в один лишь мужской плащ, но вдруг вспомнила сверхзадачу спектакля «Рома и Джули» и сказала:

– Мне не хочется ходить… так.

– Ах, это другое дело! Могу дать свои сандалии, – выдохнул парень, разуваясь. – А за остальным сейчас зайдём в магазин.

– В магазин… Да… Я как-то об этом не подумала.

Она обулась, сандалии оказались почти впору. Парочка на берегу озера тем временем закончила совокупляться и спокойно, держась за руки, удалилась. Нагишом. Интересно, не завалялась ли на берегу их одежда?

– Очаровательная красотка, чей взор синее неба, а причёска креативней творений стилиста Матофея, ты так и не сказала мне свой адрес! Впрочем, я и сам узнаю, проводив тебя домой. Если ты, конечно, этого хочешь.

Марина сглотнула. Она никак не могла решить: стоит ли доверять новому знакомцу? А тот вдруг извинился и присел, скрывшись за кустом. Через миг порыв ветра донёс характерное амбре, заставив Марину скривиться и зажать нос. За кустом раздалось покряхтывание, потом шебуршание, наконец парень выпрямился, а Марина всё-таки вышла из укрытия. Павел застёгивал штаны, у его ног лежала свежая дурнопахнущая кучка.

Девушка растерянно заморгала, а собеседник посмотрел на неё как ни в чём не бывало.

– На чём мы остановились, о синеглазая?

– Это… Это…

Марина тыкала пальцем в кучу, на языке крутилось категоричное: «Так нельзя», но что-то останавливало, не давало произнести фразу. В конце концов девушка спросила:

– Тебе что, плохо?

– Нет, – в глазах у Павла читалось удивление.

– Тогда почему ты сделал это здесь?

Павел пожал плечами:

– Мне захотелось.

Марина замерла, не зная, что ответить. То ли ей встретился сумасшедший, то ли в этом мире каждый может делать всё, что ему вздумается.

– Но так нельзя! – Воспользовавшись замешательством хозяйки, коварная фраза вырвалась наружу.

И тут же Марина поняла: зря.

Павел поменялся в лице, попятился.

– Вот оно что. Ты из запретников, да? А голову морочишь мне, что новенькая. И выглядишь как заморыш, в подвале росла?

– Я не понимаю…

Парень оскалился.

– Эй, друзья, ко мне! Сейчас развлечёмся!

И схватил Марину в охапку прежде, чем она успела опомниться.

– Какие запретники? Ты что собрался делать?

– Всё, что захочу. Не бойся, не умрёшь. Более того, увидишь наконец жизнь без запретов. Пойдём-ка к друзьям, раз они к нам не идут. В лесу даже интересней.

– Помогите!!!

– Ха!

– Что здесь происходит?

Марина не заметила, когда она успела подойти. Высокая, хорошо сложенная брюнетка, не полная, но с пышными формами, с длинными локонами и чуть раскосыми тёмными глазами. Красивая. Только одета странно: короткое платье с широкой юбкой, будто сшитое из разноцветных лоскутков, и лапти какие-то.

Для Павла появление брюнетки, кажется, тоже стало неожиданностью.

– Ярослава! – Парнишка слегка поклонился. – Тут запретница. Совсем ненормальная. Сколько Руслан ещё их будет терпеть?

– Это я ненормальная? – Марина вырвалась и подбежала к брюнетке. – Он кучу наделал! У меня на глазах! А потом начал что-то про друзей говорить и лес. Помогите!

– Вот видишь. А ещё врёт, мол, её Руслан привёл.

– Руслан, значит, – медленно кивнула брюнетка и протянула Марине руку. – Хорошо. Пойдём со мной.

– Это правда, что ли? – Парнишка выпятил губу, словно обиженный ребёнок.

– Тебе-то что? – строго спросила брюнетка.

– Но зачем он её привёл? Она же выглядит, как…

– Ты будешь обсуждать решения куратора? – Ярослава подняла бровь. – Брысь отсюда.

И, взяв Марину под локоть, зашагала в сторону лесочка.

– Эй, новенькая, – донеслось им вслед. – Сандалии верни.

Марина обернулась и чётко, с расстановкой произнесла:

– Оставлю себе. Мне так хочется.

Они прошли через лес – от необычайно свежего воздуха закружилась голова, или это от голода? – и вышли на улочку, вдоль которой стояли одноэтажные домики. Марина стеснялась своего вида, неловко куталась в плащ. Потом вспомнила, что в потайном кармане под воротником есть капюшон. Вытащила, натянула на голову, пряча спутанные космы. И поняла, что все усилия напрасны: на неё никто не обращал внимания. Похоже, здесь и в самом деле можно разгуливать хоть в плаще, хоть вовсе голой – никто тебя не осудит. Вообще не взглянет в твою сторону. С брюнеткой время от времени почтительно здоровались, а Марину будто и не замечали. Сама же Ярослава иногда косилась на спутницу, но молчала. Марина тоже не спешила начинать разговор, лихорадочно размышляла: «Что говорить? О чём не стоит? Куда я вообще попала? Неужели и правда на сто лет вперёд?»

На тропинке сидела дородная барышня и сосредоточенно брила ногу острым лезвием. Пришлось обходить неожиданное препятствие. Марина сдержала недоумённое хмыканье, но Ярослава её удивление заметила. Впрочем, и проводнице не слишком понравилось сидящее на пути чудо. Значит, не все здесь такие? Будем надеяться.

На противоположной стороне улицы на низкой деревянной скамейке стоял мужчина с бородой настолько густой, что казалось, всё его лицо состоит лишь из чёрных курчавых волос да пары маленьких глаз. Мужчина громко читал стихи, часто повторяя имя Руслан. И судя по всему, Руслана этого поэт не любил. Тётка лет сорока, волоча ногу, подошла и срезала с его бороды прядь волос. Поэт продолжал декламировать, даже на секунду не запнулся.

У домика с синей плоской крышей женщина в платке высаживала чернобривцы. Маленькая девочка тут же их выдёргивала, а после с радостным визгом обрывала огненно-рыжие лепестки. Обе выглядели довольными.

Перепачканный землёй мальчуган лет семи подбежал к Марине и изо всех сил ударил палкой по ноге.

– Ай!!!

– Идём быстрее. – Ярослава ускорила шаг и потянула её вперёд.

– Но он…

– Идём. И скажи спасибо, что тебе встретился Артёмка, а не папаша его.

Марина обернулась на ходу. Чумазый мальчишка лупил палкой по курам, которые осмелились перейти дорогу в его

присутствии. Затем швырнул своё орудие в спину бреющейся барышни. Что собой представлял папаша Артёмки, Марина боялась даже вообразить.

Наконец они подошли к дому – роскошному двухэтажному терему, так не похожему на однообразные жилища посёлка. Треугольную разноцветную крышу украшал флюгер в виде изогнувшей спину чёрной кошки, около терема цвели вишни и пионы.

– Рассказывай, кто ты? – Едва они переступили порог, брюнетка пошла в наступление. – И откуда здесь взялась? Только не ври про Руслана.

– Я просто заблудилась. Я из соседнего посёлка. Он здесь, километрах в десяти. Шла… шла в гости…

Ярослава снисходительно улыбнулась.

– В гости шла? Из соседнего посёлка? Из какого же это? Я кому сказала – не ври!

Она подошла к Марине вплотную, подняла бровь. И добавила:

– Тебе же хуже будет, дурочка.

Марина вздохнула. В горле стал комок, болела ушибленная Артёмкой нога. Вспомнился сын. Виктор, так его назвали. Ярослава пристально смотрела, ожидая ответа. «Хуже будет, говоришь? Что вы мне сделаете? Убьёте? Я уже мёртвая. Рассказать бы тебе всё, как есть, но… Кто его знает, где я?» И – когда? Долговязый сказал: вперёд на сто лет, Марина была уверена, что она всё еще в родном двадцать четвёртом веке, а Брут рыщет неподалёку. Только местность абсолютно незнакомая, но… Мало ли что случилось за время, пока леди Гамильтон, хм, беспамятствовала в папиной лаборатории?

– Я… ничего не помню. Совсем ничего. Шла по лесу, а потом – вспышка света. А в следующий миг – открываю глаза, а рядом Павел. – Она в отчаянии развела руками. – Рада бы сказать больше, но не могу.

И немного подумав, добавила:

– Мне бы и самой хотелось понять, что со мной случилось. И где я?

Ярослава зыркнула с недоверием и ничего не ответила.

– Да, – продолжила Марина. – Я совершенно не понимаю, куда попала. Что это за место ужасное? Люди ходят голые, испражняются на улице. Ребёнок безумный. И подозреваю, я ещё не всё увидела.

– Не всё, – медленно проговорила Ярослава.

– Где я?

– В посёлке Либертия.

– А… – Марина открыла рот, чтобы спросить, какой сейчас год, но передумала. – Тут и правда всё можно? А что со мной сделают? Этот парень у озера был готов меня разорвать, а я так и не поняла: за что? Помогите мне, я вижу, что вы не такая, как все.

– Не тарахти. Про Руслана Павлу зачем наврала?

– Я не врала! Он сам всё выдумал. А я даже не знаю, кто такой Руслан. И кстати, кто он?

Ярослава улыбнулась.

– Теперь я готова поверить, что ты нездешняя. Руслан – куратор Либертии и правая рука Лорда. Если кто-то и сможет помочь тебе разобраться в случившемся, то только он.

Радужная полоска зацепилась за вершину дуба, заструилась между ветвями, потекла вниз, по диагонали, пока не встретилась с клёном, соединяя два дерева семицветной стеной. Руслан залюбовался зрелищем. После дождя дышалось легко, кожу приятно холодило. Радуги вот дорогу преграждают. Ходят слухи, что Дворники тоже появляются из радуг. Не из таких, конечно… Хотя кто их, подметальщиков, знает, откуда они берутся. Он ни разу ни одного так и не засёк.

Лорд недоволен: Руслан уже почти год на посту куратора Либертии, а обещанный Дворник поныне на свободе. Одно радует – дети исчезать перестали. Зато часто начали замечать ватаги ребятни, которые загадочно шушукались и вертели в руках маленькие метёлки. И ведь не запретишь играть «в Дворников». Либертия, мать её! А ещё обнаружилось подтверждение теории Кельвина: «Тотальная вседозволенность рано или поздно оборачивается массовой агрессией». И Руслан, кажется, попал на то самое «поздно» – рассвет девиаций начался через полгода его кураторства.

Впрочем, в том есть и его вина. Он так увлёкся охотой на Дворников, что о прямых обязанностях куратора позабыл напрочь. А когда вспомнил, девиации уже цвели буйным цветом, угрожая превысить норму. У его предшественницы такого не случалось ни разу. Интересно, как Хала справлялась? Надо было хоть расспросить её, прежде чем… Да кто ж знал.

А девиации развились сразу двух видов. Во-первых, расплодилось маньяков, решивших, что им дозволено даже убийство… Оно под официальным запретом не было, но являлось отклонением от нормы. Как и жестокие увечья, наносимые живому существу. Во-вторых, как-то незаметно образовалась группа людей, возомнивших, что жизнь без ограничений скучна, уныла и бесперспективна. Они назвались «запретниками», придумали себе и своим семьям кучу нелепых, а порой и

жестоких правил и принялись направо и налево рассказывать, что всё лучшее мира сего рождалось в тяжёлом марафоне с препятствиями. Оно-то, возможно, и так. Более того, у них целый посёлок имеется – «марафонцев». Но либертийцам подобные мысли ни к чему. С другой стороны, запретить что-либо напрямую он не может – посёлок Вседозволенности всё-таки.

Но куратор Либертии выкрутился. Ликвидировал одних нарушителей, нашёл управу на вторых – в лице первых, а по ходу действия ещё и третьих выявил. Жаль, к Дворникам это его ни на шаг не приблизило.

Руслан остановился перед кленово-дубовой радугой. А что, если это тот самый предвестник, портал в некую иную реальность? И, сделав шаг, он встретится лицом к лицу с одним из этих недоразумений с метлою? А может, и не с одним… Куратор Либертии бочком подошёл к стене, сотканной из тумана и света, сунул в неё руку – по ладони скользнула сине-фиолетовая полоса. Руслан прошёл сквозь радугу. Ничего. Лес как лес. Никаких Дворников. Только пичужка над головой расщебеталась громче прежнего. Смеётся небось. Главный по вседозволенности почувствовал себя полным кретином.

Домой, пора домой.

Дом встретил его запахом горячих блинчиков с творогом и маком. Руслан облизнулся. Ярослава – умница. Не зря он добился для неё разрешения на переезд в Либертию. И не только потому, что готовит вкусно. Ещё ни одна женщина не приносила ему столько уюта, покоя и ощущения особого душевного комфорта, как Яра. А барышень за свою жизнь Руслан познал мно-о-ого. Особенно после того, как в Либертии поселился. Ярослава злилась, но недолго. Ему и самому скоро приелась такая свобода. Когда можно всё, невольно задумываешься: а так ли это нужно? В посёлке вседозволенности нет слова «измена», самого такого понятия не существует. Хочешь – женись, хочешь – разводись, хочешь – заводи пять любовниц или восемь мужей, хочешь – живи один до старости. Никто и никогда тебя ни в чём не упрекнёт. Либертийцы отродясь не слышали, что можно жить иначе – в каких-то чётких социальных рамках. Однако некоторые умудрялись и здесь заключать браки «на года». Руслану внезапно пришло в голову, что Дворников стоит поискать как раз в таких старых добрых семьях. Они с Глином Коперовичем – начальником негласной охраны Либертии – устраивали засады, сулили награду за помощь в поимке, рисовали карту с «дворнико-точками», а стоило бы задуматься: у кого из сельчан мистические подметальщики могли получить поддержку? У того, кто на них

наиболее похож – живёт по принципам, близким к стандартным. А большинство либертийцев стандартными не назовёшь… И почему эти недоразумения с палками привязались именно к его посёлку? В других ЭП о Дворниках и не слышали. А если и слышали, то так редко, что тут же и забыли. Повезло ему. Вернее, сначала Хале счастье подвалило. Не закончить бы так же, как сводная сестра.

Куратор Либертии задумчиво потёр подбородок. К тональцам, что ли, обратиться за помощью? А вдруг накушаются своих грибов, «прогуляются в Нагваль» и увидят подсказку: где эта напасть прячется? Попробовать можно, вот только Руслан в успех ЭП Тональ не верил.

В комнату вошла Ярослава. Красный шёлковый халат делал её похожей на гейшу из старой книги. Потрёпанный бумажный томик – удивительная редкость в двадцать пятом веке! – он взял в библиотеке Наукограда: первый советник Лорда увлекался древневосточной культурой. Была мысль посвятить ей отдельный посёлок – не для эксперимента, а для красоты и собственных удовольствий. Но пока до этого дело не дошло. Впрочем, Руслану и в родном доме наслаждений хватало. Даже к доступным и готовым на всё либертийкам интерес потерял из-за миндальных глаз любимой женщины.

– Ужин готов, – сказала Ярослава.

– Я вижу. – Он повалил её на кровать, поцеловал в шею.

– Подожди. – Женщина мягко отстранилась. – Кое-что случилось. Нужно поговорить.

– Слушаю тебя.

И Ярослава начала рассказ.

Она шла на выставку глиняных кувшинов, в буковом лесу встретила троих подростков – Салима, Жору и Вадима, тех самых, что давно подозреваются в девиации третьего типа. Со стороны озера раздались женские крики. Ярослава подумала, что это очередные разборки с «запретниками». В принципе так оно и было. Вроде бы. Но не совсем. Девушка, которую Павел принял за «запретницу», вообще не либертийка. Откуда взялась в посёлке, непонятно. Ярослава незнакомку у Павла отбила, привела домой, подумала, что Руслану она будет интересна, а может, и полезна.

– Ещё как, – кивнул Руслан. – И где же сейчас эта таинственная особа?

Ярослава улыбнулась и выпорхнула из комнаты. Через мгновение вернулась, держа за руку перепуганную темноволосую девушку. Худющую и измождённую. Незнакомка сверкала глазами, неловко куталась в синий халат Яры, пахла шампунем

Яры, а по мокрым волосам стекала вода.

– Ты кто такая? – спросил Руслан.

Гостья устало вздохнула, посмотрела на Ярославу и повторила то, что та уже слышала.

– Ярослава, верная моя Ярослава!

Руслан схватил её за руки, порывисто прижал к себе, отпустил и лихорадочно заходил по комнате. Марину они отвели в спальню на первом этаже и заперли там, объяснив, что это для её же блага. Пока гостья была рядом, главный по вседозволенности старательно сохранял равнодушное выражение лица, но стоило остаться наедине с Ярой, как он выдохнул и просиял. Объяснять свою радость, впрочем, не торопился.

– И что ты думаешь о нашей гостье? – спросила Ярослава. – Веришь в историю с потерей памяти?

– Нет, конечно. Хотя кто их, Дворников, знает.

Ярослава вздрогнула.

– Дворников?

– Это же очевидно! Девица либо неоперившийся новичок, которому и правда память отшибло от фокусов с телепортацией, либо хитроумный шпион. Второе более вероятно.

– Мне кажется, версию с амнезией всё же стоит проверить. Вдруг – несанкционированный переход через барьер? Дезертир из соседнего ЭП?

– Я бы знал о прецеденте. Или в скором времени узнаю. Но если она и в самом деле Дворник, о ней до поры до времени никто из Совета проведать не должен. Я обещал выйти на клан Дворников, и я выйду. Сам.

– И что будем делать с Мариной?

– Притворимся, будто поверили болтовне о потере памяти. Пусть думает, что мы дурачки наивные, ошибётся и приведёт нас к своей банде. На ночь – запирать её в комнате. Днём – следить за каждым шагом. Метёлки при ней не было?

– Не видела.

– Хорошо. Насколько мне известно, без этой штуки они свои фокусы вытворять не могут.

Ярослава выглядела растерянной и даже встревоженной.

– А… а соратники не выкрадут её?

– Нет. Если поверят, что мы купились на их обман.

– Значит, при ней нельзя говорить лишнего?

– Наоборот. Гуляй с ней, показывай, рассказывай, как мы живём. Не бойся: судя по тому, что я о них слышал, они и так знают о нас больше, чем нужно. Пусть наша красавица думает, что вошла в доверие. Но следи за каждым её вздохом! И не пугайся ты! Не так страшны Дворники, как их малюют.

Руслан сел, довольно потянулся, хрустнул костяшками пальцев. Ярослава подумала немного и спросила:

– А с Павлом что будешь делать? Повышенная агрессия налицо. Я думаю, стоит…

– Не торопись. – Руслан привлёк её к себе. – Ты что-то говорила об ужине? Давай-ка сюда свои блинчики, пока я со всем этим непотребством с голода не умер. А насчёт Павла не волнуйся, у меня для него отдельные планы.

Руслан был прав: она испугалась. Однако не Дворники её страшили… Вернее, не совсем они. Ах, если бы она могла рассказать любимому правду.

Ярослава налила себе горячего шоколаду, вышла на балкон. Вспомнила, как стояла тут же утром, потягивалась после традиционного сеанса релакс-гимнастики. Подставляла солнышку обнажённое тело, окидывала взглядом посёлок, лес за ним, деревья, озеро – то есть прозрачного Синего Блюдца отсюда не видно, но Яра знала, оно там. И неожиданно… Яркая вспышка между деревьями. Как будто загорелась на миг и погасла огромная радуга. Что за ерунда? Какого лешего средь белого дня, без предупреждения? А если заметят? Не радугу, а того, кто из неё вывалится. Ярослава натянула первое, что попалось под руку – кажется, это было нелепое платье, подаренное соседкой в знак уважения, – и побежала к озеру. В лесу встретила Салима, Жору и Вадима. Вид у них был самый что ни на есть замышляющий. Прикрикнув, Ярослава выяснила, что у озера обнаружилась странная незнакомка, вроде и красивая, но измождённая и растерянная. Взялась из ниоткуда. Только что никого не было у куста с розами, и вдруг – стоит! Жора считает, что она просто спала там, под ветками, но остальные с ним не согласны. Друг отправился выяснить, кто она. Велев всем оставаться на местах, Яра бросилась к Синему Блюдцу.

И успела вовремя – Павел как раз готовился проявить свою скрытую агрессию во всей красе. А незнакомка между тем и правда странная. Руслан ошибается: она не Дворник, их Яра различать научилась. Но что-то эдакое в ней есть. Непростая она. Не исключено, что Дворники ею заинтересуются. А если нет, если она – неизвестная до сих пор аномалия, возможно, с её помощью Руслан сумеет укрепить своё положение в Совете. Ярослава понимала одно: её задача – уберечь Марину. А для кого – это уже второй вопрос.

Марина проснулась и удивилась. Сначала – тому обстоятельству, что вообще смогла заснуть. А потом – тому, что

всё ещё жива. Если к Ярославе она с первых секунд знакомства прониклась симпатией и доверием, то Руслан ни того ни другого не вызвал. Напротив. Встреть Марина его возле озера, бежала бы дальше, чем видела. Было в нём что-то… пугающее до отвращения. На Огнея похож. Внешне красивый, сильный, надёжный. В такого легко влюбиться. Если не видеть, что внутри… гадость какая-то, фу.

Едва взглянув в холодные серо-голубые глаза, Марина поняла: ничего хорошего ждать не стоит. Куратор странного посёлка не поверил ни единому её слову, хотя и старательно притворялся, что верит. Оказавшись взаперти, Марина и вовсе простилась с жизнью. Попыталась сместиться ещё куда-нибудь, но трюк, спасший её от «дяди Мартина», больше не работал.

Да и куда бежать? Назад, к Бруту с пистолетом? Или вперёд ещё на сто лет? И посмотреть, что там… Увы, не получается: одного желания для этого мало, как видно. Придётся сидеть в этой комнате, которая Марине тоже не нравилась. Слишком уж она походила на Руслана. Такая же холодная и… пустая. Сине-голубые обои, кровать, кресло, стол. Окно, задёрнутое лаконичной серой шторой. За ним открывался вид на забор. Унылая комната. Не то что спальня.

В спальне на окне цвёл пушистый кактус. На стенах висели картины с алыми и даже воинственными цветами. Кровать завешена бордовым палантином, изящно имитирующим рыбацкую сеть. И пуфик на полу валялся. У спальни был характер Ярославы.

Щёлкнул замок – лёгкая на помине хозяйка принесла завтрак. Кофе, разогретые блинчики с творогом, сметана и клубничное варенье в прозрачных розетках. Всё пахло очень вкусно, но напуганная Марина боялась притронуться к еде.

Ярослава скептически усмехнулась:

– Не отведать ли мне из вашей чаши, ваше высочество?

И уже серьёзно добавила:

– Ешь, не бойся. Никто тебя здесь не отравит. Поверь: если бы Руслан хотел тебя убить, ты бы вчера из нашей спальни не вышла.

Марина сглотнула. Взяла блинчик. Затем ещё один. И ещё. Проголодалась она жутко: после побега от Брута ничего не ела, боялась. Всё те же блины Ярослава вечером унесла назад. А зря. Вкусные они. Марина едва сдержалась, чтобы не вылизать пустую тарелку. Вместо этого аккуратно поставила её на поднос, поблагодарила хозяйку и спросила:

– Что со мной будет?

– Пока поживёшь у нас. Потом Руслан что-нибудь придумает. От меня не отходи ни на шаг. Лучше бы тебе поменьше

либертийцам на глаза попадаться, но если спросят: «Кто такая? Откуда?» – отправляй всех к Руслану. – Она улыбнулась. – Сразу любопытных поубавится.

Соловьиная трель в коридоре сообщила о госте.

Ярослава пошла открывать, Марина же, помня о предостережении, осталась в комнате. Наблюдала в приоткрытую дверь, как на кухню вприпрыжку прошла вертлявая пухлая шатенка с узлом в руках.

– Ярушка, – сказал тонкий высокий голос, – у тебя кило сахара не найдётся? А то, знаешь-понимаешь, у меня закончился, а тут детвора, понимаешь, пирогов захотела. Меняю на земляные орехи или на бирюзовые каменья, вот смотри.

Послышалось шуршание: видимо, гостья развязывала свой узел. Что-то упало. Ярослава сказала, что выбирает орехи. Отсыпала сахар.

– Спасибо! – пропищала вертлявая. – Скажи, а Руслашка сегодня вечером свободен? Давно я его, понимаешь, не видела. А он, знаешь, лучший любовник из всех. Может, он примет меня, а?

Марина не удержалась и хрюкнула.

– Ой, кто это у тебя? Я хочу посмотреть! – Миг – и писклявое недоразумение возникло на пороге синей комнаты, уставилось на Марину, подпрыгнуло и радостно хлопнуло в ладоши. – Привет! Я – Алиния. А ты кто?

– Ма… Марина.

– Мамарина. Хорошее имя. Почти как мандарина!

– Нет. Просто Марина.

– А кто ты такая?

– Я…

– Наша с Русланом гостья. – Ярослава ненавязчиво вытеснила беспардонную шатенку из комнаты. – Алиния, мы с Мариной как раз отдыхали.

– Хорошо. – Тонкий голос захихикал. – Не забудь передать Руслашке, что я хочу его видеть.

– Передам. И если он сам пожелает, увидишь, – сдержанно ответила Ярослава и проводила гостью до порога.

Марина вышла на кухню.

– У вас что, сахар в дефиците?

– А?

– Ну… Она же сахар просила?

Ярослава внимательно на неё посмотрела.

– Да. Не хочет тратить деньги.

– Э…

– Неужели ты и правда не понимаешь? Хочешь – идёшь на рынок и покупаешь, хочешь – меняешь, хочешь – берёшь

бесплатно.

– То есть бесплатно? Воруешь?

Ярослава пожала плечами.

– Таких меньшинство. Обычно всё же покупают или меняют.

– Ясно… Прости, а что она имела в виду под… э-э-э… Она просила у тебя разрешения на свидание с твоим мужчиной?

– Ещё бы. Скоро весенние соревнования, а мы с Русланом два предыдущих выиграли.

– И в чём состязались?

– В искусстве любви, разумеется.

– Вы что, соревнуетесь, кто лучше занимается сексом?!

Ярослава грустно рассмеялась.

– Добро пожаловать в Либертию.

Всю следующую неделю Марина просидела взаперти. Вернее, пролежала. Да и в замках необходимости не было: оставь хозяин двери нараспашку, она не ушла бы дальше кровати. В один миг вдруг ощутила всю тяжесть пережитого: перелёт сквозь Пустоту, кошмарный эксперимент, на полтора года превративший её в безмозглое существо, помешательство Мартина Брута, смерть Дина, а потом и отца, потеря сына, провал в неизвестную враждебную реальность – всё это навалилось на плечи, в прямом смысле сбив с ног.

Почувствовав после разговора с Алинией и Ярославой жуткую слабость и головокружение, Марина решила, что её всё-таки отравили. Однако забота Яры, которая не отходила от неё ни на шаг, пичкая травяными отварами и куриными бульонами, постепенно убедила, что в этом доме ей ничего не угрожает. По крайней мере, пока рядом миндалеглазая брюнетка.

Один раз приходила женщина в белом халате, она внимательно осмотрела Марину и сделала укол, стало больно, но потом наступило забвение. А однажды сквозь сон она услышала обрывок разговора:

– …истощена до невозможности. И худющая, словно её голодом морили. Странно, тебе не кажется? Зачем им посылать человека в таком состоянии?

– Есть версия, что эта их способность проходить сквозь пространство забирает много сил. Возможно, наша красавица свои попросту не рассчитала.

– Не знаю, Руслан. Не знаю…

Марина начала думать, кто и куда послал человека и при чём здесь она, но снова провалилась в дрёму. Ей снился сын, он смеялся и протягивал к ней руки. Проснувшись, долго не могла понять, где она. Казалось, реальность расслоилась: одна Марина

лежит здесь, в доме Руслана и Ярославы, другая – где-то далеко, счастлива со своим ребёнком.

Следующий сон тоже был о детях, но Марина не могла поручиться: спала ли она? Или бредила наяву? Она увидела школу младших классов. Большой вестибюль расходится на два крыла: у правого надпись: «Для тех, кто хочет учиться», у левого: «Для тех, кто хочет играть». С одной стороны доносился восторженный визг, со второй – сосредоточенное шуршание. А ещё напротив входа обнаружился «Зал для сна». Из разных дверей время от времени выходили, выбегали, выскакивали дети и переходили в другую комнату.

Марина, подумав, решила, что хочет заглянуть в комнату для игр. И тут же оказалась в ней. Большой зал был усыпан всевозможными кубиками, мозаиками, конструкторами, книжками с яркими картинками, мячиками, скакалками и прочими атрибутами детства, многие из которых Марина видела впервые. Дети сбивались в небольшие компании, некоторые играли поодиночке, но одна группка выделялась особо. Главным образом тем, что в центре неё сидел на корточках мужчина – молодой брюнет в зелёном плаще. В руках он держал щетинистую палку, вокруг него стояли дети с прутиками в руках.

– Мы поиграем в Дворника, – мягко пророкотал мужчина. – Это будет наш секрет. Не бойтесь, нас никто не увидит, мы – за стеночкой.

Он наклонился к черноглазой девчушке с длинной косой.

– Риночка, начни ты. Видишь, здесь вчера подрались старшеклассники…

Марина вздрогнула и проснулась.

В пятницу стало лучше. По крайней мере, она смогла самостоятельно дойти от комнаты до кухни. В воскресенье силы вернулись окончательно, а потому Ярослава взяла её с собой на ярмарку. «Пусть видят, что мы её приняли», – услышала Марина шёпот Руслана. И только плечами пожала. Было ощущение, что куратор Либертии подозревает её во всех смертных грехах, и находиться с ним рядом небезопасно, но изменить что-либо она пока не могла. Оставалось затаиться и ждать.

С Ярославой они были примерно одного роста, та любезно снабдила её синей хлопчатой туникой, такими же брюками для прогулки и широким поясом, чтобы это всё не свалилось с отощавшего тела.

Они шли полупустыми улицами, пока не оказались на большой круглой площади. Местность была абсолютно незнакомой, но вместе с тем вызывала ощущение чего-то…

родного? Марина огляделась. Тележки с тканями, одежда, развешенная между высокими треугольными столбиками… Враз всплыла картина: площадь, ставшая символом ее любви, бигборд, рекламирующий мужское достоинство, и скрюченный человечек под ним. Сколько раз она ждала Дина на этой самой площади! И сколько времени прошло? Если верить ощущениям и памяти – несколько дней, если отцу – полтора года, если долговязому подметальщику – сто лет.

Вот это вряд ли. Её просто выбросило из Наукограда в Кок, это вполне объяснимо: над созданием нуль-портала учёные давно работали, за время, что она торчала в клетке, видимо, доработались…

Площадь шумела и галдела на все голоса и была лишь началом ярмарки, которая продолжилась на широкой прилегающей улице. Да, изменился Кок изрядно. Нет больше высотных зданий… Или она ошиблась? И это другой город, только площадь похожая? Она тряхнула головой. Сколько вопросов, столько всего предстоит выяснить.

…заработала что-нибудь, кума?

…двадцать монет.

…повезло. А у меня только бесплатно всё берут.

…Хотел бы. Но штаны не продаются!

…тухлая колбаса. Авось сворует кто-нибудь.

…Штаны. Хочу свои штаны!

…этого коня я прошлый раз купил. А он опять у тебя!

…Коню захотелось вернуться. Что ж я поделаю?

…за клок моей бороды прочитаю вам новую басню.

…Штаны-ы-ыыы!

– Пойдём. – Ярослава дёрнула её за рукав. – В шестом секторе – выставка глиняных чашек. Вчера кувшины были, а я не попала.

Марина передёрнула плечами, искренне не понимая, что может быть интересного в батарее однообразной посуды, слепленной из глины. Но спорить не стала, последовала за спутницей. К шестому сектору пришлось пробираться довольно долго – через ряды с едой, цветами, причудливыми украшениями из подручных средств, рыбацкими снастями, плетёными корзинами и домашней утварью. И ещё через детскую площадку, разбитую в стороне от общей суматохи и утыканную качелями и «горками». Марина поймала себя на том, что ищет взглядом детей из сна. Черноглазую Риночку с прутиком, например. Или мальчугана, что стоял рядом – белобрысого и конопатого.

– Кого ты там высматриваешь? – подозрительно спросила Ярослава.

– Да так, никого. Яра, а школы у вас какие?

– В каком смысле?

– Я это… кажется, вспоминать кое-что начала. Но почему-то мне школы видятся очень странными – будто там детям разрешается играть и спать.

– Да, так и есть.

– Но кто же будет сидеть на занятиях, если можно целый день развлекаться?!

– За желание учиться детей поощряют, но за нежелание – не ругают. Вот и всё. Учатся почти все, но и в других системах…

Ярослава осеклась, Марина же, наоборот, вся подобралась.

– В каких – других?

– Ни в каких. Мы пришли.

Попав на выставку, Марина поняла, что ошибалась. В Наукограде, конечно, тоже процветало всяческое рукоделие, но такого она не видела.

Ряды разнообразнейших чашек – высоких, пузатых, совсем крохотных, широченных, украшенных узорами, что там узорами – композициями, которые порой раскидывались мозаикой на несколько предметов. Длинную узкую чашу опутывала лепная лиана, она плавно сливалась с листопадом на глиняной соседке-близняшке. На шести кофейных чашках была рассказана история любви плечистого усатого парня и необычайно длинноволосой девушки, в финале, правда, изображалось непонятное – то ли все умерли, то ли поженились.

«Ишрам Мельник – «Песнь влюблённых» – 2442 год», – прочитала Марина.

– Очень талантливый лепник. Каждый раз ставлю ему десятки, – возле Марины остановился крупный мужчина в длинной узорчатой рубашке и шортах, он достал тонкий карандаш и вывел в табличке, что висела возле чашек, цифру 10. – Ишрам всегда оставляет место для фантазий, но при этом избегает грубой недосказанности.

На лице у мужчины играла светлая улыбка.

– Это ваш друг? – предположила Марина.

– Что вы. Терпеть его не могу, и это взаимно. Товарищ-лепник у меня тоже есть, но он такую ерунду делает, всё время тройки ему ставлю. И то спасибо, что не колы – по дружбе.

– А он не обижается?

– На что? На правду?

Марина не нашла, что ответить. Скользнула взглядом по надписи с именем-фамилией, и вдруг её словно током ударило. Заметила то, на что первый раз внимания не обратила.

– Вижу, тебе нравится? Побудь здесь, я отлучусь минут на

пятнадцать, – донёсся издалека голос Ярославы, вынырнувшей из толпы.

То есть прямо над ухом он раздался, но Марина слышала её с трудом.

Внимание было приковано к маленькой табличке возле «любовного» набора.

Ишрам Мельник
«Песнь влюблённых»
2442 год
Две тысячи сорок второй?!
Марина метнулась к другим композициям.
Ксения Рыбкина
«Маковое поле»
2441–2442

Максим Гнедой, «Чашка с плетью»; Ирма Светлых, «Лунный ливень»; Рустем Агаш, «Невольница леса» – воображение у этого Рустема ещё то, однако… И везде – 2442, 2442, 2442… Двадцать пятый век, не двадцать четвёртый!

Она и правда сместилась на сто лет!

Невероятно. Но зато стало ясно, почему так изменился Кок.

Закружилась голова, Марина схватилась за ближайший столик, рискуя опрокинуть узорные чашки. Кто-то подал ей руку, спросил, не нужна ли помощь. Она помотала головой. Прошлась вдоль посудного ряда, вышла на небольшую квадратную площадку, по которой разгуливали куры и петухи всевозможных мастей и размеров, прислонилась к деревянному столбу. Реальность плыла, перед глазами плясали красно-чёрные пятна. Она зажмурилась.

Невозможно. Как бы там ни было, Марина Гамильтон до конца не верила, что действительно перенеслась сквозь время. Наукоград, Николай, сын, Огней – все они остались в прошлом? И она больше никого из них не увидит? Даже на могилу отца и Дина не сможет сходить.

Впрочем, возможно, не всё потеряно. Если она сумела переместиться на сто лет вперёд, то почему бы однажды не вернуться назад?

Марина глубоко вздохнула. Мир вернул себе прежнюю чёткость.

– Привет, дорогая! – пропищало за спиной.

Марина вздрогнула, узнав голос Алинии. Но, к счастью, та обращалась не к ней, а к долговязой нескладной барышне в симпатичном полосато-зелёном платье, которая стояла у клеток с кроликами и упорно совала тем вялый капустный лист. Марина

осмотрелась. Похоже, она вышла в самый конец рынка – за клетками с домашней живностью высился каменный забор, украшенный народной живописью, а за ним начиналось поле.

– Ты сегодня ужасно выглядишь, Пэтти. Это платье, понимаешь, тебя полнит.

– Спасибо, дорогая. У меня зеркало разбилось. Арсен-стеклодув обещал новое, но ты же знаешь его – семь желаний на минуту. Пять раз договаривались, и каждый раз он переносил встречу. «Извини, но мне вдруг захотелось на гон-бол», «Прости, я внезапно понял, что пора поплавать», «Ой, у меня сегодня возникло желание раздать остатки мясного салата неработающим». И так далее.

Пэтти вздохнула. Алиния её не слушала, размышляла о чём-то своём. Потом задумчиво произнесла:

– А ты знаешь, что в древности разбитое зеркало считалось плохой приметой? Когда это случилось?

– Неделю назад.

Алиния хмыкнула, поджала губы.

– Странно, что с тобой ещё не произошло никакой беды. Кроме ужасного платья. Но ты, знаешь-понимаешь, будь осторожна. Примета о зеркалах, понимаешь ли, не шутка.

– Буду. А ты как? Что у тебя нового?

– Меня уволили из цветочного магазина. Сами говорили, что им нужен коммуникабельный и честный продавец. А потом…

– Что на этот раз ты сказала боссу?

– То же, что и всегда. Правду. Мне неприятен запах его пота, не спасают даже розы с хризадеями. В общем, я попросила не подходить ко мне ближе чем на два метра. – Алиния вздохнула. – Знаешь, мне кажется, все начальники немножко с отклонениями. Они не хотят, чтобы им говорили правду.

Марина не смогла сдержать смех, и Алиния её наконец заметила.

– О! Мамарина! Пэтти, я тебе про неё рассказывала – гостья Руслашки. Сначала Ярку притащил, теперь эту.

«Эта» громко фыркнула и вышла из-за колонны.

– А ещё она очень весёлая. Каждый раз, когда её вижу, смеётся.

Алиния сегодня превзошла себя в вертлявости: без конца размахивала руками, раскачивалась из стороны в сторону, подпрыгивала. Казалось, её дёргают за невидимые ниточки.

– Знаешь, что я тебе скажу? – повернулась она к Марине. – Если женщина хочет любви мужчины, она должна её получить. А вы с Ярославой, понимаешь, поступаете неправильно.

– А вот что я тебе скажу, – улыбнулась Марина. – Если

учитывать потребности каждого, значит, вы должны подумать и о желаниях Ярославы. Да и о Руслановых тоже. И ещё одно. Ты считаешь, что вправе высказывать начальнику правду о нём. А он, возможно, хочет увидеть уважение к себе. И уж конечно, нельзя отказать ему в удовольствии уволить неугодного сотрудника!

– Ты как-то странно рассуждаешь, – скривилась шатенка и отвернулась к подруге, которая всё это время молча моргала. – Пойдём отсюда.

– И кстати, Пэтти! – закричала Марина им вслед. – Ты выглядишь чудесно, тебе к лицу зелёный, а примета о зеркалах – полная чушь!

– Ты чего кричишь? – Ярослава тронула её за плечо.

– Да так. Встретила Алинию, захотелось сказать ей пару слов.

– А. Захотелось.

– Ярослава, объясни мне. У вас здесь можно делать всё, что вздумается. Но если, к примеру… к примеру, один человек захочет ударить другого, как быть?

– Ну… Можно убежать.

– Это не выход! И это как-то нелепо.

– Ты сейчас говоришь о поэте?

– Нет, я гипотетически. А какой…

Марина проследила за взглядом Ярославы. За торговыми рядами у забора вдруг откуда-то возник здоровенный детина, он волоком тащил давешнего бородатого поэта, затем бросил его на землю, заколотил ногами и завопил: «Я не хочу тебя слушать! Я не хочу про грязную майку! Я не хочу тебя слушать!». Рифмоплёт вяло отбивался, было видно, что силы его на исходе.

– Он убьёт его!

Марина бросилась к дерущимся, на бегу схватила за руку двух молодых рослых парней.

– Помогите! Помогите ему!

– Кому?

– Вы что, не видите? Человека убивают!

– Видим, – сказал один, из подмышки у него хрюкнул поросёнок. – Просто не хотим вмешиваться.

– Да. Не хотим, – подтвердил второй.

И неожиданно спросил:

– Пообедаешь с нами?

– Но… – Марина потеряла дар речи. – Что вы за люди?

– Подожди, глупая. – Ярослава догнала её, оттащила от изумлённых парней. – Что ты творишь? Если человек не хочет чего-то делать, он этого делать не должен. Поняла?

– Даже если его нежелание будет стоить кому-то жизни?

– Увы!

– Но я хочу помочь!

Она схватила бесхозный деревянный табурет, подбежала к забору и изо всех сил ударила детину по спине. Табурет рассыпался, детина пошатнулся. Оглянулся: кто посмел его потревожить? И мрачно двинулся на Марину.

– Стой! – закричала Ярослава. – Всё, пошалил и хватит, убирайся отсюда. Ты что, не видишь, кто я? Я помощник куратора.

Детина не слушал. Молча надвигался на женщин, облизываясь и потирая кулаки. Прохожие смотрели на сцену равнодушно, некоторые – заинтересованно, но издалека.

– Яра-а, – прошептала Марина, – может, пора убегать?

– Подожди. Мы с Русланом неприкосновенны, – прорычала она. – Иди. Домой!

Детина схватил её за волосы. Ярослава завизжала, Марина бросилась на выручку, повисла на руке психопата, взывая о помощи, понимая, что, скорее всего, её не дождётся. Но она ошиблась. Буян вдруг выпустил Ярославу и рухнул на землю – за ним, пошатываясь, стоял очухавшийся поэт с дубинкой в руках.

Ярослава тяжело дышала, её локоны растрепались, лицо покраснело, на щеке красовалась царапина.

– Яра, ты как? В порядке? А вы? – Марина повернулась к поэту, он едва держался на ногах. – Надо отвести его домой. А лучше – в больницу. И тебе бы щёку обработать.

Ярослава кивнула и украдкой сбросила два сообщения на виз.

Медсестра накладывала повязку, рядом с ней курилась ароматическая палочка, наполняя маленькую палату запахом горелой сосны. Джонатан Юрэйк, избитый уличный поэт, чихал и кашлял, глаза его слезились от благовонного дыма. Ярослава открыла окно, впуская свежий воздух. Джонатану это не помогло.

– Простите, – обратилась Марина к медсестре. – Вы не могли бы потушить палочку?

– Зачем? – фыркнула медсестра.

– Вашему пациенту от неё плохо, вы что, не видите?

– Закончу перевязку и сделаю укол от аллергии. У меня же не пять рук.

– А не проще ли убрать это из палаты?

Медсестра подняла на неё насмешливый взгляд.

– Что-то ещё?

Джонатан раскатисто чихнул.

– В больнице не должно быть вонючих палок!

– Вы какая-то странная. Благовоние можно зажигать когда и где захочется.

Джонатан закашлялся.

– Когда хочется, значит… Хорошо.

– Марина, перестань, – тихо сказала Ярослава. – Ты ничего не добьёшься.

– Мне хочется, чтобы сюда пришла новая медсестра. Без дурацких палок и прочих вонючих штук. – Марина на секунду задумалась. – Вежливая и улыбчивая. А вы – уходите. Я. Так. Хочу!

Она повернулась к Яре.

– По-моему, всё в рамках правил.

Медсестра пожала плечами и вышла, бурча что-то об отклонениях. Марина с облегчением швырнула аромапалочку в рукомойник.

Руслан приехал, когда Джонатана перевязали, подлатали и уложили спать. Новая медсестра оказалась маленькой блондиночкой. С её лица не сходила странная, но всё же улыбка, она через слово твердила «пожалуйста» и не портила воздух всякой дрянью. Марина осталась довольна.

Ярослава же отнюдь не радовалась. Во-первых, её подопечная первый раз вышла из дома, а уже успела схлопотать репутацию «странной», чтобы не сказать хуже. Во-вторых, хмурый вид Руслана, появившегося в больничном холле, тоже не предвещал ничего хорошего. Не говоря ни слова, он схватил Ярославу за руку и оттащил в сторону.

– Ты что наделала? Я тебе как сказал? Просто следить за происходящим. Со стороны. С какого перепуга вы вмешались?

– Это всё Марина. Она захотела помочь поэту. Что я могла сделать? Она действовала по законам Либертии.

– Проклятая Дворничка. Но в больницу-то зачем было его тащить?

– А что мне оставалось? Добить? И самой стать девиацией? К тому же… Вот. – Она повернула голову, показала Руслану свежие царапины на щеке.

– Что это?

– Псих и меня достал.

– Он посмел тебя тронуть? Мою женщину?

Руслан взял её за подбородок, посмотрел на рану.

– Что ж. Возможно, всё и к лучшему. Нападение на помощника куратора – преступление похлеще убийства уличного поэта. А стихоплёт… Надеюсь, теперь у него прыти поубавится. А нет – найдём другую управу.

К дому уверенной походкой приближались четверо

подростков. Марина увидела гостей с балкона и вздрогнула, узнав светлый чуб Павла. Метнулась было на поиски Ярославы, но остановилась на пороге комнаты, вспомнив слова Руслана. Тот велел ей не высовываться, пока гости не уйдут.

После происшествия с поэтом Марина заявила куратору, что не хочет больше сидеть взаперти в ужасной синей комнате. Сказала, что по правилам Либертии он не может её заставлять. Руслан подошёл вплотную и прошипел в лицо: «Что ещё ты мне расскажешь о правилах?» Впрочем, всё же разрешил переселиться в спальню на втором этаже, рядом с Ярославой. Однако его взгляд говорил: следующее «хочу» закончится для Марины печально.

Потому она и остановилась в раздумьях. С одной стороны, по законам Либертии она имеет право немедленно увидеть Ярославу или даже поздороваться с Павлом и компанией. С другой – очевидно, что желания Руслана перевешивают хотелки всех либертийцев, вместе взятых.

И всё-таки она решилась.

Осторожно приоткрыла дверь, вышла в коридор, прокралась к лестнице и присела, согнувшись, у перил. Из кухни доносились голоса. Судя по аромату свежезаваренного кофе, Ярослава тоже принимала гостей. Марина сползла на несколько ступенек вниз. Прислушалась.

– …давно за вами наблюдаю. Управлению нужны свежие люди – молодые, решительные, смелые.

Раздался довольный смешок.

– Я так понял, все вы хотите увидеть Наукоград и влиться в ряды тех, кто решает судьбу Либертии и, – Руслан выждал пару секунд, – не только её? Тогда у меня для вас пробное задание. В Либертии, к сожалению, обнаружились отклонения. Данила Клин опасен для общества, он полностью доказал это три дня назад, в воскресенье, когда напал на моего помощника. По правилам, никто не может запретить ему избивать и убивать, но и оставлять, хм, всё как есть – преступление против мирных людей. Открыто я ничего сделать ему не могу. Но мои тайные помощники – вполне.

Наступила многозначительная тишина. Затем послышался голос Павла.

– Значит, вы хотите, чтобы мы…

– Сделали то, что посчитаете нужным. Этот человек должен исчезнуть из Либертии. Как именно, решать вам. Сейчас Данила с сыном в пятом сельскохозяйственном ангаре. Звукоизоляция там хорошая, уж не сомневайтесь. Рядом – поле, если пожелаете убрать за собой. Времени у вас до утра. И разумеется, тот, кто не хочет идти на это задание, может отказаться, претензий никаких не будет.

Марина недоумённо моргнула. Данила с сыном.

С сыном?

Закружилась голова. Дрогнула реальность. И Марина как наяву увидела – край посёлка, четыре прямоугольные постройки для хранения овощей, зерна, фруктов. И пятая стоит немного особняком. Внутри – Данила с маленьким Артёмкой удивлённо взирают на серые, слегка выпуклые стены, у мальчишки на ноге почему-то треугольный ожог. Он дёргает отца за рукав и говорит, что хочет домой поиграть с утюгом. С утюго-о-ом. Поигра-а-ать.

– Господин куратор, – голос Ярославы пробивается словно сквозь вату, – вы уверены, что психика мальчика не поддаётся коррекции?

– Шансы – пятьдесят на пятьдесят. Мы не можем рисковать.

Марина вскочила и бросилась в комнату. Кажется, зацепила по пути напольную вазу. Шум от падения наверняка услышали. Но ей было всё равно.

– Ярослава, ради всего святого, объясни, что происходит?

Руслан остался с «тайными помощниками», чтобы дать им последние инструкции, а она поднялась к себе, желая отдохнуть. Не тут-то было. Марина набросилась с расспросами, стоило зайти в комнату. Яра устало вздохнула.

– Значит, нам не показалось. И много ты услышала?

– Достаточно. Выходит, этот недоумок станет кем-то вроде Руслана? Так вы выбираете будущих кураторов? Пойди, убей, и будет тебе счастье?!

– Успокойся.

– И ребёнка – тоже?

– Тише ты. Руслан услышит, рассердится. Я сейчас объясню.

Ярослава задумалась. Куратор сказал: «Рассказывай и показывай всё». И даже в таком щепетильном вопросе? Впрочем, у неё были и другие причины сказать Марине правду.

– Павел не станет куратором. И вообще никем, похоже, уже не станет. Всё, что ты услышала, – спектакль, разыгранный для него Русланом. Это испытание. Павел с друзьями давно подозревается в девиации третьего типа. Завтра утром мы посмотрим, насколько ярко он её проявит.

– Не понимаю.

– Руслан считает, что не стоит ждать, пока социальное отклонение раскроется в полную силу. Он уверен, что давить агрессоров нужно в зародыше. Вопрос лишь в том, как их выявить? Вот и придумал подобную схему. Нормальный человек не станет марать руки в крови даже ради обещанной ему «новой жизни».

– То есть, когда Павел расправится с Клином, его…

– Деактивируют. И дружков заодно.

– Но это подло.

– Руслан считает, что так лучше, чем ждать, пока они созреют до состояния Данилы.

– А может, и не созреют. Они ещё совсем молоды!

– Гарантии нет. И вообще, почему ты их защищаешь? Забыла, что Павел хотел с тобой сделать у озера?

– Во всяком случае, убивать меня не собирался.

– Но сейчас он убьёт. И, можешь не сомневаться, сделает это с удовольствием.

– И Артёма? Над ним отец издевался, потому он… такой. Он ни в чём не виноват. Я уверена, его ещё можно перевоспитать.

– Не исключено. Но известно ли тебе, как полностью называется место, где ты находишься? «Экспериментальный посёлок Либертия». Задача куратора – показать жизнеспособность проекта. И мы не имеем права рисковать успехом эксперимента.

Море плескалось под ногами, колыхалось сине-зелёными волнами. Руслан скользил на своей «чайке» над водой, но трансформировать птицу в яхту не торопился. Незачем. Ещё немного полюбуется волнами и взмоет в облака.

Главный по вседозволенности был горд собой. Ему есть чем похвастаться перед Лордом. Он уничтожил последнюю девиацию Либертии – в лице Павла Красавина. И он наконец-то вплотную приблизился к Дворникам! Старший куратор должен быть доволен.

Через полчаса Руслан усадил «птицу» на главном аэродроме Наукограда, включил режим «домашний», принял душ, переоделся, критически осмотрел себя в зеркале. Он терпеть не мог официальные костюмы. Эти нелепые жабо, торчащие из-под фара. Да и сам фар – приталенное нечто, застёгнутое на пять крохотных и непременно золочёных пуговиц, да ещё и с длиннющими фалдами до пола. Идёшь и думаешь, как бы не наступить. Кто это придумал? Дурацкое одеяние сковывало, заставляло чувствовать себя подневольной букашкой. И клоунской к тому же. Лорд, наоборот, костюмы любил. Особенно на других. Ладно, порадуем деда.

Выйдя из аэропорта, Руслан поймал попутный электромобиль. Обычно предпочитал ходить пешком, но фар опять же обязывал. Но на последнем этапе пути главный по вседозволенности не выдержал. Пренебрёг лифтом, взлетел на восьмой этаж Управления. Деда в кабинете не было: куратор Либертии позволил себе развалиться в большом кожаном кресле

перед панорамным окном, за которым как на ладони раскинулся весь Наукоград. Ухоженные тропинки, парк с фонтанами, аккуратные электромобильчики на дорогах, чёрный кот под кустом. Коты в Наукограде в почёте, говорят, они удачу приносят. Особенно те, что цвета ночи. Усатый словно почувствовал взгляд, картинно зевнул и потянулся. Отдыхает котяра. Руслан надеялся, что и он вскоре сможет расслабиться. Благодаря их загадочной гостье…

– Примеряешься, Русланчик? – Дед, как обычно, подкрался незаметно, и Руслан вскочил из кресла, едва не упав.

– Нет… Видом любуюсь. Коты сегодня, – он прокашлялся, – особенно ленивы.

– Да. У вас в Либертии лентяев тоже хватает, да?

– Как сказать, – осторожно ответил Руслан, пытаясь понять, куда клонит Лорд. Что-то в интонациях деда ему не понравилось.

– Тем лучше. По лентяям и скучать нечего. – Лорд Байрон потеснил внука и прошёл в кресло.

– Э… То есть? Вы меня переводите?

– Переводим, Русланчик. Переводим. Совет принял решение о закрытии проекта «Либертия».

Руслан присвистнул.

– Не переживай так. За тобой особой вины не выявлено. Однако подобную модель социального общества признали нежизнеспособной.

– Но послушайте! Вы закрываете проект, который только-только набирает высоту. Я покончил со всеми девиациями. Я… Я требую пересмотра решения. В конце концов, как куратор Либертии я тоже имею право голоса.

Лорд смотрел на него молча и немного грустно.

– Главная проблема Либертии, – сказал он, – не агрессивные девиации, которые ты, к слову, решал с помощью новой агрессии – натравливая одних нарушителей на других. Проблема этой социальной модели в том, что люди, научившись жить в гармонии с собственными желаниями, напрочь разучились учитывать потребности других. Вот главное отклонение. А ты его не заметил.

Руслан открыл рот и тут же закрыл его. А Лорд продолжил.

– Когда Совет планировал Либертию, он отдавал себе отчёт, что подобная система может привести к двум вариантам: к обществу абсолютной осознанности и самоконтроля или к обществу чистых эгоцентристов. Один за всех и все за одного или каждый сам за себя.

Руслан вдруг понял, что ему жаль ЭП, который он привык считать своим – сколько сил вложил в этот проект… Даже ночами

либертийцы сниться начали.

– Становишься сентиментальным, Русланчик? – хмыкнул Лорд, словно прочитав мысли.

– Думаю, когда и как это лучше сделать, – буркнул Руслан. – Можно во время соревнований в искусстве любви. И удобно, и… пусть порадуются напоследок, что ли.

– Что ж, как знаешь.

– И у меня условие. Любимую женщину я забираю с собой.

– Конечно, Русланчик. На здоровьице.

– Живую забираю. И невредимую, – медленно произнёс уже почти бывший куратор Либертии. – А то знаю я вас.

– Не волнуйся ты так. Ничего с твоей красавицей не стрясётся. Тем более что она не либертийка.

Руслан шёл по Либертии. Деревянные домики, аккуратные улицы. Площадь со скромным названием Вторая, на одной её стороне стоит храм с крестом, на другой – с шестиконечною звездою. По площади неспешно прогуливались двое: Надир Бранк, первый интеллигент и франт Либертии, и Мишка Левый, известный пьяница, гуляка, да ещё и бездомный. Не потому, что беден, а потому, что идеология у него такая – жить без дома. Надир с Мишкой шли под ручку и спокойно беседовали. За спинами их возвышался деревянный крест.

Говоришь, Лорд, не научились учитывать желания друг друга? Ой ли, господин Байрон? Сколько в прошлом случалось войн на религиозной почве. Сколько презрения выливали представители «высшего класса» на голову «нижним». Да что древние… Некоторые ЭП в этом плане дадут фору всем предкам, вместе взятым. В Либертии не было классовой вражды. Да, имели место вспышки неконтролируемой агрессии, но она была сродни той наивной жестокости, которая побуждает детей отрывать крылья бабочкам. Был яркий накал эмоций, но не знала Либертия тихой ненависти. Были споры и драки, но не ведали либертийцы затаённых обид. Были странные поступки вроде испражнений посреди улицы, но отродясь не водилось осуждения.

Либертийцам с детства объясняли, что можно поступать так, а можно эдак, верить в одно или в другое, идти прямой дорогой или кривой. Хочешь – ешь кашу, хочешь – выброс её в окно, родители слова не скажут. Можешь работать до седьмого пота или валяться на печи всю жизнь, копить богатство или раздавать всё печным лежебокам – тебя будут одинаково уважать в обществе. Какие-то твои действия и желания лучше, какие-то хуже, но и те и другие – правильные! Главное, что они идут от души. Что тебе действительно так хочется!

Возможно, либертийцы и не стали венцом цивилизации, но они весьма к тому приблизились. А сколько талантов в посёлке! Художники, музыканты… У старого чудака Кельвина была ещё одна теория, противоположная той, которая его погубила: «Пик развития личности тем выше, чем меньше ограничений на эту личность наложено». Руслан хмыкнул. Надо будет всё тщательно проанализировать, сохранить наработки, произведения искусства сберечь. Для будущих проектов. Если, конечно, и их Лорд не зарубит. Хотя… Руслан остановился, проводил взглядом интеллигентно-подзаборную парочку. Зачем ему вообще Лорд? Разве не было сказано, что тот, кто поймает Дворника, займёт кресло старшего куратора? В шутку, правда, это говорилось, но в каждой шутке, как известно… А разве он, Руслан, не поймал Дворника? Осталось только заставить эту малахольную вывести его на клан подметальщиков, и дело в шляпе!

Он станет героем! А оным положена награда.

Отлично. Руслан хрустнул пальцами. За дело! День любовных побед – через неделю. Он же станет последним днём Либертии. И Дворник-неудачник Марина умрёт вместе с экспериментальным посёлком. Для всех, но не для него. Куратор получил разрешение вывезти из Либертии женщину… Что ж, он её вывезет. И рано или поздно Марина ему поможет. По своей воле или вопреки ей. Но приведёт Руслана к его закадычным врагам. К его заветной цели.

Главный по вседозволенности вышел на поляну Удовольствий. Невольно улыбнулся. Соревнования в искусстве любви придумала Хала. Наверно, потому, что и сама в нём весьма преуспела. Руслан тряхнул головой. Что-то последнее время часто сводная сестра вспоминается.

Зелёная трава манила свежестью и мягкостью. Руслан, повинуясь порыву, снял чёрные, начищенные до блеска туфли, стянул ненавистный фар, оторвав в порыве пуговицу, рубашку тоже – прочь, закатал штаны и с наслаждением уселся в позу лотоса. Закрыл глаза. Солнечный заяц нахально скользил по щеке. Руслан глубоко вдохнул. Можно и расслабиться. Хоть ненадолго…

…Кажется, можно расслабиться и вздохнуть спокойно. Руслан оглядел поляну Удовольствий. Костры разожжены, зрители рассажены, претенденты на звание чемпионов Любви заняли позиции, и сейчас кто отдыхал, подставляя обнажённое тело солнцу, кто разогревался предварительными ласками в ожидании старта. Куратор Либертии скользнул взглядом по красивым женским телам и подумал, что будет скучать по Дню любовных побед. Этот праздник был изюминкой Либертии и вместе с нею и

умрёт. В Совете есть правило – не повторяться. Однако можно измыслить что-то похожее. Даже лучшее. И Руслан придумает. Обязательно. Но позже. Пока есть задача важнее.

– Руслашка! – Алиния бросилась ему на шею. – А где твои красавицы? Вы зарегистрировались на соревнования?

– Нет. – Он отстранил девушку. – Марине снова нездоровится, Ярослава осталась с ней. А меня срочно Совет вызывает, надо лететь.

– Ты не будешь участвовать?!

– Увы, увы. Как раз собирался сообщить об этом и откланяться. Вот. Меня уже вызывают. Прощай. Удачи на соревнованиях.

Алиния растерянно хлопала ресницами, но Руслану не было до неё никакого дела. «Лишь бы Дворники клюнули на приманку», – думал он, выходя на середину поляны, чтобы сказать либертийцам последнее – в прямом смысле – слово.

Ярослава, задрав голову, смотрела на лениво раскачивающуюся на крыше кошку-флюгер, на аккуратные резные балкончики, скользнула взглядом по красным кирпичным стенам. Подошла к пионам, погладила ароматные белоснежные лепестки. Год жизни отдала она Либертии, этому дому, Руслану. Хотя нет, Руслану, пожалуй, больше. Они были знакомы задолго до того, как он стал Главным по вседозволенности. Их нерегулярный, но бурный роман завязался, когда она курировала посёлок Феодальный, а он наведывался с проверками. Иногда – официально, иногда – не очень.

После третьего и особо кровавого восстания крестьян проект «Феодальный» закрыли, а судьба его куратора оказалась под большим вопросом. Тогда-то за неё и вступился Руслан – на то время уже свежеиспечённый предводитель Либертии. То ли заключил сделку с совестью, заглаживая вину за смерть кузины, то ли Ярослава и правда ему дорога. Сама она, конечно, надеялась на последнее, но, хорошо зная Руслана, не была уверена ни в чём.

Как бы там ни было, ей придётся пережить закрытие второго проекта подряд.

В дверях появилась Марина.

– Ярослава, что происходит? Посёлок словно вымер.

– Говорю же тебе: все ушли на праздник.

– А мы? На душе неспокойно. Куда мы едем? Можно, я просто уйду, а? Послушай, – она подбежала к Ярославе, – ты ведь тоже нездешняя? Я вижу, тебе здесь неуютно. Хотя ты изо всех сил стараешься выглядеть своей. Помоги мне. Твой Руслан меня

убьёт, я чувствую!

– Не высовывайся раньше времени! – шикнула на неё Ярослава. – Зайди в дом по-хорошему. Быстро. Тебя не должны видеть.

Марина попятилась к двери. А Ярославу вдруг кольнула смутная тревога, будто она должна сделать нечто важное, хотя и не совсем правильное.

– Постой, – сказала она. – Хочешь, чтобы я помогла, ответь на вопрос: ты знаешь что-нибудь о Дворниках?

Марина моргнула.

– Это те, кто улицы убирает?

– Не ёрничай! Просишь о помощи – так будь откровенна!

– Я пытаюсь. Но не понимаю, о чём ты.

– Ясно, – вздохнула Ярослава. – Тогда запомни: если тебя кто-то и сможет защитить от Руслана, то только они. Дворники. А теперь – марш в дом.

Оставшись одна, Ярослава задумалась над другими словами гостьи. «Ты ведь тоже нездешняя». Права ли Марина? Она – первый помощник куратора – чужая в Либертии? И да и нет. Ярослава так и не постигла прелесть тотальной вседозволенности. Возможно, потому, что последнее время стала слишком много думать о других, а в этом ЭП заботятся в основном о себе. Но именно здесь, в Либертии, она впервые увидела радугу. А потом – и Дворников. И поняла, что не сможет пойти против людей, которые борются с невидимой грязью. Но скрыть знакомство с Дворником – значит предать любимого мужчину…

И она пошла на компромисс.

Дворники перестали похищать либертийских детей и дали слово – никогда ни при каких обстоятельствах не причинять вреда Руслану в обмен на её молчание.

«Почему именно либертийские дети?» – «Свобода даёт развитие. В том числе и способностей Дворника. В вашем посёлке много плохого, но это оттого, что люди путают свободу и вседозволенность. Взрослые. Дети пока ещё не знают, что их можно спутать».

Известно ли Дворникам о её подопечной? Давно их видно не было. А может, и правда отпустить Марину? Кто знает, что у её любимого куратора на уме. Только куда она пойдёт? Либертия обречена. Разве что дать сбежать по дороге. Хотя… Нет, скорее всего, Марина не имеет к Дворникам отношения. Иначе они бы уже давно проявились. Значит, не о чем беспокоиться, пусть дальше Руслан сам разбирается с этой «мисс Амнезия». Но почему же так тревожно? Ярослава закрыла глаза. Представила себе

Дворников, ставших для неё почти друзьями: рыжеволосую красавицу Анишу, сероглазого Константина в неизменном зелёном плаще. Услышьте меня, подскажите, что делать!

Молчат.

Стукнула калитка. Во двор вошёл Руслан.

– Марина готова? – спросил на ходу.

– Да. Как это Совет разрешил её забрать?

– Я сказал, что вывезу любимую женщину.

– Но…

– Где Марина?

– В доме. Послушай…

– Иди сюда, быстрее. – Он схватил её за руку, оттащил в глубь двора, за густые кусты пионов и вишнёвые деревья. Остановился, огляделся.

– Что происходит?

– Хочу кое-что сделать, но наша дорогая гостья не должна этого видеть.

Ярослава пожала плечами и вдруг поняла, всей кожей почувствовала, что задумал Руслан. Она отшатнулась. В руках у куратора Либертии блеснул пистолет.

– Постой! Выслушай, прошу, ты ошибаешься! Марина – не Дворник. Она тебе ничем не поможет, а я знаю…

Он не дослушал. Тихий щелчок, помятые пионы, чёрный локон на белом цветке.

– Прости, Ярослава. Я могу вывезти только одну женщину.

Глин Коперович взирал по сторонам скучающим взглядом. Догорали костры, обнажённые пары томно ворочались на смятой в зелёный блин траве. Кто-то спал, кто-то пялился в звёздное небо, кто-то ещё пытался оседлать партнёршу. Или партнёра. Или обоих. Куратор уехал, не дожидаясь финала соревнований. Даже участвовать в них не стал, вызвав дружный вздох – отчаяния у женской части и облегчения – у мужской. На месте Руслана Глин бы тоже сбежал. Вряд ли куратору жаль людей, но видеть гибель дела, которому отдал столько времени и сил, всегда тяжело. Впрочем, Глин, как и многие подчинённые, был уверен, что на месте начальства справился бы гораздо лучше. Жаль, ему до сих пор ни один ЭП не доверили. Недавно он пронюхал, что готовится новый проект – полная противоположность Либертии. Говорят, должность куратора вакантна. А он, Глин, у Совета на хорошем счету, вот только Руслан так некстати оказался не у дел. С одной стороны, он проштрафился, провалив проект «Либертия», и теперь вроде как не опасен, но с другой – всё-таки внук Лорда.

Глин вздохнул. Прежде чем мечтать о новом проекте, надо

закончить со старым. Сегодня утром из Либертии вывезли всех детей возрастом до трёх лет и беременных женщин – под предлогом обязательного медосмотра. Дети станут материалом для следующих ЭП, их мамашам повезёт меньше. Руслан уехал со своей ненаглядной. Остальные подлежат деактивации. Меньше чем через десять минут он наденет противогаз и даст команду дюжине тайных помощников – или попросту мальчиков-на-побегушках-у-куратора – распылить «сонный яд». Большинство либертийцев ничего не почувствуют: заснут, утомлённые любовной негой, и не проснутся. Прекрасная смерть! И хорошая идея – покончить с ЭП на Дне любовных побед, собрав всех жителей на поляне Удовольствий. Тех единиц, что до неё не дошли, придётся добить вручную. Но это уже не его забота, а всё тех же побегунцев.

– Вы ведь помощник Руслана, да? – Писк под ухом раздался так неожиданно, что Глин подпрыгнул. И уставился на маленькую шатенку.

– Ты почему не… – и осёкся. Что спросить-то? «Почему не готовишься к смерти?» – Почему ты не со всеми?

– На эти соревнования, понимаешь ли, я хотела пойти с Русланом или ни с кем. Руслан нарушает правила Либертии! Ты считаешь, для куратора это допустимо? Десятки девушек хотят проводить с ним ночи, а он предпочёл родным либертийкам чужую женщину.

Глин покосился на часы. Меньше пяти минут осталось. Эту трещотку, похоже, придётся деактивировать лично. И откуда она взялась на его голову?

– …уехал, бросил нас всех. А ведь он украшение праздника. Развлекается где-то со своими красавицами. Мало нам было Ярославы, так ещё и эту приволок.

Стоп!

– С какими красавицами?

– Ты вообще меня понимаешь ли, слушаешь? С Ярославой своей и этой малахольной Мамариной. Она отклонение. И появилась вообще из ниоткуда. Так Павлуша сказал.

– Павлуша? Павел? Которого недавно деа… э-э-э… отправили в Наукоград?

– Да! Она странная. Ведёт себя как дикарка. Но Руслана, видимо, такие возбуждают.

Минута до часа «икс».

– Появилась из ниоткуда… И он с ней уехал?

– Ну да! Я же талдычу тебе об этом уже полчаса!

Тридцать секунд.

– Что ж… Тебя как зовут?

– Алиния.

– Что ж, Алиния. Спасибо за ценную информацию. А теперь посмотри туда.

– А что там тако-о-о…

Крохотная иголка вонзилась девушке в шею. Алиния охнула и села на землю. Глин нажал кнопку вызова. Пора отдавать приказ об уничтожении Либертии. Но сначала – связаться с Лордом. Ему есть что сказать старшему куратору.

Руслан летел на запад. В той части полуострова не было экспериментальных посёлков, зато стоял полузаброшенный домишко, в котором Руслан любил тайком отдыхать ото всех. Там он и собирался устроить засаду Дворникам, приманивая их на живца.

– Куда мы летим? И где Ярослава? – «Приманка» ёрзала на пассажирском сиденье. – Руслан, я чувствую, произошло что-то нехорошее.

Руслан хмыкнул. Ещё бы. Чувствует она.

– Не беспокойся, тебе ничего не угрожает, – «пока». – Яра нас скоро догонит. А может, и перегонит. Прилетим – а она уже на месте.

Марина вздохнула и немного расслабилась. Кажется. Ярослава бы сейчас вмиг успокоила эту блаженную… Ничего, и сам справится.

Через десять минут Руслан усадил птицу в небольшой впадине, забросал заготовленными ветвями – теперь с неба её не видно. Домишко стоял на холмике метрах в ста от «чайки». Бывший куратор несуществующего посёлка схватил спутницу за руку и потянул к дому. Она не сопротивлялась, хотя и чувствовалось – напряжена. Взобравшись по склону, Руслан толкнул массивную дубовую дверь – та легко открылась. «Слишком легко», – подумал он, заходя в дом. И понял, что умная мысль пришла поздно.

В маленькой прихожей стоял Лорд Байрон с парализатором в руке и улыбался. Недобро так.

– Проходи, Русланчик. Нет, нет, не дёргайся. Вокруг дома – мои люди.

Руслан молча выругался. Как он мог проморгать засаду? Решил, что победил, думал только о Дворниках, дурак! О деде надо было думать.

– Это и есть твоя любимая женщина? – Старший куратор впился взглядом в Марину. – Недурна. А с предыдущей что сотворил?

– Что вы такое говорите? Ярослава… – пролепетала Марина.

– Кто это, Руслан? – Лорд перестал улыбаться.

– Почему вы здесь? – вопросом на вопрос ответил Руслан.

– Были у меня подозрения насчёт тебя, Русланчик. А тут ещё и Глин позвонил, сообщил, что ты вывозишь не одну женщину, а двух. Никогда не поверю, что вторую прихватил из большой любви. Ты так и не ответил, где первая, кстати. Молчишь? Ладно. Об этой твоей «тайной» резиденции я давно знал. И несложно было догадаться, что сейчас ты именно сюда и отправишься. Ну что, добегался?

Руслан сглотнул и отшатнулся. Но не деда он испугался, а того, что творилось у него за спиной. В маленькой комнате словно из воздуха появилась красивая рыжеволосая женщина в лёгком светло-жёлтом комбинезоне и с метлой в руках. И никакой обещанной радуги, только чуть-чуть реальность помутилась, будто круги по воде пошли. Да еле слышный щелчок раздался. А потом ещё один – и рядом с рыжей возник брюнет в зелёном плаще.

Лорд тоже что-то почувствовал, обернулся на миг. И этой секунды хватило Руслану, чтобы оттолкнуть деда и влететь в комнату. Лорд выстрелил ему вслед и попал в ногу. Марина вырвалась наконец из хватки бывшего куратора и, вскрикнув, словно что-то вспомнила, бросилась к пришельцам. Лорд выстрелил снова, но рыжая выставила вперёд метлу, и струя парализатора наткнулась на невидимую стену.

Лорд хмыкнул и посмотрел на незнакомку.

– Ты кто такая?

За его спиной выстроилась подоспевшая с улицы охрана с автоматами. Лорд дал знак: держать на прицеле, но не стрелять.

– Меня Анишей зовут, если интересно. А нужна нам только она. – Женщина взяла за руку Марину. – Не приближайтесь. И мы никого больше не тронем.

– Ха. Не тронете. Значит, вы и есть легендарные Дворники? – весело спросил Лорд. – И что же вы чистите здесь, а?

– У нас мало времени, – сказал спутник Аниши.

– Стойте! – прохрипел с пола Руслан, пытаясь подняться на онемевшие ноги. – Я знаю, что вам нужно! Это я… Я! Привёл вам вашу Марину. И я помогу захватить власть над посёлками, над Наукоградом. Вам не придётся больше прятаться. С вашей помощью я стану старшим куратором, и тогда…

Сзади крякнул Лорд.

– Не верьте ему! – пискнула Марина.

Аниша подняла метлу.

– Подождите! Возьмите меня, я обещаю…

– Ярославе ты тоже многое обещал, – грустно сказал брюнет.

– Что? Какое вам до неё дело?

– Гораздо большее, чем ты можешь представить.

– Хотите сказать… Вы знали её? Она вам помогала? Всё это время? Предательница! Поделом ей, значит, досталось! Верная женщина, называется.

Аниша презрительно скривилась, Марина всхлипнула, а брюнет лишь покачал головой.

– Ошибаешься. Она была верна тебе до последнего вздоха. И с её смертью я считаю себя свободным от данного обещания.

– Какого ещё…

– Довольно болтовни, – встрял Лорд. – Я услышал всё, что хотел. Руслан, твою судьбу решит Совет, хотя вердикт уже очевиден. А с вами что делать, я подумаю позже.

Аниша улыбнулась и слегка шевельнула метлой.

– Не двигайся, – холодно сказал Лорд. – Стреляем на поражение.

Рыжая молча взмахнула метлой, старший куратор отскочил в сторону, и тут же раздалась автоматная очередь, заставив Руслана вновь распластаться, вжаться в пол. Где-то сзади взвизгнула Марина и… всё стихло.

Руслан осторожно повернул голову. Сквозь изрешечённые пулями стены пробивались солнечные лучики. В пустую комнату.

Глава 10
Город Надежды

Приглушённый зеленоватый свет лился с полукруглых стен, оплетённых причудливым растением с узкими гладкими листьями. Грубый шерстяной плед колол плечи. И рука болела. Потому как Аниша держала её крепко-крепко, словно боялась, что свежеобретённая Марина Гамильтон сбежит. Или потеряется в пути. А она всего лишь сознание потеряла.

Марина села на низкой кровати, посмотрела на своих спасителей – рыжую красотку и молоденького брюнета.

– И куда я на этот раз попала? – спросила она.

– В Спирари – на секретную базу Дворников, – ответила Аниша.

– В Гренландии мы, – улыбаясь, добавил брюнет. – В самой «гриинистой» её части. Потом прогуляемся по окрестностям – ух, красотища! Ещё в твоё время почти все ледники растаяли, но природу так легко не возьмёшь. Сейчас наш остров прекраснее прежнего. А меня Константином зовут, кстати.

– Я тебя видела, – сказала Марина, пропуская мимо ушей болтовню о красотах мира. – Во сне. Ты играл с детьми в… в…

– В Дворников? Да. Было дело. Увы, забрать всех своих воспитанников мы не успели… – Он погрустнел, поник.

Рядом вздохнула Аниша.

– М-да. Хорошо же ты спряталась. Еле нашли.

– Но… – Марина удивлённо развела руками. – Я ничего не делала. В смысле не скрывалась от вас, я даже не знала о вашем существовании.

– Я понимаю. Просто мы вообще не были уверены, что найдём тебя и что есть смысл искать… Но думали, ты проявишься на территории бывшего Наукограда, а не Кока. Андрей ведь нашёл тебя в Наукограде?

– Андрей? Ах, его так звали… Он спас меня, а сам погиб. Его Мартин Брут застрелил! И отца он убил тоже.

– Да… Логично было предположить, что ты сместишься только во времени. Но, видимо, так боялась Брута, что сдвинулась ещё и в пространстве. Мы этого не учли. Вернее, не сразу сообразили, что возможен и такой вариант.

– Я вас не понимаю.

– Это нестрашно. Со временем во всём разберёшься.

Стукнула дверь. В комнату вошёл новый человек – мужчина в серых штанах, таком же гольфе и зелёной жилетке из

искусственной кожи. Крупный, словно гора, бородатый, с заметной сединой в волосах, он кивнул на Марину.

– Значит, это она. Леди Гамильтон? Дочка профессора?

Под пристальным взглядом незнакомца, что рассматривал её, будто диковинную зверушку, Марине стало неуютно. Она вся подобралась и гордо ответила:

– Да! Мой отец создал этот мир и погиб из-за него. О, если бы он увидел, чем всё закончилось.

– Не исключено, что всё ещё можно исправить, – сказал бородач, усаживаясь на деревянный табурет напротив Марины. – Мы нашли тебя, а значит, градиенты вероятности не соврали, и нельзя утверждать, что твой отец жил и погиб напрасно. Можешь звать меня дядя Иван.

– Очень приятно. Кто, вы сказали, не соврал?

– Ярослава тебе совсем ничего не объясняла?

– Н-нет, только обмолвилась в самом конце, что однажды меня спасут Дворники, или что-то в таком духе.

– Ярослава, похоже, вообще не узнала в ней Дворника, – вмешалась в разговор Аниша. – Во всяком случае, она не попыталась с нами связаться и рассказать о Марине. А мы… ну ты знаешь.

– Не каждый потенциальный Дворник распознает второго такого же – потенциального.

– Говорил я: надо инициировать Яру, – возмутился Константин.

Дядя Иван фыркнул.

– Инициируй её, ага. Чтобы она сразу же сдала нас своему Руслану ненаглядному. Может, именно этого и выжидала. Сами говорили, что она сидела на двух стульях.

– Она любила, – тихо сказала Аниша.

Бородатый презрительно повёл бровью.

– Дядя Иван, ты её совсем не знал, – добавил Константин.

– Так она и правда… погибла? – робко спросила Марина.

Константин кивнул.

– Мы опоздали. Когда поняли, что тебя нет в пределах бывшего Наукограда, стали опрашивать информаторов в посёлках. А это не так-то просто: в любой миг мы к ним заявиться не можем. В общем, до Ярославы поздно добрались. Мерзавец застрелил её в саду. И там же в ячейке обнаружили твой след. И красный вектор – сигнал об угрожающей тебе опасности. Бросились вдогонку, еле успели.

– Да, – буркнул дядя Иван. – О том, что Либертию ликвидируют, она нам тоже не сообщила. Ладно, пойду посмотрю, что изменилось там благодаря нашей находке.

Он многозначительно посмотрел на Марину, встал и вышел. Аниша с Константином пошли за ним.

– Где изменилось? – крикнула им вслед «находка». – Из-за меня? И что значит – «ликвидируют Либертию»?

Но ей никто не ответил.

Ярославу решили похоронить как Дворника. Никто не возражал, даже дядя Иван. Он вообще куда-то пропал.

– Ты когда-нибудь видела радугу, в которую уходят Дворники? – спросил Константин. – Она совсем не похожа на те, что мы убираем. Необычайно прекрасна и чиста.

Константин стоял у самой кромки воды и смотрел вдаль, туда, где неторопливый океан сливался с небом. Плащ парня – сегодня не зелёный, а иссиня-чёрный, бархатный – развевался на ветру. За его спиной тропинка уводила к базе Дворников.

Удивительный это был городок – пещерный. Десятки маленьких домиков, отлично обустроенных изнутри, спрятаны под землёй и окружены термальными источниками, благодаря которым в Спирари тепло и зелено, кусты и деревья растут на «крышах», ещё сильнее маскируя жилища Дворников. Вернее, – объяснил Марине Константин, – раньше маскировали, первые тридцать шесть лет. А на тридцать седьмом молодое поколение Дворников сделало рывок в работе с физическим вакуумом. Именно тогда начались перемещения не только в пространстве, но и во времени. И тогда же над Спирари возвели барьер – невидимый, неощутимый, действующий исключительно на уровне психики. Пройти сквозь него под силу лишь Дворникам, остальные не могут даже приблизиться к их секретной базе. Однако пещерные домики всё равно сохранились: на барьер надейся, но и сам не плошай.

– Ты хоть радуги-то видела? – спросил Дворник, выводя из раздумий.

Марина хотела ответить что-то о дождях и прочих природных явлениях, но прикусила язык. Понимала: не о том Костя спрашивает. Так же, как и Яра, задавая вопрос о Дворниках, имела в виду вовсе не подметальщиков улиц.

– Не знаю, о чём ты… – осторожно начала она. – И всё же кое-что понимаю. Я видела грязь вокруг некоторых людей. Не обычную, а такую, что словно из самой души идёт. Как туман окутывает человека. Вы ведь именно её и чистите, да? Её называете радугой?

– Если вкратце, то да. Постепенно ты всё узнаешь. А сейчас нам пора. – Он кивнул, указывая за её спину.

Марина обернулась и увидела похоронную процессию.

Группа взрослых, несколько подростков шли полукругом. Впереди четверо мужчин несли широкие носилки, на которых лежала Ярослава. Белая туника, нежно-кремовые розы вместо простыни и зелёный вьюнок, что оплёл тело, руки и лёг короной на чело. Миндалеглазая брюнетка казалась заснувшей нимфой.

Дворники опустили носилки на мягкую весеннюю траву, стали вокруг них, скрестили мётлы над головами. Марина наблюдала со стороны. И вдруг увидела. С кончиков мётел заструился аквамариновый свет. Сначала совсем слабый, словно мерцающая ниточка, затем – всё сильнее, ярче, и вот уже на землю стекают изумрудные ленты света. А затем – мгновенная вспышка. Пожар, в котором смешались все оттенки зелёного, скрыл на долгую минуту и Дворников, и носилки с Ярославой, а потом так же стремительно исчез. И ложе опустело. Лишь вьюнок остался да одна роза. Бутон нераскрывшийся.

Ярослава ушла в Пустоту навеки.

Дворники опустили мётлы, склонили головы. Марина тоже слегка поклонилась и вдруг услышала музыку. Будто зазвенели сотни серебряных колокольчиков и вплёлся в их пение нежный женский голос. Марина осторожно глянула на Дворников. Они беззвучно подпевали. Никто не плакал. То ли потому, что мало знали Ярославу, то ли оттого, что здесь не принято лить слёзы.

Спустя несколько минут музыка стихла, и Дворники разорвали круг. Кто-то сразу ушёл домой, кто-то ещё стоял неподвижно у носилок с одиноким кремовым бутоном.

Дядя Иван на похоронах не был. Вернее, поспел как раз к концу церемонии. И вовсе не потому, что не любил Ярославу и никогда ей не верил. Просто нашлось у него дело поважнее. Очень уж обрадовались сестричка с братиком – Аниша с Костиком – своей находке. Ещё бы! Столько искали ключ к спасению, и вот он – в их руках. Юнцы! Не то чтобы сам Иван не верил в удачу, но он предпочитал убедиться во всём лично. А потому сразу после знакомства с Мариной отправился в путь, на шестьдесят лет вперёд. Не раз и не два ныряли они в будущее проверить, есть толк от их чисток? И всякий раз видели одну и ту же картину – Совет играет в экспериментальные посёлки, Дворники прячутся в Спирари и упорно метут за «светлыми строителями» грязь.

Андрей – отчаянный безумец – верил в другой путь. Пожалуй, единственный, кто воспринял всерьёз старые записи Сэлы, основательницы города Надежды. Она, конечно, была великой и мудрой женщиной, но… мало ли что кому привидится?

Впрочем, как минимум в одном Андрей оказался прав: дочка Гамильтона выжила. А станет ли она ключом к спасению…

– Дядя Иван! – Костик подкрался незаметно, заставив вздрогнуть. – Ты вернулся! И как там? Что увидел? Есть изменения?

Дворник медленно кивнул.

Перед глазами у него встали полузасыпанные, поросшие травой и кустарниками входы в пещеры, сломанные табуреты, заброшенная посуда, сгнившие кровати, холодный ветер в когда-то жилых стенах и выводок волчат на старом шерстяном пледе.

– Давай же, не тяни. – Костик аж подпрыгивал на месте. – Что изменилось?

– Посёлки, – дядя Иван прокашлялся, горло вдруг охрипло, – посёлки экспериментальные на месте. Потомки Лорда продолжают играть в богов. Только Спирари… Его нет. Совсем нет, разрушен до основания. И следов Дворников в том мире я не обнаружил. Сутки искал. Нет там нашего брата.

Костик спал с лица. Кажется, он даже дышать перестал.

– Но как же так. Марина… Мы зря её искали? Всё напрасно?

– Может, и не всё. Мы нашли ключ, но не подумали, что к нему необходим ещё и замок. Вот что, – Дворник достал из походной сумки тонкую металлическую пластину, – дай-ка ей это. Вдруг сама подскажет, для чего она здесь?

Марина с Костей прогулялись немного у самой кромки воды, затем свернули к базе Дворников. Константин шёл молча. Обычно улыбчивый, сейчас беспрерывно хмурился, морщил лоб. И бледный какой-то. Переживает из-за Ярославы? Марина уже выяснила, что парню семнадцать лет, а его сестре Анише двадцать семь. Но внешне оба выглядели года на двадцать четыре – двадцать пять. И Костя вовсе не был похож на семнадцатилетних детей, которых она встречала в Коке и Наукограде.

Тропинка вывела их прочь от базы, к длинным полуразрушенным строениям, за которыми начинался пустырь, поросший красноватой травой.

– Мои друзья не любят это место, слишком от него веет погибшей цивилизацией. А мне нравится приходить сюда, напомнить самому себе простую истину – ничто не вечно.

Марина кивнула.

– Это ведь Нуук, верно? Город Доброй Надежды?

– Да. Сэла дала ему новое имя. Сэла вообще многое дала нам, Дворникам. Потрясающая была женщина.

Марина едва заметно поморщилась. Помнила она, что с этой «потрясающей» остался её сын.

– Знаю, вас кое-что связывало, – словно прочитав мысли,

сказал Костя. – И, думаю, ты должна это увидеть.

Он протянул ей серую, потёртую от времени металлическую пластину с двумя проводками по бокам. Марина покрутила её в руках.

– Было у меня когда-то нечто подобное. Неужели это…

– Гипнодневник Сэлы Фристэн. Ты должна знать нашу историю.

Дневник Сэлы

«…Резкий запах ударил в нос. Сэла не удержалась, чихнула, открыла глаза.

– Очнулась, слава богу. – Ксения убрала флакончик от лица подруги.

– Это я виноват, – признал Давид. – Очень натурально падение имитировал. Прошу извинить, но иначе нельзя было.

Сэла огляделась. Она по-прежнему сидела в кресле трансформа. Рядом, за штурвалом – Давид, рука аккуратно забинтована. Позади – смущённый Алекс вытирает салфеткой какие-то подозрительные пятна со штанин.

– Если здесь всё в порядке, пойду взгляну, как Рой и дети себя чувствуют – Полёва застегнула сумку с походной аптечкой, повернулась к пассажирскому салону.

– Готов спорить: они даже не заметили моего кульбита, – бросил вдогонку Борн. – У них там гироскопы с противоперегрузочной системой. Машинка очень умно сконструирована.

– Я так испугалась, – вздохнула Сэла. – Первый раз в жизни в обморок брякнулась. Когда всё вокруг кувырком полетело, а потом – волны в лицо, уже решила…

И запнулась. За иллюминаторами трансформа клубилась зеленоватая муть. Лучи прожекторов пробивали её едва на десяток метров.

– А мы где? Нас всё-таки сбили?!

– Можно и так сказать, – кивнул Давид. – Во всяком случае, надеюсь, что в Наукограде поверили в нашу гибель. Я специально в сторону моря полетел. Над полуостровом в два счёта бы перехватили. У нас ведь никакого вооружения на борту, а у ловцов и ракеты, и крупнокалиберные пулемёты на трансформах установлены. Единственный шанс – что нас сразу после взлёта «собьют». Эта птичка ведь не только летает, но и ныряет отменно.

– В нас не попали?

– Чуть-чуть. Дырки в крыле трансформу нестрашны. Главное,

в магнитогенератор Корсан промазал, и в пассажирский салон, хоть стрелок он первоклассный. А на то, что у него обойма для ночной стрельбы заряжена, я даже не рассчитывал. Повезло. Красиво упасть получилось.

Сэла улыбнулась. Она-то знала: дело не в везении. Огней услышал её беззвучный ответ: «Люблю. И всегда буду любить!» Нет, не напрасно она боролась за него, верила, чистила грязь. Огней нашёл тот единственный шаг навстречу, который ещё оставался. И решился его сделать. Ради неё. Ради сына. Ради всех.

– А ещё больше нам повезло, что Николай подоспел, – продолжал рассуждать Давид. – Иначе его братец нас бы не выпустил. И главное, ты так ловко придумала отвлечь Корсана. А я сплоховал, реакции не хватило. Только хуже сделал. Положил бы он нас всех за милую душу, как обдолбов во время зачистки.

Сэла удивлённо повернулась к пилоту.

– Я отвлекала Огнея? Когда?

– Как же? Ты на стену смотрела так, словно там чучело Мартина Брута висит.

Томински хихикнул из-за спины.

– Я не на стену… – Сэла запнулась.

Как объяснить видение, возникшее перед глазами всего на минуту? Лазорево-синий вектор горел над первым лабораторным корпусом, над крылом, где располагались квантовые физики. Он был настолько ярким и огромным, что просвечивал сквозь стену ангара. И глубоко-глубоко в его синеве мерцала картина.

Она видела Кок. Но совсем не таким, каким знала мегаполис. На месте бетонных лабиринтов – уютные домики, разбросанные между деревьями, будто разноцветные валуны. Прозрачные башенки тянутся к небу золотистыми шпилями. Между ними – едва заметные в высокой траве тропинки, посыпанные мягким песком. Бесшумные, чистые, круглые и плоские, как блюдца, машины скользят над травой. Другие – огромные, похожие на китов – плывут под самыми облаками. А ещё выше – невидимый купол, окутывающий планету, защищающий от любой опасности. Всех людей.

В центре картины стояла оплетённая вьюнком беседка. Колокольчики на стеблях светились, словно сотня крошечных фонариков, источали еле уловимый пряный аромат. К беседке спешили двое – прямиком по траве, босые. Статная синеглазая девушка в правой руке сжимала рукоять метёлки, а левой тянула за собой темноволосого юношу с детским взглядом карих глаз и с книгой под мышкой. На ней был лёгкий бирюзовый сарафан, на нём – светлые брюки и рубашка. Девушка улыбалась счастливо, слушая, как её спутник декламирует:

В огромном городе моем – ночь.
Из дома сонного иду – прочь.
И люди думают: жена, дочь, —
А я запомнила одно: ночь.

Сэла не могла рассказать об этом друзьям, она сама не понимала, что увидела. Неслучившуюся реальность? Неужели и такое настоящее было возможно?! Что и когда следовало изменить в человеческой истории, чтобы оно наступило? И кто мог её изменить?…»

Марина сняла с висков датчики – крохотные присоски, щупальца гипнодневника, что висят по его бокам и противно щекочут каждый раз, когда подключаешься к чьим-то воспоминаниям. Или отключаешься от них. Сейчас к щекотке добавился ещё и приступ тошноты.

В видении Сэлы Марина узнала и себя, и Дина. Сомнения не было: этот брюнет в белом – её возлюбленный, отец её ребёнка, хотя и сам на себя не похожий. Не хромает, не сутулится, не пахнет трёхдневным потом. В общем, выглядит именно таким, каким Марина его всегда и видела. Вот только откуда Сэле знать об их с Дином любви? Если от Огнея, то в видении был бы не красавец мужчина, а обдолб, помноженный на десять. А может, Фристэн так себе представляла отца ребёнка, которому назвалась матерью?

Эх, Сэла, Сэла, сероглазая бестия. Пролезла в Наукоград перед самой катастрофой, женила на себе Огнея – Огнея! Чистоплюя, который внешнемировцев и за людей не считал! – да ещё и стала матерью для её сына. А она в это время сидела в клетке, словно обезьяна. Теперь сомнений не осталось: она всё увидела глазами Сэлы, полночи просидела, изучая потерянные полтора года. Именно сероглазая спасла жизнь её будущему ребёнку, догадавшись, что плод подключён к ноосфере. Марина понимала, что ей нужно благодарить Сэлу, но вместо этого ещё сильней прорезалась обида – из-за утраченной жизни. Это она, Марина Гамильтон, должна была жить в Наукограде, растить сына и бок о бок с отцом искать выход из мировой катастрофы. Она, а не приблуда из внешнего мира.

Несмотря на поздний час, спать не хотелось. Чтобы отвлечься от дурных мыслей, Марина принялась рассматривать жильё. Комнатку Аниша с Костей ей выделили небольшую, но уютную. Потолок и стены замазаны светлой глиной, слева от входа стоит маленькая софа с пухлым матрацем, набитым соломой, напротив

– столик с зеркалом, над ним – горшок с вьюнком, чьи ветви расползлись по всей комнате. Пол выложен берёзовыми досками, из них же сделана лесенка, которая, поднимаясь, выводила в причудливый изогнутый коридор, тот, в свою очередь, разветвлялся на комнаты.

Марина взяла плед и на цыпочках, чтобы не потревожить спящих хозяев, вышла на улицу. У порога рос можжевельник, рядом стояла скамеечка. На ней-то Марина и умостилась: закуталась в колючее покрывало, прислонилась к стене пещеры, вдохнула поглубже запах хвои.

Ночь в Спирари была странная, будто и не ночь вовсе. Солнце давно опустилось за горизонт, но темнота не наступала. Вместо звёзд над головой – застывшие тёмно-синие облака на холодном голубом небе. И в то же время – тишина, покой, умиротворённость, какие бывают лишь в предрассветный час. Словно вслед за вечерними сумерками сразу же должно начаться утро… Только никак не начнётся. Мир вокруг замер и ждёт чего-то… Кого-то? Белые ночи – вспомнился уже сквозь дрёму урок географии в наукоградской гимназии. Как давно это было…

Долго спать ей не дали.

Марина зевнула и удивлённо уставилась на Анишу, Костю, дядю Ивана и ещё шестерых Дворников. Все они кутались в плащи и сжимали в руках мётлы.

Бородач сосредоточенно посмотрел на заспанную Марину.

– Сегодня начнём инициацию. Пора тебе увидеть настоящую радугу.

– Накинь это. – Костя протянул ей плащ василькового цвета. – Подходит к твоим глазам.

За его спиной неодобрительно фыркнул дядя Иван.

– Куда мы идём? – спросила Марина, принимая подарок.

– В Либертию. Вернее, в то, что от неё осталось.

– Но ещё ночь.

– А в Либертии – раннее утро. Возьми меня за руку.

Взмах метлой, уже привычная разноцветная вспышка перед глазами, лёгкое головокружение. И они оказались на площади с треугольными столбами.

– Нас точно не ждут? – спросила Аниша.

– Разведчик сказал: всё чисто. Вы, четверо, проверьте дома, остальные, – на поляну Удовольствий, – скомандовал дядя Иван и повернулся к Марине. – Слышала о такой?

Она кивнула неуверенно. Ярослава рассказывала что-то о состязаниях в искусстве любви. Но сейчас и думать об этом казалось неуместным. Сегодня посёлок выглядел не странным и смешным – жутким.

Либертия опустела. Безмолвные дома, улицы словно вымерли. Конечно, пустоту города можно объяснить ранним утром… вот только ощущение тревоги не давало покоя. Да ещё чёрное пятно на крыльце поселковой больницы: откуда оно взялось? Когда они с Ярославой приводили сюда незадачливого поэта, ничего подобного не было. Марина то и дело оглядывалась, пока и пятно, и саму больницу не скрыл подступавший к посёлку лес.

Идти пришлось недалеко. Несколько минут – и дядя Иван вывел их к просторной поляне, окружённой высокими деревьями.

– Взрослых почти всех здесь убили, – шепнул Костя. – Деактивировали. Они даже не поняли, что умирают. Тела увезли в крематорий, траву проозонировали, но от настоящей грязи разве это избавит?

И в самом деле, поляну, на первый взгляд зелёную и пригожую, чуть ли не сплошь заливала чёрная маслянистая лужа.

– За что их? – спросила Марина, чувствуя, как начинает дрожать от ужаса.

Вспомнилась барышня в полосато-зелёном платье, – как её звали, Пэтти, кажется? – разбитое зеркало. Вот и не верь приметам после этого.

– Ни за что. Совету кураторов надоела игрушка. Эту сломали, новую смастерят. Знаешь, скольких они уже деактивировали?

Совет кураторов?! Марина не верила своим ушам. В Совет избирали самых уважаемых людей Наукограда, её отец много лет заседал в нём… Правда, во главе стоял Мартин Брут.

Брюнетка с большими тёмными глазами подошла к ней, протянула метлу:

– Держи. Подружитесь с ней – твоя будет.

Марина открыла рот, чтобы засыпать Костю вопросами, но тут рядом с ними возник дядя Иван:

– Пошли со мной. Начнём с простого участка. Остальные, занялись поляной.

Взял Марину под руку и повёл в сторону, к большому дубу.

– Инициированным считается тот Дворник, что очистил самостоятельно хотя бы одну ячейку. Видишь кляксу? Похоже, здесь кого-то убили. В смысле, одного всего человека. То ли убегал, то ли просто от группы отбился… Сейчас посмотрим.

Он провёл метлой по земле, подцепил чёрную жижу кончиками серебряных прутьев, осторожно завертел её, наматывая, точно сахарную вату. Под чернотой открылся яркий калейдоскоп. Лужа переливалась всеми цветами радуги, а та словно состояла из миллиардов капель, которые мерцали, создавали единую картину, но не сливались в одно целое. Нечто

подобное Марина видела на мониторах квантеров в отцовской лаборатории, когда наблюдала большое скопление людей в одном месте. Только там все точки были синие, а здесь – разноцветные.

– Дневник Сэлы внимательно смотрела? – спросил дядя Иван. – Я вскрыл ячейку. Твоя задача – вычистить её. Пока она заполнена очень плохой информацией – убийством. Задача Дворника – заменить её на светлую или хотя бы нейтральную.

– Дневник я ещё не весь… То есть заменить на светлую информацию? На хорошее воспоминание?

Бородач кивнул.

– Надеюсь, у тебя таковое имеется.

Марина задумалась. Вспомнила Дина. И свою радость, когда узнала, что беременна.

– Имеется, – сказала она бородачу. – Я готова.

Дядя Иван взялся за черенок Марининой метлы, опустил её в середину мерцающей радуги, подцепил теперь уже разноцветную жижу. И отошёл. А Марина увидела…

– Да! Она странная. Ведёт себя как дикарка. Но Руслана, видимо, такие возбуждают.

На равнодушном лице мужчины вдруг проснулся интерес.

– Появилась из ниоткуда… – пробормотал он. – И он с ней уехал?

– Ну да! Я же талдычу тебе об этом уже полчаса!

Мужчина покосился на часы. Его губы растянулись в холодной улыбке.

– Что ж… Тебя как зовут?

– Алиния.

– Что ж, Алиния. Спасибо за ценную информацию. А теперь посмотри туда.

– А что там тако-о-о…

Крохотная иголка вонзилась девушке в шею. Резкая боль прожгла всё тело. Алиния охнула от изумления: «Как? За что? Она же хотела помочь?» Девушка осела на землю, не в силах пошевелить ни рукой, ни ногой, ни даже пискнуть. Она лишь беспомощно хлопала ресницами, а её убийца равнодушно взирал сверху вниз. Затем отвернулся, включил виз и сообщил кому-то, что у него есть важная информация о Руслане.

И в глазах Алинии всё померкло.

Вот почему за Русланом послали погоню! Алиния наябедничала. И поделом ей. Хотя она вертлявой даже благодарна: Руслашка тоже получил по заслугам. Интересно, что с ним этот самый главный сделает? Если ещё не сделал…

– Нет, нет, нет! – Дядя Иван схватил её за руку, останавливая.

Марина и не заметила, что всё это время отчаянно месила ячейку, превратив маленькую лужу в пышный радужный фонтан.

– Ты не должна упиваться местью. И радоваться чьей-либо смерти нельзя. Это, наоборот, раздует зло, которого здесь и так предостаточно.

– Я… – пролепетала Марина. – Простите, я нечаянно. Я не знала, не хотела. Оно само полезло!

Она посмотрела дяде Ивану в лицо и быстро отвела взгляд, испугавшись собственных мыслей и чувств. С чего она вдруг так обрадовалась гибели Алинии? Да и Руслана – тоже. Каким бы ни был человек, разве можно плясать у него на костях? Её сюда привели гадость чистить, а она…

Марина опустила голову.

– Ничего, – уже мягче сказал бородач. – Первый раз мало у кого получается. Ячейки пробуждают в нас самые плохие чувства: гнев, обиду, раздражение, ярость. Работая с информацией архива, мы как бы пропускаем его сквозь себя. Поэтому Дворнику очень важно сохранять спокойствие. И, что бы он ни увидел в радуге, уметь отстраняться от случившегося, быть выше его. Лучше и чище быть. Лишь так справишься с грязью. Пробуй ещё раз.

Марина сжала метлу. Подцепила на прутья радужную субстанцию. Значит, говорите, предательство и убийство? Но есть ведь ещё и… и доброта, и любовь. Перед глазами встал сын – маленький Виктор, который мог бы и не родиться, если бы не догадка Сэлы. Как Марина обрадовалась, увидев родного малыша – пусть не наяву, в чужих воспоминаниях, но всё же. Как застучало её сердце, когда новорождённый мальчонка заворочался в огромных ручищах Огнея. А каким очаровательным он был в жёлтой шапочке, подарке названого отца. Словно цыплёнок. И к лучшему, что его увезли из Наукограда. Судя по тому, что в хвалёном «новом мире» творится. Жаль только, что ей так и не довелось взять на руки сына, обнять, прижать к сердцу…

– Уже лучше. – Голос бородача вырвал из воспоминаний. – В конце немного сдала, но для первого раза нормально. Отойди, я здесь сам закончу.

Марина выдохнула, вышла из разноцветной лужи – теперь совсем маленькой, села на землю, сжимая метлу. Тело трясло мелкой дрожью. Перед глазами всё ещё плясали разноцветные пятна.

Она не знала, сколько так просидела, ожидая, пока остальные справятся с задачей. С гораздо более сложной, чем одна-единственная ячейка! Смутно помнила, как вернулась домой. Кажется, Костя с Анишей под руки довели её до кровати, помогли раздеться, уложили. Но сон, несмотря на усталость и слабость, не

шёл. Пролежав без толку около часа, Марина протянула руку к тумбочке у кровати, нащупала пальцами холодный металл. Взяла гипнодневник. Странно, но сейчас она не испытывала неприязни к Сэле. Со времени возвращения из Пустоты она злилась на неё, считая, что Сэла отобрала её ребёнка, но в радуге осознала: если бы не «выскочка», красть было бы некого.

«Быть выше, чище и лучше всего, что увидишь в радуге», – сказал дядя Иван.

«И не только в радуге», – добавила Марина.

И подключила к вискам датчики гипнодневника.

Дневник Сэлы

«…Бежать! Бежать, как можно дальше от Брута, его ловцов и вообще от Светлого Завтра. Эта мысль стучала в висках у каждого члена их маленького экипажа. Они долго думали, где приземлиться, пока наконец не остановились на Гренландии.

– Она безопаснее для жизни, – сказала Полёва. – В последние десятилетия там никто не жил, а значит, не будет дикарей, трупов и инфекции.

– Там не станут искать. С тех пор как ледники начали активно таять, Гренландию избегают даже самые отчаянные любители экстремального отдыха. – Это Рой.

– Она быстро восстановится! – радостно добавил Томински. – Я проводил расчёты. Процесс таяния льдов цикличен. За последние триста лет Гренландские ледники четырнадцать раз начинали подтаивать, а затем снова замерзали. Экологическая катастрофа прошлого века ситуацию усугубила, но природа быстро восстанавливается, и ледники – не исключение. Десять лет – и остров будет как новенький. А рыба должна там водиться и сейчас.

– А ещё там есть фьорд Доброй Надежды, – с улыбкой завершила дискуссию Сэла.

Фьорд Доброй Надежды встретил беглецов пейзажем хмурым и унылым: голая размытая земля, грязные воды Атлантического океана, холодный ветер, полуразрушенные здания.

«И что мы будем делать здесь?» – читалось в глазах у каждого. Первой вопрос озвучила, как ни странно, Сэла.

– К-хм. – Борн прокашлялся. – Пока можем пожить в трансформе. Не слишком удобно, зато тепло и сухо, а в «домашнем режиме» даже душ предусмотрен. Запас пищи на первое время есть – и для нас, и для детей. Да и Алекс нам рыбу

обещал.

– Это всё понятно, – мягко сказала Сэла. – Я спрашивала: что будем делать с брутовским Светлым Завтра? Мы ведь затеяли побег не для того, чтобы спасти свои шкуры и тихо-мирно отсидеться на острове.

– Нет, конечно! – воскликнула Ксения. – Будем чистить ячейки, как прежде. И не только! Алекс, объясни им. Про перемещения.

– Я сам этого не пробовал, потому как не Дворник, – торопливо заговорил Томински, – но вы с вашими способностями можете перемещаться из одной ячейки в другую независимо от их расположения в физическом мире – сквозь квантовый туннель. Больше того! Теоретически вы можете влиять на будущее. В ноосфере нет таких понятий, как время и пространство. Есть «архив пустоты» – кубиты физического вакуума, хранящие информацию о том, что было, что есть, что могло бы случиться. Вы умеете работать с ней, осталось расширить свои возможности.

– Я пробовала, – скромно сказала Ксения. – Перемещалась у нас дома – из комнаты в комнату. Это очень сложно, но если тренироваться, я думаю, получится и на большие расстояния. И даже во времени!

– И тогда мы сможем вернуться, например, к началу Эксперимента и предотвратить его!

– Заманчиво, – улыбнулась Сэла. – А сейчас давайте посмотрим, куда мы привезли наших детей.

На прогулку по окрестностям вышла вся маленькая команда, кроме ещё не оправившегося Виена – он остался с детьми. Виктора Сэла взяла с собой. Малыш восторженно смотрел по сторонам, не замечая ни разрухи, ни серости. Казалось, он за стылой пустотой разглядел что-то своё.

Ни один из полуразрушенных домов для жизни не годился. Но использовать их, как материал для разных бытовых нужд вполне возможно. Трупов, к счастью, здесь действительно не было. Алекс вызвался смастерить плот из груды брёвен, найденной среди прочего хлама в длинном и узком строении, и отправиться на рыбалку. На удилища годились тоненькие деревца, что росли повсюду, да и с бечёвкой для лески, крючками, грузилами, прочими рыбацкими премудростями заминок не предвиделось.

Виктор по-прежнему радостно рассматривал всё вокруг, но теперь к восхищённому взгляду добавилось агуканье, к тому же малыш постоянно размахивал руками, словно пытался что-то показать. Сэла крепче прижала к себе сына и увидела… Сначала

привычную синюю стрелку, а потом зелёную поляну, заросли можжевельника и пещеру – с массивной деревянной дверью, с обложенной кирпичом фронтальной стеной, в общем, с вполне обустроенным входом. Внутри – Сэла в этом не сомневалась – пещера жилая.

Сэла моргнула – видение исчезло. Но осталось кое-что другое. За горой мусора и грязи чётко просматривался вход в подземелье. Как они его не заметили – несколько же раз проходили мимо, Сэла не знала. Но зато была уверена: эта пещера станет её домом! И здесь есть и другие, такие же. И они непременно окажутся пригодными для жизни. Вектор не ошибается!

– Мы обустроим их, – завороженно пробормотала она. – У нас будет целый подземный город. Никто нас не найдёт.

Друзья удивлённо смотрели на Сэлу, всё ещё не понимая, не видя такого замечательного решения.

– Мы назовём наш город Спирари! – почти выкрикнула Сэла. – Это латынь, древний язык. Дословно переводится как «надеяться», а в некоторых случаях использовалось в значении «надежда». И знаете, что я ещё подумала? Нам надо начать вести перепись населения. Сегодня же. Записать всех нас как первых поселенцев Спирари.

Друзья не возражали. Вернувшись на корабль, Сэла достала из рюкзачка толстую тетрадь – самую обычную, без гипноэффектов – и вписала имена всех присутствующих взрослых, а затем и детей. Некоторым малышам имена пришлось выдумывать на ходу. Своего сына Сэла записала первым.

Виктор Аниш Огней Корсан.…»

Марина отложила дневник и выглянула в окно – там было всё так же светло. Если солнца не видно, то не сразу и угадаешь, какое время суток. Разве что по теням от тех тростинок, что в Спирари величают «деревьями». Днём они короче, утром и вечером – длиннее, ночью, естественно, их нет. Сейчас тени сообщали, что солнце повернулось к западу и начало вечереть. Задремала всё-таки с дневником под мышкой и датчиками на висках. Ей снилась Сэла, которая разговаривала с диковинными животными. А может, это был не сон, а кусок воспоминаний? Она уже ничему не удивится.

Впрочем, нет, – изумилась она в который раз поступкам Сэлы. Марина избегала Огнея, потому что чувствовала его грязь, муть на душе, способную испачкать всё, к чему прикоснётся. Знала, что Корсан-младший в неё влюблён, но себе даже думать о нём запрещала как о кавалере. Если бы не способность замечать

незримую гадость, возможно, и ответила бы взаимностью…

Сэла тоже прекрасно видела Огнееву грязь, но не бежала от неё, а вступила в бой за любимого мужчину. День за днём чистила Корсаново болото, отыскивала крохи света в его душе. И ведь ему и правда рядом с ней легче становилось.

Смогла бы так Марина? Ответа не было. Она отчаянно спасала Дина, но почему-то ей ни разу не пришло в голову, что помочь можно и Огнею.

Марина встала с постели, умылась – под лесенкой обнаружилось ведро с холодной водой, – оделась, набросила подаренный плащ. Обуваться не стала, так босиком и вышла на улицу. Вокруг горели костры, слышались голоса, смех, пение. Марина подошла к ближайшей компании и, к своему удовольствию, увидела Костю, Анишу, дядю Ивана и Риту, что подарила ей метлу. Константин играл на струнном инструменте, напоминающем гитару, Рита пела что-то о любви и холодном небе, Аниша смотрела на огонь. Ещё двое незнакомых парней жарили на костре мясо. Из темноты вдруг вышел огромный белый пёс, рыкнув, подошёл к рыжей. Та потрепала его по загривку, протянула гостю кусок сырого мяса. Пёс съел угощение, растянулся у огня, положив на лапы морду.

– Какая большая собака, – восхитилась Марина. – Размером с волка.

– Это и есть волк, – небрежно ответила Аниша. – Полярный.

– Волк? Волк?!!

Марина, готовая погладить «пёсика», отпрянула, а хищник поднял голову и уставился на неё как на досадное недоразумение. Потом сел и тихо зарычал. Аниша обняла зверя за лохматую шею и что-то прошептала на ухо. Волк затих, ткнулся в рыжую мордой, а затем встал и потрусил в темноту.

– Он что, ручной? – спросила Марина, приходя в себя.

– Как тебе сказать… Я вот общаюсь с тобой – ты ручная?

– Неудачное сравнение, по-моему.

Аниша усмехнулась.

– Алекс Томински считал, что человеку для взаимодействия с физическим вакуумом вовсе не нужны квантовые компьютеры. И оказался прав, только он не представлял, сколько возможностей даёт такое взаимодействие. На тонком информационном уровне нет разницы между языком людей и зверей, понимаешь?

– Не совсем.

– Ничего. Ты научишься чувствовать животных и вообще природу. Но для начала тебе необходимо с самой собой договориться. Пойдём.

Она поднялась на ноги, протянула руку. Сегодня на ней был

красный плащ, подбитый мехом. Ветер трепал огненные волосы, делая Дворничку похожей на древнюю валькирию. Разве можно за ней не последовать? Марина встала.

Аниша, не говоря ни слова, развернулась и пошла прочь. Марина поспешила следом.

Дядя Иван смотрел вслед двум женщинам. Затем повернулся к Константину.

– Ничего она тебе не говорила?

Юный Дворник качнул головой.

– Нет. Напротив, сама у меня спрашивала: для чего она здесь?

Бородач хмыкнул.

– Не верил я никогда в это Сэлино видение. Мало ли что привидится с перепугу, когда на тебя автомат наставили. Эх, зря Андрюха сгинул.

– Не торопись, дядя Иван. – Костик подвинулся поближе, стиснул плечо наставника. – Давайте дадим Марине время. Может, она ещё себя проявит. Или вспомнит что-то. Она же справилась в Либертии… Хоть и не сразу.

– Инициацию не прошла пока, – буркнул дядя Иван. – Ладно, пускай Аниша над ней поработает, а там посмотрим.

Они подошли к дому, Аниша взяла метлу, провела Марину в конец извилистого коридора, спустилась в маленькую комнату, скорее даже нишу в стене, в которой помещался один лишь круглый диван. Да ещё неизменные вазоны с разными цветами расставлены вдоль округлых стен.

– Ложись, – сказала Аниша тоном строгого врача.

Марина едва сдержалась, чтобы не спросить, надо ли раздеваться. Вместо этого просто сбросила плащ и удобно умостилась на диване. Рыжая достала из метлы серебряный прутик.

– Закрой глаза, – сказала. – То, что произошло с тобой на руинах Либертии, не должно повториться. Иначе инициацию ты никогда не пройдёшь. Для Дворника недопустимо носить в себе плохие эмоции и уж тем более выплёскивать их наружу. Однако случившееся неудивительно, учитывая, сколько всего ты пережила. Поэтому я хочу тебе немного помочь.

Марина не увидела, но почувствовала, как заскользил прут вдоль её тела. И заструился с его кончика нежно-изумрудный свет. Было щекотно и приятно. Иногда вспыхивало алым, и тогда становилось больно – не физически, душу словно в узел скручивало. И мелькало перед глазами: обезьянья клетка, её ладони, измазанные мякотью банана, Мартин Брут с пистолетом, измождённый отец, такой радостный, а через секунду – мёртвый;

Руслан, глядящий на неё как азартный игрок на пешку, убитая Ярослава, родной сын на руках у чужой женщины. Вспышка, вспышка, вспышка… От гнева, обиды, страха и отчаяния хочется кричать, но в следующий миг боль отступает и становится очень легко. Ощущение такое, будто долго ходил побитый и грязный и наконец окунулся с головой в чистую, кристальную воду. Целебную.

Так вот что делала Сэла с Огнеем!

– Лучше стало?

Марина открыла глаза Аниша стояла перед ней и смотрела непривычно ласково. Так обычно Костя глядел – приветливо, с лёгкой улыбкой, но не его сестра. Плащ Аниши казался ещё ярче, чем на улице, да и вообще все цвета вокруг стали насыщенней. И это несмотря на полумрак в комнате. Марина вдохнула полной грудью и кивнула в ответ на вопрос.

Дневник Сэлы

«… – Нет, я могу понять, почему ты дала ребёнку имя деда. Я очень жалею, что не довелось с твоим опекуном познакомиться. Но объясни, зачем присобачила туда имя этого подлеца Огнея? – Давид Борн негодовал уже полчаса.

Сэла лишь загадочно улыбалась в ответ и предлагала оставить пустые разговоры и заняться делами. А их было невпроворот. Необходимо обустраивать жильё, искать пищу, одежду, заниматься двумя дюжинами детишек, не считая Виктора Аниша Огнея Корсана, плюс экспериментировать с ноосферой, изучать и развивать способности Дворников.

Давид предлагал взять трансформ и слетать за стройматериалами в какой-нибудь мегаполис. Сэла считала, что это слишком опасно, «хамелеон» могут засечь в Наукограде, и делала ставку на теорию Томински и Полёвой. Ведь если они и правда сумеют ходить сквозь пространство, то риск быть замеченными снизится в разы. Молодожёны тем временем вернулись из морской прогулки с добычей – двумя плоскими палтусами. Не слишком крупными, но для первого раза сгодится. Алекс светился от гордости, хвастаясь опытом рыбака.

– Отец меня учил в детстве. Мы с ним выезжали на озеро. Одно из немногих, где ещё водилась какая-то живность. А папу все чудаком считали: с какого перепугу тратить время на ловлю рыбы, когда её даже есть нельзя. А я, оказывается, не забыл отцовскую науку. Не одними же сухими завтраками давиться!

– Молодец, Алекс. – Сэла похлопала его по плечу. – И раз уж

ты добыл нам обед, сам его и приготовь. Ксения, а ты мне нужна. Говоришь, у тебя получалось перемещаться по комнате? Проведи нам мастер-класс.

Провести оказалось сложнее, чем сказать.

Сцепить две ячейки одним квантовым тоннелем, сделать шаг… А если в небытие провалишься? Как Журавский.

Сэла шагнула в ячейку и рухнула Ксении под ноги. Второй раз зависла на несколько секунд в пустоте. И наконец, удалось… сделать один шаг. И возникнуть выжатой донельзя за спиной у подруги.

– Сил, однако, это забирает немало, – пробормотала бывший куратор Улья.

– Я знаю. – Полёва обняла её. – Я первый раз, когда из кухни в коридор телепортировалась, думала, вообще на ноги никогда не встану. С трудом представляю, как можно перемещаться на большие расстояния. Но я уверена: однажды у нас получится. Или пусть не у нас, а у наших детей или внуков – но выйдет обязательно! «Ноо» – не враг нам, что бы там ни говорил Мартин Брут.

«Не враг, – мысленно повторила Сэла. – Не вра-а-аг…»

А вслух сказала:

– Да, к слову о детях. Сейчас мы должны всё свободное время и силы посвящать им. Тренировки, раз уж они такие изнурительные, придётся отложить.

– Иногда я думаю, чего оно от нас хочет? – Уставшая Сэла подошла к дымящемуся костру и колдующему над рыбой Алексу.

Остальные подтянулись за ней.

– В каком смысле? – пробормотал Алекс, не отрываясь от палтуса, который просто непозволительно одуряюще пах.

– Этот ваш «Великий Ноо», или Архив пустоты, или как его ещё назвать.

– Не понимаю вопроса. – Алекс перевернул висящую на деревянном пруте рыбину на другой бок.

– Почему он позволил так бесцеремонно вмешаться в свои процессы? Почему допустил гибель стольких людей, но сохранил Наукоград?

– Насчёт людей – не знаю, чем они ему не угодили, а что до Наукограда… Есть у меня одна теория. На мониторах Гамильтона люди во всех городах отображались в виде синих точек. Иногда их собиралось много в одном месте, и они почти сливались. Почти, да не до конца. Всё равно было чётко видно: это много маленьких точек, а не одна большая. И только Наукоград

светился сплошным ярким пятном. Возможно, «Ноо» не воспринимал наш городок как часть человечества? Считал его неким совершенно новым явлением, своеобразным единым разумом? Потому и не тронул во время эксперимента. Я так думаю. О! Вот и рыба подоспела!..»

Марина поливала помидоры в теплице. Дурацкая, откровенно говоря, затея – наполнить ведёрко, налить лужицу под каждый кустик. Вернуться к колонке, наполнить опустевшее ведро. Об акведуках тут совсем ничего не слышали?

С другой стороны, занятие вполне медитативное, думается под него замечательно. Например, таская воду, хорошо обмозговать теорию Томински. А ведь он, пожалуй, нашёл последний пазл, недостающий в рассуждениях отца. Что там говорил профессор Гамильтон? «Разум – великий дар, и люди не имеют права от него отказываться», «Пока я умею выполнять только одиночные декогеренции». Тогда она не обратила внимания на слова отца, но сейчас очень чётко поняла их смысл. Учёные должны были вывести квантеры из суперпозиции. Что-то случилось, и процесс захватил и людей. Вот только Марина не была декогерирована. Напротив! Она сцепилась с ноосферой намертво, стала частью её. И все остальные люди тоже. Полёва сказала правду: «Ноо» не Враг, как думал Мартин, он не уничтожил человечество, а пытался его защитить.

И про Наукоград Алекс весьма разумно высказался – она и сама не раз наблюдала яркое синее пятно на экране.

Сплошное.

Помидорные кусты закончились, Марина отставила ведро и с наслаждением потянулась. Ближе к вечеру дядя Иван обещал прогулку к радугам. Возможно, сегодня глава их группы разрешит опуститься в прошлое? Больше всего Марине хотелось попробовать спасти отца от Мартина. А ещё сильнее – увидеть сына. Но дядя Иван сказал, что путешествовать во времени трудно и опасно. Никогда невозможно рассчитать, куда именно сместишься, а изменить что-то можно лишь в точках бифуркации, указанных векторами.

– И вообще, слишком долго мы тебя искали, чтобы теперь рисковать, – припечатал дядя Иван.

И отправил помидоры поливать, снова не объяснив, для чего её искали. И чего сейчас все от неё ждут? А ведь ждут же – в воздухе висит это ожидание…

Марина хмыкнула, взяла метлу и пошла к Анише и Косте: они договорились встретиться на побережье. Шла, любуясь пейзажем – карликовые берёзки, кусты голубики, рябиновые

деревца, зелёная трава, синяя вода и белые льдины на ней. Пещерные домики выглядывают из-под зелени. И горы возвышаются над базой Дворников. Сэла была права: у Дворников есть свой город. И какой!

Что-то сверкнуло над горой. Металлический отблеск в лучах вечернего солнца. Трансформ? Откуда он здесь? Дворники никаким транспортом не пользуются. Неужели… Она вгляделась в ясное небо, но больше ничего, кроме редких облачков, не увидела. Показалось, наверное. В самом деле, откуда тут «чайке» взяться? Да и барьер над базой. Костя заверял, что им ничего не угрожает.

Что-то лохматое коснулось ноги, и Марина увидела давешнего «гостя». Белый волчара как ни в чём не бывало трусил по тропинке. Шерсть его, длинная, густая, переливалась на солнце. Зверь бежал, чуть опережая Марину, иногда на неё оглядывался. Марина же отчаянно озиралась в поисках людей. Она-то, в отличие от здешних, высшего просветления ещё не достигла. С животными общаться не может. И что на уме у хищника, понятия не имеет. Хотела даже осторожно сойти с тропы и удрать подобру-поздорову, но тут увидела Анишу с братом.

Волк подскочил к рыжей, уткнулся мордой в её колени, еле слышно рыкнул. Аниша присела, обняла зверя за шею, подняла взгляд на Марину.

– Кларк всегда приходит проводить меня. Беги, дорогой, со мной всё будет в порядке. – Это уже волку.

– Идёмте, дядя Иван ждёт небось, – поторопил Костя.

Судя по всему, он тоже слегка опасался приятеля сестры. Белоснежный хищник дёрнул хвостом и уселся на тропе. Люди пошли прочь.

Путешествие в прошлое опять отложилось. Как и к радугам. Дядя Иван действительно ждал их на берегу. И Рита с двумя парнями, чьи имена Марина не запомнила, были на месте. Они стояли на краю утёса, с которого чаще всего стартовали, бородач ворчал и жаловался на четвёрку опаздывающих.

И вдруг – знакомый металлический блеск в лучах солнца. На этот раз Марина очень чётко увидела «чайку», кружившую над горою.

– Посмотрите, – крикнула она, – посмотрите туда! Вы видите?

Трансформ скрылся за горным склоном, но Дворники всё же успели заметить его.

– Что за напасть? – протянул бородач.

– Там граница барьера, – прошептал Костя.

– И они, похоже, об этом знают.

– Что будем делать, дядя Иван? – Аниша выставила перед собой метлу, будто защищаясь.

– Рита, бери парней и живо в посёлок – объявляй готовность номер один. В первую очередь уводите детей. Константин, Аниша, за мной! Посмотрим, кто к нам пожаловал и зачем. И в случае чего попробуем задержать.

– А я? – воскликнула Марина.

Дядя Иван оглянулся недовольно, посмотрел на неё, будто впервые увидел. И махнул рукой.

– Прячься с детьми в подземелье. Лишняя нянька не помешает.

Марина открыла рот и тут же его закрыла. Вот, значит, как! Совсем бесполезной её считают?

– Идём же, быстрее! – Рита взяла за руку, но Марина вырвалась.

Метнулась к Анише, та стояла спиной и готовилась к переходу – к границе Дворники решили добраться самым кратким и быстрым путём. Аниша открыла туннель, сцепила ячейки и… в последнюю секунду Марина обхватила рыжую за талию. Через миг обе стояли у подножия горы.

– Вы что творите? – накинулся на них дядя Иван. – Аниша, как ты допустила?

– Она внезапно…

– Нужно было остановиться! Верни её назад, быстро!

– Я не верю, что вы столько искали меня, чтобы усадить за детьми присматривать, – выпалила Марина.

– Дядя Иван, и правда, – осторожно сказала рыжая, – может, она нам сейчас пригодится.

– Тихо! – непривычно холодным и властным голосом бросил Константин. – Смотрите.

К ним приближались трое. С автоматами наперевес.

– На ловца – и зверь, – хмуро сказал один, высокий, с длинным орлиным носом и маленькими чёрными глазками. – Не двигайтесь. Стреляем на поражение. Но если ответите на наши вопросы, возможно, оставим вас в живых.

– Уверен, что это те? – спросил его напарник.

– Ещё как. Вон Русланова подружка. Хоть какая-то польза была от Лордова внука – додумался маячок девице вживить.

Марина почувствовала, как земля уходит из-под ног. Она попыталась схватиться за что-то, рядом оказалась лишь рука Аниши. Рыжая крепко сжала её ладонь, подбадривая, и стало немного легче.

– План Б, – тихо сказал дядя Иван, а затем обратился к

пришельцам: – Кто вы такие?

– Вопросы задавать будем мы, – каркнул Орлиный Нос. – Метёлки свои опустите на землю. Медленно.

– После того, как вы опустите туда же свои стрелялки, – мрачно ответил бородач.

– Вы ведь Дворники. Где-то здесь ваша база?

Дядя Иван шевельнул метлой.

– Дворники мы, это верно. Только ни о какой базе знать не знаем. Мы вольные работники. Безбазные.

– Шутки шутить вздумал? – прорычал Орлиный Нос. – Ты мне свою базу сейчас покажешь или я тебе по очереди отстрелю руки, ноги и голову:

– Стреляй, чего же ты ждёшь?

Марина заметила, что все трое Дворников как бы невзначай рисуют мётлами замысловатые фигуры на земле. «Да они же ячейку открывают!» – догадалась Марина. Правда, не грязную, а… какую-то другую. И вот она уже засияла всеми оттенками синего, заструилась ручьём у ног Дворников. Те чуть отшагнули назад.

Орлиный Нос нажал на спусковой крючок, дядя Иван взмахнул метлой, и пуля вместо ноги ушла в пустоту.

– Держи ячейку, – шепнула Аниша и шагнула к дяде Ивану.

Марина растерянно моргнула, окунула метлу в синий калейдоскоп. Анише нужно, чтобы ячейка не закрылась раньше времени, кажется… Ладно, попробуем. Если повернуть так, «ручей» продолжит течь. Хорошо.

Лордовы псы открыли огонь на поражение, но Дворники стояли невредимые, пули не долетали, проваливались в квантовые туннели, которые открывали и тут же схлопывали Аниша, Костя и дядя Иван. И шаг за шагом отступали – всё дальше и дальше от синего, невидимого пришельцам ручья. Те же, наоборот, необратимо приближались к нему.

– Отходи! Быстро! – крикнула Аниша Марине.

– А с ячейкой что? Бросить?

Автоматы повернулись в её сторону. Бойцы вдруг сообразили, что Марина – единственная, кто не отгоняет от себя пули. Надо бежать. Или держать ячейку. Или… Паника сковала тело. Орлиный Нос нажал на спусковой крючок, глядя ей в глаза. Где-то слева Костя взмахнул метлой, а Аниша бросилась к ней, сбила с ног. И вовремя – пуля просвистела у виска. Падая, Марина словно в замедленной съёмке увидела, как вспыхнул сапфировым светом ручей и как влетели в него все три бойца Лорда. Дядя Иван взмахнул метлой, закрывая ячейку. И всё затихло.

Марина попыталась выбраться из-под рыжей.

– Аниша. Вставай. Мы победили. Они исчезли. Ну же…

– Аниша! – Константин подбежал к ним, поднял сестру на руки.

В вечернем полумраке оба казались смертельно бледными. И тут Марина поняла почему. Костя – от испуга, а Аниша… Аниша сбила её с ног, защитив от выстрела. Прикрыла собой – в прямом смысле. Одна пуля просвистела у виска Марины, другая вошла под левую лопатку рыжей Дворнички.

– Сестричка, держись, пожалуйста, – бормотал Костя.

Руки его были в крови, как и белая, вышитая по краям рубашка Аниши.

Рыжая чуть приподнялась, прошептала:

– Найдите замок… Обязательно…

И опустила голову на колени брату.

– Врача! Кто-нибудь, да помогите же ей!

– Константин. – Бородач положил ему руку на плечо. – Будь мужчиной. Ей мы уже не поможем.

Из пустоты возникла Рита.

– Я вектор увидела. Что у вас? – и замолчала. Упала на колени возле подруги.

– Она… Как же так? Чтобы Аниша и не ушла из-под пуль?! Мне надо было остаться с вами.

– Нет. Спасение детей и Спирари – первоочередное. Да и вряд ли бы ты помогла. – Он повернулся к Марине. – Ты стояла под неудачным углом. Мы не могли отвести от тебя пули, пришлось вот так…

– Из-за меня, – всхлипнула Марина. – Если бы меня не заклинило, если бы я вообще вас послушалась и осталась… Она из-за меня погибла!

И разрыдалась.

– Перестань, – сказал бородач. – Что сделано, то сделано.

– Что здесь вообще случилось? – Рита поднялась на ноги, подошла к дяде Ивану.

– Их было трое. Нашли лазейку в барьере. Мы сработали по плану Б. Барьер подлатают, сейчас пришлю кого-то, но… Боюсь, это не поможет. Не сегодня, так завтра Лорд пришлёт новых псов.

– Но как они вообще нас нашли?!

– Из-за меня! – снова закричала Марина. – Этот подлец мне чип вживил, а я даже не заметила. Я болела, а он… И Ярослава, я ей так верила. Убейте меня: я вас всех подставила!

– Прекрати истерику! – рявкнул дядя Иван и вдруг хрипло рассмеялся. – Что ж, теперь мы хоть знаем, как погибнет Спирари. Сэла всё правильно увидела, только цвет вектора, кажется, перепутала. Но по крайней мере, мы предупреждены. А значит, можем ещё что-то придумать. Возвращаемся.

Костя поднял сестру на руки и пошёл впереди. Марина брела за ним, не разбирая дороги. Перед глазами мелькали лица. Дин, отец, Ярослава, долговязый Андрей, Аниша… Сколько ещё смертей будет на её пути?

Ответом ей стал отчаянный волчий вой.

На следующий день в большой овальной пещере, звавшейся Центральной, собрался совет Дворников. Первым взял слово неизменный спутник Риты – Алан, наконец-то Марина выяснила его имя.

– Это всё из-за неё, – и ткнул пальцем в сторону, где сидели они с Костей. – С тех пор, как она здесь появилась, начались неприятности. Сначала Спирари исчез из будущего, потом шпионы пришли по её следу. Почему мы должны верить, что она не знала о маячке? Эту женщину опасно оставлять на базе, она нас всех погубит. Люди Лорда теперь легко нас вычислят.

– Уже вычислили, – сказал дядя Иван.

– А ты небось опять начнёшь рассказывать про ключи и замки? Так вот что я скажу. Она – не ключ! Она – отмычка, причём не наша, а Лордова. Я не желаю, чтобы Марина Гамильтон ещё хоть один день оставалась в Спирари! Кто за то, чтобы изгнать её? Поднимите руки.

– Не надо рук. – Марина вскочила на ноги. – Вы абсолютно правы: я принесла вам несчастье. И мне очень больно от этого. Я ухожу, немедленно, чтобы больше никому не навредить.

– Все высказались? Наигрались в «совет кураторов»? Может, не выгнать, а сразу деактивировать «шпионку»? – Дядя Иван вышел на середину продолговатого зала, пока Константин усаживал на место готовую бежать куда глаза глядят Марину. – А теперь меня послушайте. Долгие годы мы только и делаем, что чистим грязь за нашими «светлыми строителями». И за все эти годы не получили ни единого результата. Ни-е-ди-но-го! Сколько бы ни старались, в будущем всё оставалось по-прежнему. До недавнего времени. С приходом Марины ситуация зашевелилась. Да. Изменилась она к худшему. Но иногда любые перемены лучше, чем ничего. Мы расшатали маятник, сейчас он качнулся в сторону «минус», но, кто знает, может, вчерашние беды обернутся удачей завтра?

– Если бы могли пробиться в прошлое! – воскликнул второй спутник Риты. – Предотвратить этот чёртов эксперимент.

– Ты же сам знаешь: ни к чему это не приведёт. Опускались мы во времена обдолбов не раз, видели векторы. Если убрать эксперимент Гамильтона – Брута, человечество отупеет окончательно, Наукоград разрушат, а Спирари не появится

никогда.

– Значит, глубже надо идти. В то время, когда квантеров ещё в природе не было, в век, например, двадцать первый. Там чистить. Да знаю я, дядя Иван, что ты скажешь. Что не пробиться через Пустоту, что слишком глубоко и опасно, но я считаю, нужно пробовать. Пытаться снова и снова. И Андрей в это верил.

– Неужели мы не пытались? Сколько наших там сгинуло, помнишь? И следов не осталось. Я сам три раза чуть не пропал – возвращался с полпути.

– Простите. – Марина подалась вперёд. – Что значит…

На неё никто не обратил внимания.

– Мы что-то не так делали! – разорялся Ритин спутник номер два. – Нужно ещё раз всё проанализировать: почему она нас держит? В теории Томински никаких ведь ограничений на глубину перемещения нет! Что тогда мешает пройти через Пустоту?

– Сто раз уже анализировали…

– Да что такого в вашей Пустоте?!!

Дворники наконец услышали Марину, повернулись к ней. Кто-то фыркнул, кто-то невесело засмеялся, кто-то забубнил неразборчиво. Дядя Иван поднял руку, призывая к тишине, потом заговорил:

– Пустота – это словно нирвана, только лучше. Ты растворяешься в ноосфере, а она – в тебе. Не остаётся ни боли, ни тревог, никаких других чувств. Становится настолько легко… Ты не помнишь ни друзей, ни родных, ни мира этого, который спасать надо. Ты везде и нигде, и тебе хорошо, как никогда прежде. Оно так затягивает, словами не передать. Ты не понимаешь, зачем тебе куда-то идти, к кому-то возвращаться… Хочется навсегда остаться там. Говорю же, за волосы себя вытаскивал.

– Бред какой-то! – Марина тряхнула головой. – Я была там. Полтора проклятых года проторчала в самой что ни есть пустой Пустоте. И уж поверьте мне: ничего хорошего я там не увидела! Тошнит, если честно, при одном воспоминании.

И стало тихо.

На подготовку ушло четыре месяца. Марина училась управляться с метлой, штудировала историю двадцать первого века и погружалась в Пустоту – с каждым разом всё глубже и глубже. Больших трудностей у неё это не вызывало. Разве что приходилось перед каждым прыжком преодолевать отвращение. Полтора года небытия подействовали словно прививка.

– Вот оно, – пробормотал дядя Иван в воцарившейся на

собрании тишине. – Вот о чём говорил вектор. Ты – единственная, кто был частью Пустоты и вернулся. Если кто и сумеет пробиться сквозь неё, то это ты.

– Завтра и выясним, сумеет или нет.

– Мы дадим тебе с собой еды на первое время, одежду, золото – оно во все века ценилось. И метлу, разумеется.

Костя легонько сжал её ладони. Удивительно, что он не обозлился на неё, не обвинил – вполне справедливо – в смерти сестры. Впрочем, Дворники вообще народ необычный.

– Ты же понимаешь, на что идёшь? – Дядя Иван смотрел сурово. – Мы не сможем тебе ничем помочь. Неизвестно, что тебя ждёт в двадцать первом веке, возможно, пропадёшь сразу же. Да и вообще, нет гарантии, что доберёшься туда благополучно.

Марина улыбнулась.

– Ждёт удача. Пусть не сразу, но она повернётся к нам лицом обязательно. Я верю. В Сэлу, в её видение и в себя. Но меня беспокоит другое. Если я изменю прошлое, не случится ли так, что я сотру Спирари? И всех вас?

Бородач приобнял её за плечи.

– Может, и сотрёшь. А если не ты, то уж Лорд и его последователи точно. Но что такое несколько десятков, пусть даже сотен жизней по сравнению с судьбой человечества?

Марина кивнула.

Бодрая улыбка, прямой взгляд. Нельзя, чтобы дядя Иван почуял, что у неё на душе. А там – страх. Мерзкое предательское чувство. Как будто что-то теряется безвозвратно.

Не думать об этом.

Она не имеет права на сомнения и раздумья. Если испугается и отступит, значит, спирарцы столько лет боролись зря. Значит, её отец, Огней, Ярослава, Андрей, Аниша – и сколько ещё хороших людей? – погибли напрасно. Бодрая улыбка, прямой взгляд. Ничего страшного на самом деле. Всего-то и нужно – нырнуть на четыре века назад. Найти жильё. Устроиться на работу уборщицей. Отыскать потенциальных Дворников…

– Хорошо, дядя Иван. Я всё поняла. А сейчас пойду, пожалуй, мне надо выспаться.

– До завтра, Марина.

Она пожала руки друзьям и пошла к дому, за ней тенью скользил белый хищник по имени Кларк. Марина глядела в необычайно ясное ночное небо и старалась почувствовать мысли волка, чтобы только не думать о завтра.

Завтра.

Светлое завтра.

Эпилог

Снежинки таяли на чёрных кудрях. Их сёстры кружили в воздухе, опускались на асфальт, покрывая его прозрачным зимним ковром, который тут же украшался цепочкой следов. Но Марине не было дела ни до снеговых ковров, ни до следов – и то и другое нещадно сметалось проворной метлой. Как и чёрная, абсолютно не уместная на чистом снегу лужа – отпечаток вчерашней аварии. Вечерние прохожие, спешившие в метро, оборачивались, с интересом её рассматривали. Марину, а не лужу. Хотя она бы предпочла, чтобы хоть кто-то обратил внимание именно на ячейку, вместо того чтобы о глупостях разных думать. Зелёный юнец попытался с ней флиртовать, абсолютно неуклюже и неумело, солидный мужчина в кожаном пальто спросил, сколько ей платит ЖЭК, и, не дождавшись ответа, предложил подработать в другом месте – более уютном и тёплом, две тётки, проходя мимо, презрительно фыркнули.

И лишь один парень наблюдал за Мариной молча, на расстоянии. Минут пятнадцать уже рассматривал её с остановки, два автобуса пропустил, замёрз, аж приплясывает. Но подойти не решается. Хотя… Вот, кажется, идёт. Если и он сейчас непристойность предложит, получит метлой по голове. Нет, не должен. Не похож… Парень приблизился, потирая замёрзшие руки в серых перчатках, посмотрел на неё пристально и выдохнул:

– Девушка, вам помочь?

Марина вгляделась в раскрасневшееся смущённое лицо, в голубые глаза и дальше – за грань видимого. Похоже, она не ошиблась. Дворничка мысленно поздравила себя с находкой и медленно ответила:

– Пожалуй, да. Помоги.